

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*
1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
И
ПЕРЕВОДОВЪ.

АДМИРАЛА ШИШКОВА

*Россійской Императорской Академии Президента
и разныхъ ученыхъ обществъ Члена.*

Ч А С Т Ъ XII.

С. П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1828.

D.T. Flint

16V.

118

891.78
S55727
1818a
v.12

61-372188

~~PG 3361~~

~~S45~~
~~1818~~

~~~~~  
П Е Ч А Т А Н О:

По определению Императорской Российской Академии.

Мая 12 дня 1817 года.

~~~~~  
Slavic Division

461919

Quis, 34

О Г Л А В Л Е Н І Е

Д в а н а т ц а т о й ч а с т и .

	Стр.
1) Невольничество. Драмма въ одномъ дѣйствіи	Стр.
2) Филиппъ, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, знаменитаго Альфьери	3
3) Сравненіе Сумарокова съ Лафоншениемъ, въ тѣхъ припѣчахъ, копорыя они заимствовали у древнихъ и пересказали оныя каждый своимъ образомъ	12
4) Примѣчанія на примѣчанія на Лирическую поэму Пожарской, Мининъ, Гермогенъ, соч. Кн. С. Шихматовымъ	21
5) Описаніе на письмо Господина Луки Говорова, напечатанное въ Вѣспникѣ Европы Апрѣля 1807, No 8, подъ заглавіемъ: Письмо изъ города N. N. въ столицу	25
6) Разбитіе Рускаго военнаго корабля у береговъ Швеціи, въ 1771 году	26
7) Перениска. Замѣчанія на 10-ю статью, помещенную въ 4-й часпи (съ прибавленіями) Описанія доспримѣчательныхъ кораблекрушеній	33
-

НЕВОЛЬНИЧЕСТВО.

Д Р А М М А

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Часть XII.

1

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Сіе маленькое произведеніе сочинено было по слѣдующему случаю: при открытіи въ Петербургѣ Намѣстничества (въ 1780 году) Екатерина Великая путешествовала. Въ сіе время Директоромъ Театра былъ Тайный Совѣтникъ Василій Ильичъ Бибииковъ. Ему захотѣлось, чтобъ въ день сего торжественнаго открытія представлено было на Придворномъ Театрѣ въ честь Ея нѣкое новое зрѣлище. Не давно предъ тѣмъ случилось, что взятый въ плѣнъ Руской солдаты, проданный Турками Алжирцамъ, написалъ оттуда къ Императрицѣ письмо, прося о выкупѣ его изъ неволи. Она послала нѣкоторое значное число денегъ съ тѣмъ, чтобъ не только солдатъ сей, но и другіе, находящіеся въ неволѣ Христіане, были выкуплены. Бибииковъ счелъ за приличное сей щедрый поступокъ Ея прославить. Онъ уговорилъ меня (я былъ тогда въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ Офицеромъ) написать маленькую на сей случай Драмму подъ названіемъ *Невольничество*. Пьеса сія въ день открытія Намѣстничества представлена была во Дворцѣ на Те-

III

апрѣ. Роль солдата игралъ знаменитый актеръ Дмитревскій. Съѣздъ былъ чрезвычайный. Фельдмаршалъ Голицынъ, облеченный тогда въ санъ Намѣстника, и всѣ значныя чины и дворянство, сколько желали изъ любопытства, столькоже и за должное поставляли быть зрителями сего торжественнаго представленія, сыграннаго съ немалымъ успѣхомъ. Чрезъ нѣсколько времени Императрица возвращается изъ своего путешествія. Бибиковъ вознамѣрился представить снова сію Драмму. Даютъ ее, но уже не на Придворномъ, а на маленькомъ частномъ Театрѣ, назначая собранныя за то деньги употребить на выкупъ людей, сидящихъ за долги въ темницѣ. Зрителей было множество. Наслѣдникъ престола, Его Высочество Великій Князь Павелъ Петровичъ, приславъ напередъ нѣкоторое число денегъ, пріѣхалъ самъ. Всего собрано было осмнатцать тысячъ рублей, за которые, по убѣжденіи займодавцевъ къ немалой уступкѣ требованій ихъ, освобождены многіе должники, на сумму, простиравшуюся до шестидесяти тысячъ рублей.

*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гонима, невольница.

Честана, дочь ся.

Добромысль, любовникъ Честанинъ,
исвольникъ.

Любославъ,	}	исвольники.
Мечестъ,		
Храбродъ,		
Миролюбовъ,		

Начальникъ надъ исвольниками и спражи.

*Дѣйствіе въ одномъ приморскомъ городѣ
въ Африкѣ.*

Я В Л Е Н І Е I.

Театръ представляетъ темницы подземныя, въ которыхъ содержатся невольники и куда они по окончаніи работъ отводятся для заключенія въ оковы.

Д О В Р О М Ы С Л Ъ . И Ч Е С Т А Н А .

Д О В Р О М Ы С Л Ъ .

Дражайшая Чеспана! несчастная ты пришла увидѣться съ несчастнымъ; пришла взглянуть на мое бѣдное соспояніе, и мнѣ въ жалости достойномъ показаться видѣ. Въ какихъ спѣнахъ, въ какомъ ужасномъ мѣстѣ опредѣлили мнѣ рокъ на тебя взирашь! сіи тяжкія цѣпи, сіи лучами солнца никогда не освѣщаемые своды, сей спонъ и вопль спражduщихъ невольниковъ, и сіи предметы жалости и нищеты, приличны ли окружають дражайшую мою Чеспану?

Ч Е С Т А Н А .

Увы! они купно и тебя окружають, бѣдное швое лице, и смущенный зракъ, по-

казываютъ ясно въ какомъ ужасномъ состояніи находишься своя душа, и что ты тяжкими трудами изнуренный начинаешь лишаться здравія. Ахъ Добромысль! мое злополучіе твоимъ спокрашно умножается.

Д О Б Р О М Ы С Л Ъ.

Ты моимъ, а я твоимъ мученіемъ спрадаю. Не довольно того, что мы вѣчному здѣсь преданы порабощенію, что намъ суждено изнемогать подъ бременемъ жестокихъ трудовъ, быть жалостною жертвою свирѣпства и воли немилосердыхъ мучителей, носить суровое рубище, и лишаться не довольно къ насыщенію глада пищею, какой и самая скупость презрѣннѣйшимъ пварямъ не отрицаетъ: нѣтъ сего еще мало; надобно, увы! чтобы и сама любовь наша, въ которой мы счастье свое найши уповали, обращалась намъ въ казнь и мученіе!

Ч Е С Т А Н А.

Ты еще всѣхъ бѣдствъ не знаешь: мать моя думая, что уже къ увѣнчанію любви нашей ни малой надежды не осталось, почищаетъ ее порокомъ, прогнѣвающимъ Всевышняго, и не позволяешь мнѣ больше съ побою видѣться. Вчера она мнѣ по съ самою величайшею строгостию подшвер-

Д О Б Р О М Ы С Л Ъ .

Ужѣ и такъ свиданія наши весьма рѣдки, а хопящъ ихъ вовсе прекрашишь.

Ч Е С Т А Н А .

Еще ты не имѣлъ свободнаго времени расказаць мнѣ печальную плѣненія швоего повѣснь, скажи теперь.

Д О Б Р О М Ы С Л Ъ .

Изъ радости, въ кошорой нѣкогда упопала моя душа, въ какую адскую пропасть низвергла меня одна минута, спавшая попомъ началомъ цѣпи непрерывныхъ моихъ злополучій! Подъ предводишельствомъ славнѣйшаго мужа многократно Днестръ и Хопинъ были свидѣтелями громкихъ нашихъ побѣдъ, въ коихъ и я по мѣрѣ силъ моихъ спарался явишь мою ревность къ обожаемому опечеству. Но когда разсѣянные подъ Кагуломъ побѣдоноснымъ воинспвомъ нашимъ сонмы враговъ бѣжали по всѣмъ спранамъ блѣдностію лицъ своихъ возвѣщашъ храбрость и славу нашу, когда поверженная въ прахъ и погруженная въ Дунайскія воды гордаго непріашеля злоба, не дерзала уже и робкихъ очей своихъ возводить на поржеспвующее наше воинспво, и когда опличив-

шійся благоуспѣшными въ семь случаѣ подвигами проливалъ я опъ радости слезы, что имѣлъ щастіе посильнѣя мои показашъ Отечеству услуги, и посредствомъ оныхъ сдѣлалъ себя достойнѣе; тогда, въ самую сію радостную минушу, бѣшенство лошади моей, падшей тогда подо мною, предало меня въ руки бѣгущей со страхомъ уже послѣдней полкъ непріятельской, которая схвативъ меня повлекла съ собою. Вотъ начало моихъ злоключеній. Проданный послѣ того въ сію варварскую страну, къ усугубленію горести моей, нашель я тебя въ оной тебя нашель къ усугубленію горести моей! Вотъ превратная судьба какими словами велишь мнѣ изъясняться! Что есть сего неноснѣе, какъ опягощаешься самымъ свиданіемъ съ тѣмъ, кпо намъ всего на свѣтѣ любезнѣе? Но ахъ, лучше было бы никогда мнѣ тебя не видашь, нежели видѣть въ сихъ мѣстахъ подобно мнѣ несчастною.

Ч Е С Т А Н А .

Когда уже судьбою непремѣнно определено тебѣ въ рабствѣ семь находишься, такъ я благословляю пошъ часъ и случай, которой предавъ меня во власъ набѣжавшихъ на насъ Тапаръ, доставилъ мнѣ по крайней мѣрѣ шо утѣшеніе, что я умру съ побою.

Г о н и м л.

Не время теперъ помышлять о томъ, чѣмъ вы прежде ласкались, и къ чему никакой надежды болѣе не оспалось. Бракъ вашъ не угоденъ былъ Богу, надлежитъ о немъ забыть. Дочь моя послѣдуй моей прозвѣ, моимъ совѣшамъ, моему повелѣнію.

Ч е с т а н а на колѣняхъ.

Ежели вы хотите видѣть меня послушною, такъ умертвите меня прежде, иначе я повелѣній вашихъ исполнить не могу. Выньте изъ меня сіе не повинующееся вамъ сердце.

Д о б р о м ы с л ь тоже на колѣняхъ.

Сжалъсь надъ нами, и не обременяйте больше уже и такъ весьма много обремененныхъ сердецъ нашихъ.

Г о н и м л.

Такъ продолжайте упорствомъ вашимъ прогнѣвлять небеса; увеличивайте сею несовмѣстною любовію бѣдность соспоянiя нашего: или оно васъ еще не ужасаетъ? Или вы къ безчисленнымъ здѣсь мученіямъ хотите и по присовокупить горькое признаніе, что вы доспойно за вину свою спра-

даете? Побойшесь Бога! Вообразите себѣ несчастную судьбу нашу; вспомните, что мы находимся въ рабствѣ, въ узахъ, въ пемницѣ; что участь наша есть упомляться трудами, спать на камняхъ, изнураься голодомъ, сносить неприличные намъ удары немилосердыхъ приспавниковъ: и доколѣ претерпѣвать сіи злобныя мучительства? До самой смерти! Ахъ любезныя мои дѣти! легко ли думать, что мы никогда не увидимъ ни опечесства, ни сродниковъ, ни друзей нашихъ; что съ оковами на ногахъ умремъ въ пемницѣ, между злодѣями, въ невѣдомой намъ спранѣ: и можемъ спасться самые часы смерти нашей преогорчены будупъ насмѣшесствомъ и ругательствами нашихъ мучителей! Вопъ въ какомъ находимся мы состояніи, и вопъ чего ожидать должныствуемъ.

Ч Е С Т А Н А.

О лютое ожиданіе!

Г О Н И М А.

Всякую минупу новое здѣсь услышишь или увидишь мучительство. Сынъ за то нещадно изъязвленъ и пязжими ко епѣнѣ прикованъ цѣпами, что для поданія помощи умирающему опцу своему оплучился на крапкое время опъ работы, и смопря на

смерть злосчастнаго спарца не имѣетъ свободы и послѣдняго принять изъ устъ его благословенія. Братъ взираетъ на мученіе брата спраждающаго за то, что лишился силъ къ понесенію возложенныхъ на него сверхъ возможности прудовъ. Тамъ другъ оплакиваетъ убіеннаго друга, и себѣ равнаго ожидаетъ конца: индѣ нѣкто несчастный, услыша вѣдомость объ одержанной единоземцами своими побѣдѣ, за нескромное пому порадованіе, наказуется жестокими ударами и ругательствомъ, для избавленія себя отъ копорыхъ щещно воплемъ и уничиженіями хочетъ преклонить мучителей своихъ на жалость; они спона его не внемлютъ, и подобно яроспнымъ шиграмъ перзаютъ сего агнца. Словомъ сіе мѣсто, куда насъ заключилъ гнѣвъ Божій, есть адъ земной, гдѣ собраные оповсюду несчастные люди перпятъ разныя мучительства, отъ копорыхъ едина только смерть ихъ избавить можетъ.

Д О Б Р О М Ы С Л Ъ.

О бѣдспвенная жизнь!

Г О Н И М Л.

Такъ находящимся вамъ въ люпѣйшемъ состояніи семъ прилично ли хопя малую имѣть къ увѣчанію любви вашей надежду?

Д о б р о м ы с л ь .

Таково наше соспояніе, что темница и цѣпи служатъ намъ оправдою, когда посредствомъ оныхъ избавляемся мы опять безмѣрныхъ трудовъ но сей невольникъ меня удивляетъ: образъ его. . . .

М е ч е с т ь .

Боже милосердый! молю тебя, да будешь мѣсто сіе послѣднимъ рабства моего свидѣшелемъ.

Д о б р о м ы с л ь .

Такъ, это онъ. . . . Мечесль!

М е ч е с т ь .

Кто произноситъ здѣсь имя мое!

Добромысль бросаешь къ нему.

Увы! сколькоже, какъ и ты, несчастный другъ твой Добромысль.

М е ч е с т ь .

Добромысль? о судьба о заключение! Какъ! ты въ моихъ объятіяхъ, ты, копораго я оплакивалъ смерть?

Д о б р о м ы с л ь .

Нѣтъ, любезный другъ! жестокой рокъ не хотѣлъ меня умершвишь; смертью моею

ненависть его не была бы удовольствована; онъ оставилъ меня жить, чтобы жизнью мучиться, и чтобы къ вѣчному спрдаію моему напослѣдокъ и себя увидѣть въ такомъ же мученіи.

Мечеть.

Такъ послѣ оплакиванія смерти своей, тебя увидя, долженъ я теперь оплакивать твою жизнь?

Добромысль.

Неумолимая судьба наша того хочетъ: ты считая меня мертвымъ, считала паче благополучнымъ, нежели я есмь; а я воображая тебя живущимъ въ любезномъ нашемъ Опечесствѣ, и наслаждающимся подъ пѣнію процвѣтающей тамо премудрости и спокойствія, славою полученныхъ нами побѣдъ; нынѣ къ усугубленію горести моей вижу въ такихъже узахъ равнымъ со мною обремененна бѣдствіемъ.

Мечеть.

Ахъ, любезный Добромысль! вмѣсто увѣнчанной славою пріятной жизни, какую пагубную и позорную жизнь мы здѣсь преепровождать долженствуемъ!

мою бодростію и мужеспвомъ повелѣвавшаго тогда военачальника, пришло оно паки въ прежнюю успройность; а попомъ напоминовеніе, что они Россіане, и что пекущаяся объ нихъ Матерь назирая дѣла ихъ невидимо надъ ними присупспвуешъ, воспалило въ нихъ шакой пламень и огонь воинской, что съ единомушнымъ священнаго имени сего восклицаніемъ бросившись подобно неустрашимымъ лвамъ на огонь и на мечи безчисленныхъ непріятелей, въ одно мгновеніе ока ихъ опрокинули, поразили, попрали, рассыпали какъ прахъ. Тогда осужденной одинъ только я не наслаждаюсь радостнымъ побѣды сей шоржеспвомъ, нѣкимъ несчастнымъ приключеніемъ преданъ былъ во власъ пропивникоєъ, и всякую минушу ожидалъ смерти; но вмѣсто, чтобы опъ сверкающихъ надъ головою моею мечей бытъ обяшу спрахомъ, сердце мое наполнялося чрезвычайною радостію, видя, что влекущая меня съ собою полпа враговъ, бѣжитъ въ смятеніи, и на спѣшащихъ своихъ пшахъ въ самую грудь опечеспва своего несешъ ужасъ и опчаяніе.

Д о б р о м ы с л ь.

Такимъ образомъ попереявъ свободу сдѣлался пы, какъ и я, жершвою корышполюбія твоихъ враговъ?

Мечестъ.

Подойди сюда, Любославъ!

Гонима *упада* въ руки Мегеста.

Ахъ! несчастной сынъ мой!

Честана *упада* въ руки Добромысла.

Брашъ злополучной!

Любославъ.

Кого я вижу! Боже! я умираю. (*Упадаетъ*).

Добромысль.

О приключеніе спрванное! прежалоспное свиданіе единокровныхъ!

Гонима.

Не мечшу ли смущенныя мысли мнѣ представляють? Сынъ возлюбленной! шого полько къ совершенію гореспей моихъ недоспавало, чшобъ и шебя соучаспникомъ злополучія нашего видѣшь. . . . Доволенъ ли шы шеперь свирѣпой рокъ? шы всѣми обремениль сердце мое бѣдспвіями, и напослѣдокъ привель ко мнѣ въ оковахъ сына, чшобъ онъ звукомъ цѣпей своихъ до конца поразиль мою спаросшь.

Ф И Л И П П ъ,
ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,
ЗНАМЕНИТАГО АЛЬФЬЕРИ.

п е р е в о д ъ
съ Итальянскихъ Бѣлыхъ Стиховъ Прозою.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Филиппъ, Король Испанскій.

Изабелла, жена его.

Донъ Карлосъ, сынъ Филипповъ.

Гомесъ,

Пересъ,

Леонардъ,

Совѣтники.

Стража.

}

Вельможи.

*Дѣйствіе происходитъ въ Мадридѣ въ Цар-
скихъ терменахъ.*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ИЗ АВЕЛЛА.

Желаніе, страхъ, сомнишельная и преступная надежда, спускайте изъ груди моей! — Филиппова сына, невѣрная Филиппу жена, дерзаю я любить? я! — Но кто можешь видѣшь его, и не любишь? Смѣлое исполненное челоуѣколюбія сердце, благородная гордость, высокой умъ, и въ прекрасномъ шѣлѣ прекраснѣйшая душа—ахъ! для чего природа и небо сотворили шебя таковымъ? . . . Увы! что я говорю? Такъ ли сладкой образъ его вырываю изъ глубины моего сердца? О! ежели бы о семъ пламени кто нибудь изъ живущихъ на земли былъ извѣстенъ! О! ежели бы могъ онъ самъ подозрѣвать его! Онъ всегда печальну меня видитъ . . . печальну, правда, но въ шже время и убѣгающею лица его; и знаешь, что всякое веселіе изгнано изъ Гишпаніи — а въ сердцѣ у меня кто можешь прочишать? Ахъ! когда бы сама я, что происходитъ въ немъ, шолько же, какъ и другіе, не знала! о! ешлы бы могла обманывать себя, убѣгать ошъ себя самой шакже, какъ ошъ другихъ! . . . Не

кто, кромѣ меня, можешь о томъ знать? Толикою добродѣтелію, добродѣтелію и превозможеніемъ высшимъ силъ человѣческихъ, гордился я и сокрушался. Священный долгъ всегда былъ предъ очами моими, и погрѣшилъ ли я хотя мыслію, знаешь по небо, каждой пайной мысли моей свидѣтель. Въ слезахъ долгіе дни, въ слезахъ провождалъ я долгія ночи: что пользы? Ненависть ко мнѣ въ сердцѣ отца моего, и глубокая печаль въ моемъ, не преславали возрасташь.

ИЗВЕЛЛА.

Повѣрь мнѣ, въ сердцѣ опцовскомъ ненависти бытъ не можешь; но подозрѣніе. Спроптивая толпа, ненавидящая себя, и тѣмъ больше злая на достоинство, чѣмъ оно превосходнѣе, внушила можешь бытъ подозрѣніе на себя въ сердце родительское.

КАРЛЪ.

Ахъ! ты не знаешь, какой у меня отецъ, и дай боже, чтобы ты никогда его не узнала! Еще лукавые замыслы злосчаго двора тебѣ не извѣстны; нѣтъ въ немъ истинны, нѣтъ правоты. Жестокосерднѣйшій изъ всѣхъ окружающихъ его жестокосердыхъ людей, Филиппъ естъ толпу, который ненавидитъ меня; онъ рабскую толпу свою на-

правляешь; онъ именемъ опца, ешьли только знаешь оное, раздражаешься. Я однакожь, не взирая на то, не забываю, что я сынъ его. Но ешьли бы нѣкогда и могъ, забывъ сіе, дасть волю заключеннымъ въ груди жалобамъ моимъ, то не услышалъ бы, нѣтъ, никогда не услышалъ бы онъ меня вопіющаго за опъяніе у меня почестей, ниже за лишеніе славы, ниже за неслыханную и не еспесивенную ненависть опцовскую; о другой, несравненно бѣльшей для меня напаси вопіалъ бы я. Онъ, опнявъ шебя, все у меня опнялъ.

И з а б е л л а.

Князь! ты забываешь, что онъ швой опецъ.

К а р л ъ.

Ахъ! прости сему невольному наполненной души моей изліянію: всей глубины сердца моего до сей минушы не имѣлъ я случая тебѣ опкрышь.

И з а б е л л а.

И никогда бы тебѣ опкрывать того не надлежало; ниже мнѣ слышать.

К а р л ъ.

Поспой; когда уже ты часъ печали

щасливая! слезы одна мнѣ опрада; но и слезы преступленіе. — Сокроемъ далѣе внутрь храминъ моихъ печаль мою; тамъ свободнѣе. . . . Чпо я вижу: Карль? Ахъ! уйдемъ: каждое слово мое, каждый взглядъ, могутъ мнѣ измѣнить: о небо! уйдемъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

КАРЛЬ И ИЗАБЕЛЛА.

КАРЛЬ.

Какая встрѣча! — Царица, какъ? и ты отъ меня убѣгаешь? и ты несчастному мнѣ образъ швой возбраняешь видѣшь?

ИЗАБЕЛЛА.

Князь.

КАРЛЬ.

Весь дворъ отца моего врагъ мнѣ, я это знаю; дивно ли, чпо ненависть, злобу, и подлую, худо сокрытую зависть, на лицѣ каждаго чипаю, когда отцу и царю моему я прошивенъ? Но ты, чуждая жестокосердія, ты, рожденная подъ небомъ менѣ мрачнымъ, и копорой сердце не заражено плѣшворнстію здѣшняго воздуха; могу ли по-

мыслишь, чшобъ въ швоемъ любезномъ и величешвенномъ образѣ скрывала ты не жалостную душу?

ИЗABELLA.

Тебѣ извѣстно, какую жизнь по сіе время вела я здѣсь: спрое и новые для меня двора сего обычаи не испребили еще изъ мыслей моихъ шой первой и сладкой къ родинѣ моей любви, которая такъ сильно обладаешъ нами. Я знаю спраданія швои, знаю преперпѣваемые шобою незаслуженныя оскорбленія, и сожалью.

КАРЛЪ.

Ты сожальешъ? о радость! Сіе слово швое всѣ мои муки въ пріятное погружаешъ забвеніе. Но я скорблю о швоей печали. Чашпо, не помня о моихъ мученіяхъ, плачу о швоей люшой судьбѣ, и желалъ бы.

ИЗABELLA.

Люшость судьбы моей современемъ, надѣюсь, уменьшится: злополучіе мое не можешъ равняшся съ швоимъ; переспанъ о немъ такъ много печалишся.

КАРЛЪ.

Моя жалость тебя оскорбляетъ, когда швоя даешъ мнѣ жизнь.

ИЗВЕЛА.

Ты выше мѣры жалоснь мою спавишь.

КАРЛЪ.

Выше мѣры? ахъ нѣтъ! Какая склонноснь, какое чувствованіе можешь сравнишься или превзойти томъ сладкой препень жалосни, копорой во всякомъ челоувѣ колюбивомъ сердцѣ обипаешь? копорой мспитъ злощаснью, и наносимыя имъ раны исцѣляя, не велишь болѣе называться злополучными шѣмъ, кои въ общей печали общими себя слезами упѣшають.

ИЗВЕЛА.

Что ты говоришь? Такъ, я чувствую жалоснь но о небо! Такъ конечно, я не мачиха тебѣ: есшьли бы могла я осмѣлиться за невиннаго сына предспашельствовать у разгнѣваннаго ошца, ты бы увидѣлъ. . . .

КАРЛЪ.

Кто можешь сполько осмѣлиться? Но хопя бы ты и осмѣлилась, тебѣ неприлично. О жестокой предѣлъ! Всѣхъ моихъ нещасній ты, хопя и невиннымъ образомъ, ты одна причиною; и совсѣмъ шѣмъ ничего въ пользу мою. . . .

ИЗABELЛА.

Я причиною мукъ твоихъ? я?

КАРЛЪ.

Ты, конечно: развѣ не знаешь? мои бѣдства начались съ того злополучнаго дня, въ которой ты невѣстою моею наречена и въ тоже время опята у меня была.

ИЗABELЛА.

Увы! почто ты о томъ напоминаешь? прошла мгновенная та надежда.

КАРЛЪ.

Она съ лѣпами возраспала во мнѣ; отецъ мой питалъ ее; тошъ отецъ, которому послѣ угодно было разрушить сіи торжественныя узы.

ИЗABELЛА.

Чтожь теперь?

КАРЛЪ.

Подданный и сынъ самодержавнаго владыки, перпѣлъ, молчалъ, плакалъ, но внутри сердца; воля моей воля его была законъ: онъ спалъ супругомъ твоимъ: и сколь тяжко было мнѣ молчать и повиноваться,

моей узнала, внемли всю. Я долженъ тебѣ
сказать.

И з а в е л л а.

Молчи; оставь меня.

К а р л ъ.

Злополучный! я буду молчать; но увь!
сколько мнѣ говоришь остаешься? Последняя
надежда.

И з а в е л л а.

Какую надежду, кромѣ пресшупной, мо-
жешь ты имѣть?

К а р л ъ.

Надежду что ты не пишешь не-
нависти ко мнѣ.

И з а в е л л а.

Ты знаешь: я должна тебя ненавидѣть,
когда ты любишь меня осмѣливаешься.

К а р л ъ.

Естьли такъ, гнушайся мною; сама
предъ супругомъ своимъ обвини меня.

И з а в е л л а.

Мнѣ говоришь о тебѣ царю? — Я имени
твоего произнести не дерзну.

К а р л ъ.

Толь преспунымъ кажусь я тебѣ?

И з а в е л л а.

Одинъ ли ты преспуникъ?

К а р л ъ.

Такъ и ты въ сердцѣ своемъ. . . ?

И з а в е л л а.

Увы! что я сказала? . . . Сказала много. О дерзновенный! ты ясно меня понялъ. Кто я, и кто ты, подумай. Мы оба достойны гнѣва царскаго; я, когда тебя слушаю; ты, когда продолжаешь спать.

К а р л ъ.

Ахъ! ежели бы сердце швое такъ горѣло, какъ я горю и спрадаю; ежели бы ты всякую минушу милаго тебѣ человека видѣла въ обѣщаніяхъ другой: ахъ! не великою почишала бы ты виною ходишь по слѣдамъ опятаго у тебя друга, насыщаешь очи свои, и желаешь иногда, подобно мнѣ, крапкими и невинными изреченіями облегчать удрученное горестію сердце!

и такъ, доколѣ ты здѣсь, спрашусь и шрепещу я о тебѣ. Жалобный нѣкій гласъ, предвѣстникъ несчастной судьбы твоей, спонешъ у меня въ сердцѣ. — Ежели ты любишь меня, послѣдняго и перваго опыта любви твоей прошу: удались отъ отца своего.

К а р л ъ.

Изабелла! ты невозможнаго потребуешь.

И з а в е л л а.

Такъ по крайней мѣрѣ больше прежняго убѣгай меня: сохрани мою и свою славу. Оправдайся въ ложныхъ преступленіяхъ, копорыми обвиняешь тебя клеветущая зависть: живи, я тебѣ повелѣваю, живи. Да останешся со мною одна моя ненарушимая добродѣтель; съ побою, пропивъ воли моей, будетъ сердце мое, съ побою мысли, съ побою душа моя. Но не ищи слѣдовать по спомамъ моимъ, не опверзай предо мною успъ своихъ, не опверзай никогда. Доселѣ единое небо свидѣтель нашего преступленія: да сокроеся оно отъ всего свѣта; да сокроеся отъ насъ самихъ: вырви изъ сердца твоего даже до самаго корня воспоминаіе о томъ ежели можешь.

К а р л ъ.

Ты не выслушаешь меня болѣе? не выслушаешь никогда? . . . (*Хочетъ идти за нею, но она уходитъ*).

Ч а с т ь XII.

4

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

КАРЛЪ.

Нещасный! . . . о день! . . . она оспавила меня? . . . О злая судьба моя! ты меня въ одну минушу сдѣлала и счастливымъ и злополучнымъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КАРЛЪ И ПЕРЕСЬ.

ПЕРЕСЬ.

Я по слѣдамъ твоимъ, государь. . . . Но что вижу? о небо! опъ чего шолкое смяшеніе въ тебѣ? что спалося? ты почши внѣ себя ахъ, скажи; раздѣли со мною печаль твою. — Но ты молчишь? Не съ самыхъ ли юныхъ лѣтъ росли мы вмѣстѣ? не всегда ли ты называлъ меня другомъ своимъ?

КАРЛЪ.

Какое имя дерзаетъ ты произносить въ сихъ черпогахъ? Имя, навсегда опъ злохипрыхъ дворовъ изгнанное, хошя и часто упоминаемое. Тебѣ гибельна, а мнѣ бесполезна твоя дружба. Уступи шеченію, уступи; послѣдуй лучше самъ спре-

мленію шолпы: неси съ нею верховному ку-
миру корыспныя жершвы и поклоненія.

П е р е с ь .

Напрасенъ и несправедливъ швой совѣтъ;
не смѣшивай меня съ пресшупною шло-
пою; я но что пользы клясшься въ
вѣрности шамъ, гдѣ всякъ клянешся въ ней,
и всѣ измѣняющъ? Опъ сердца, опъ руки,
пошребуй вѣрнаго опыша; скажи, въ какую
опасность вдашься должно? Гдѣ врагъ, наи-
болѣе оскорбляющій тебѣ? скажи.

К а р л ь .

Одинъ у меня врагъ, ошецъ мой; дру-
гихъ, ползающихъ предъ нимъ рабовъ, не хо-
чу и не прилично мнѣ симъ именемъ по-
чтишь. Ошцу моему безмолвіемъ, другимъ
ошвѣщшвую я презрѣніемъ.

П е р е с ь .

Но истинна неизвѣстна царю: ошсюду
раждаешся въ немъ несправедливый на тебѣ
гнѣвъ, возбуждаемый хипросшію другихъ.
Я первый, я громко за тебѣ говоришь сшану.

К а р л ь .

Пересъ, что ты говоришь? Истинна
больше, нежели ты думаешь, извѣстна царю.

*

Онъ больше ненавиждишь, нежели знаетъ ее : не можетъ въ защиту мою терпѣшь ни единого слова.

П е р е с ь .

Гласъ природы понудитъ его выслушать правду.

К а р л ь .

Гласъ природы не проникаетъ въ каменное его неприсущное сердце. Оставъ защищать меня самой невинности моей, и небу, благоволящему иногда милосердыи взирать на нее очами. Ежели ты усерденъ мнѣ, прошу тебя, въ безмолвіи терпи со мною. Когда бы я былъ преступникъ, то одного только тебя не отвергся бы имѣшь моимъ предшашелемъ. Какой большій опытъ дружбы могу тебѣ я дать?

П е р е с ь .

Содѣлай меня участникомъ судьбы твоей, какая бь она ни была ; сего только прошу , и больше ничего : какою знаменитѣйшею должностію могу я быть обязанъ при семъ толико развращенномъ дворѣ ?

К а р л ь .

Но ты не знаешь, что судьба моя, какая бь она ни была , не можетъ быть щасливою никогда.

П е р е с ь.

Я швой, а не случаю швоему другъ. Ахъ! еспъли правда, что раздѣляемая печаль сно-
сиѣ, то будешь ты во мнѣ имѣть нераз-
лучнаго въ слезахъ швоихъ соповарища.

К а р л ь.

Печаль, ведущая меня ко гробу, заклю-
чена въ моемъ сердцѣ; ужасная, но любезная
печаль. О несчастный! почему не могу
я сказать тебѣ шого? Ахъ, нѣтъ! не
ищу, и не будешь у меня друга великодуш-
нѣ тебя: но покажешь тебѣ вѣрный опытъ
дружбы, отккрышiemъ сердца моего, о небо!
не могу. Оставь меня; отъ шоликой и
шоль безполезной вѣрности швоей ко мнѣ,
что ты получишь? я недостойнъ шого;
еще тебѣ повшоряю: оставь меня. Развѣ
не знаешь, въ какое спрашное преступленіе
вмѣняешь храненіе вѣрности къ человѣку,
носящему на себѣ ненависть царя?

П е р е с ь.

Но ты не знаешь, какъ славно, не смо-
пря ни на какую власть, сохраняешь ее. Сомнѣ-
ніе швое сильно оскорбляетъ меня, но серд-
ца моего не премѣняетъ. Ты скрываешь въ
груди своей шажкую печаль, о кошорой не
можешь сказать? Я не принуждаю тебя

открыться мнѣ. Но ежели только того прошу и желаю, чѣшобъ мнѣ вмѣстѣ съ побою грустнѣть и умереть, то можешь ли безъ жестокосердія отказать мнѣ въ томъ?

КАРЛЪ.

Такъ ты непременно того желаешь? Вотъ рука моя; даю тебѣ несчастный залогъ несчастнаго дружества. Жалѣю о тебѣ; но не пѣняю, нѣтъ, не пѣняю болѣе на судьбу мою и не жалуясь на щедрое небо, пославшее мнѣ только рѣдкаго друга. О Филиппъ! сколько я несчастливѣе тебя! ты больше жалости, чѣмъ зависти достоинъ: посреди суетной пышности и лживой лести, никогда не вкушалъ ты сладостей дружбы.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ф и л и п п ъ и Г о м е с ъ.

Ф и л и п п ъ.

Гомесь! что драгоценнѣе всего почи-
аешь ты на свѣпѣ?

Г о м е с ъ.

Твою милоспѣ.

Ф и л и п п ъ.

Какимъ средствомъ сохранить ее помы-
шляешь? . . .

Г о м е с ъ.

Тѣмъ самымъ, какимъ я снискалъ ее:
повиновеніемъ и молчаніемъ.

Ф и л и п п ъ.

Такъ знай, что сего дня долженъ ты
исполнить и то и другое.

Г о м е с ъ.

Долгъ сей не новый для меня: ты вѣ-
даешь, что я. . . .

Ф и л и п п ъ.

Знаю: изъ всѣхъ вѣрныхъ мнѣ, по сіе время ты былъ вѣрнѣйшій. Но сего дня великая мысль въ умѣ моемъ обращается: я хочу поручить тебѣ столь важное и новое дѣло, что за благо разсудилось мнѣ напередъ крапкими, но ясными словами напомнить тебѣ о твоей должности.

Г о м е с ъ.

Спало бытъ сегодня великій Филиппъ можетъ еще больше узнать, каковъ я.

Ф и л и п п ъ.

На сей разъ ты легко исполнишь мое повелѣніе; легко исполнишь ты, а не другой кто. Сей часъ будешь сюда царица, и я долго разговаривать съ нею стану: ты между тѣмъ всякую малѣйшую въ лицѣ ея перемену примѣчай и помни: не спускай съ нее проницательнаго взора твоего; того взора, копорымъ въ самой глубинѣ сердца государя твоего самыя сокровеннѣйшія желанія часто умѣешь ты читать, и безмолвно исполнять ихъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Филиппъ, Изавелла и Гомесъ.

И з а в е л л а.

Государь, по швоему повелѣнію пришла
я сюда.

Ф и л и п п ъ.

Важная причина побудила меня призвать
тебя.

И з а в е л л а.

Какая?

Ф и л и п п ъ.

Топчасъ услышишь. — Могу ли я на-
дѣяться отъ тебя? Но какое въ шомъ
сомнѣніе? Кшо, кромѣ тебя, можешь мнѣ
подать искренній, безприспращный совѣтъ?

И з а в е л л а.

Я, совѣтъ?

Ф и л и п п ъ.

Ты, конечно: мнѣніе швое предпочитаю
я всякому другому; и есшьли по сіе время
не участвовала ты со мною въ правленіи
царства, сего не должна ты приписывать
недостатку любви супружеской, или малой
къ тебѣ довѣренности царской, нѣтъ; я хо-
шѣлъ единственно освободить тебя отъ

тяжелыхъ для пола швоего заботъ и трудовъ. Но по несчастію моему настало время, показавшее мнѣ такой случай, въ которомъ право царствованія моего съ правомъ крови моей такъ несогласно, что ты первою моею совѣтницею быть должна. — Но прежде нежели я объяснюсь, нужно мнѣ опъ тебя услышать, какое имя почишаешь ты болѣе спрашнымъ, болѣе важнымъ и священнымъ, имя опца, или царя.

И з а в е л а .

Оба равно священны; и кто жъ не знаетъ того? . . .

Ф и л и п п ъ .

Топъ, можешь быть, топъ, кому всѣхъ болѣе надлежало бы знать. — Но скажи мнѣ, прежде нежели я увѣдомлю тебя, и скажи правду: Карла, сына моего любишь ты? или ненавидишь?

И з а в е л а .

Государь.

Ф и л и п п ъ .

Я понимаю тебя. Когда ты склонности сердца своего, а не гласу добродѣтели швоей внимаешь, тогда ты чувствуешь себя мачихою.

И з а в е л л а .

Ахъ, нѣтъ ; обманываешься : Князь

Ф и л и п п ъ .

Такъ ты его любишь : по этому ты имѣешь въ себѣ такую добродѣтель , что хотя ты Филиппу жена , однакожь чувствуешь къ Филиппову сыну любовь мащери́нскую .

И з а в е л л а .

Мысли мои руководствуются твоими . Ты его любишь Такъ по крайней мѣрѣ я думаю Такимъ же образомъ и я . . . люблю его .

Ф и л и п п ъ .

Когда въ сердцѣ твоёмъ великомъ и благородномъ нѣтъ къ нему ни мачихиной злобы , ни слѣпой мащери́нской любви , то я хочу сдѣлать тебя судьёю надъ моимъ сыномъ .

И з а в е л л а .

Меня ?

Ф и л и п п ъ .

Послушай . — Карлъ долгое время былъ единственною моею надеждою , куда , со-вращаясь съ души добродѣтели , всей моей высокой на него надежды не разрушилъ . О !

коликокрашно попомъ родишельское сердце
 мое искало извинять повшоряемые въ непо-
 слушномъ сынѣ просшупки! Но нынѣ уже
 дерзкіе помыслы и безумная наглость его
 на самый верхъ взошли; и я долженъ непре-
 мѣнно взять прошивъ него насильшвенныя
 мѣры. Ко многимъ прешупленіямъ своимъ
 присовокупилъ онъ такое прешупленіе,
 предъ копорымъ всякое другое естъ ничшо;
 такое, котораго нѣтъ словъ описать. Онъ сдѣ-
 лалъ мнѣ оскорбленіе, ни съ какимъ другимъ
 несравнишельное; такое оскорбленіе, какого
 опецъ ошъ сына никогда не могъ ожидать; та-
 кое, послѣ котораго онъ уже не естъ сынъ мой....
 Но что? ты сама шрепещешь, не знавъ еще
 того? Выслушай, и восшрепещи еще
 болѣе. — Ты знаешь, что уже болѣе пяти
 лѣтъ, шамъ, на погребенныхъ въ Океанѣ
 берегахъ, бѣдный народъ, на блашисшой зем-
 лѣ, держаетъ сопрошивляясь моей власши.
 Не меньше Богу, какъ и Царю своему, пре-
 датели, безчестіе одной своей измѣны по-
 крываютъ другою. Знаешь колико злаша,
 шрудовъ и крови, ишощаешься изъ сего цар-
 ства на сію войну; и знаешь, что ежели бы
 оная споила мнѣ прешпола и жизни, то и
 тогда не осшавилъ бы я намѣренія наказашъ
 сей подлый народъ, и не дашъ ему прешпу-
 пленіемъ своимъ гордиться. Я поклялся злое
 порожденіе сіе заклашъ въ жершву небесамъ:
 оно должно умерешъ, когда не умѣешъ пови-

новаться. — Нынѣ, кто бы могъ шому повѣришь? Къ симъ люпымъ, законопресшупнымъ врагамъ, долженъ я, о бѣдшвіе! причислишь сына, единороднаго сына моего.

И з а в е л л а.

Князя!

Ф и л и п п ъ.

Да, Князя: многія перехваченныя письма, и шайныя посольшва, и явныя, и гордыя, и возмушительныя слова его, не осшавляютъ въ шомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Теперь подумай, каковѣ должно бышь состояніе нещасшнаго опца, оскорбленнаго измѣною Царя, и какой по спрогошши правосудія пресшупный сынъ долженъ ожидать судьбы, скажи шы за меня.

И з а в е л л а.

О небо! шы хочешь, чшобъ я судьбу сына швоего.

Ф и л и п п ъ.

Да; она въ швоихъ рукахъ; не спрашисъ Царя, не пошворшвуй опцу: произнеси.

И з а в е л л а.

Я ничего не спрашусъ, кромѣ нарушенія испинны. Часшо съ прешшоло неудобно различишь невиннаго опъ злодѣя.

Ф и л и п п ъ.

Но когда Царь тебя увѣряешъ, можешъ ли сомнѣваться? Кто больше меня желаетъ видѣть его невиннымъ? О! ежели бы неслыханныя обвиненія могли бытъ ложны!

И з а в е л л а.

Но развѣ онъ признался?

Ф и л и п п ъ.

Какъ можно ожидать отъ него признанія? гордъ, непреклоненъ, онъ презираешъ не только оправдывающаго, ниже тѣнь оправданія принеси прошиву ясныхъ уликъ. Я не хотѣлъ говорить ему о семъ новомъ его вѣроломствѣ, покуда не укрошу въ сердцѣ моемъ кипящей на него ярости: но хотя бы гнѣвъ сей и умолкъ во мнѣ, однако хладный долгъ Царя чрезъ то не умолкаетъ а между тѣмъ, о небо! шакже и гласъ опща вопіешъ во мнѣ.

И з а в е л л а.

Внемли, ахъ! внемли сему гласу: онъ не равняется ни съ какимъ другимъ. Можешъ бытъ сынъ швой невиненъ; невозможно кажешся, чтобъ онъ былъ такой пресупникъ. Но виненъ онъ, или нѣтъ, выслушай его; выслушай ты самъ: никшо предспашель-

сповоашъ за себя у опца не можешъ лучше, какъ сынъ. Есѣли былъ онъ иногда гордъ прошивъ людей не всегда наблюдающихъ испинну, прошивъ себя гордъ не будетъ. Преклони къ нему слухъ свой; опверзи родительское сердце швое. Ты рѣдко, или никогда не призывалъ его къ себѣ; никогда не бесѣдовалъ съ нимъ. Онъ всегда со спрахомъ къ тебѣ приближается: въ хладнокровномъ и уныломъ молчаніи недовѣренность возрастаетъ, а любовь умалается. Ты самъ, молю тебя, шы самъ возбуди прежнюю добродѣтель его, есѣли она въ немъ воздремала; не можешъ бышь, чтобъ она въ сынѣ швоемъ погасла: не ввѣрай никрму опцовскаго надзора. Обращи къ нему родительскія очи швои, а на другихъ возри грозными очами Царя. Чего не можно великодушными поступками извлечь изъ великодушнаго сердца? Онъ кажется тебѣ въ нѣкоторыхъ проспупкахъ виноватымъ? Кпо жъ не проспупается? Ты одинъ покажи ему за оныя, шы одинъ, справедливый гнѣвъ швой. Гнѣвъ родительскій кропокъ, но какой сынъ не препещетъ его? Одно слово, одно швое слово, можешъ въ великой душѣ его возродить раскаяніе, и меньше раздражишь ее, нежели спо другихъ, съ хитрымъ намѣреніемъ колкихъ и оскорбительныхъ словъ. Да познаешъ весь дворъ швой, что шы любишь и уважаешь сына своего; что находишь въ немъ

хулы достойную, но извинительную пылкость младости: тогда мгновенно услышишь громкія опъ всѣхъ ему плески похвалъ. Изринь изъ сердца своего подозрѣніе, оно не швое; оставь низкимъ спрахомъ злодѣйской измѣны шерзашься, достойнымъ предашельства.

Ф и л и п п ъ.

Похвальное, и достойное шебя одной дѣло, обратить сердце опцовское ко вниманію гласа природы: ахъ! никшо другой не сдѣлалъ бы сего. О печальная учась Царей! собшвеннаго сердца своего склонностямъ не только слѣдовать, ниже объясняшь ихъ намъ прилично. Объясняшь! что я говорю? ниже изъявишь: молчашь, пришворяясь, скрывать ихъ, часто бываешь необходимою надобностію. — Но придетъ время, придетъ, когда мы имъ свободное, полное дадимъ шеченіе. Ясно, больше нежели шы думаешь, ясно слова швои опкрыли мнѣ глаза. Когда сына моего шы невиннымъ почишаешь, шакъ и въ моихъ глазахъ онъ почти уже не прешупникъ. — Гомесь, позови его немедленно сюда.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Ф и л и п п ъ и И з а в е л л а .

Ф и л и п п ъ .

Теперь увидишь, что я могу также и опцомъ казаться; мнѣ бы, больше нежели ему, шяжко было, еспли бы когда нибудь долженъ я былъ появишься въ величествѣ оскорбленнаго Царя.

И з а в е л л а .

Вѣрю. Но воптъ и онъ приходить. Позволь мнѣ удалиться опсель.

Ф и л и п п ъ .

Напропивъ, останься здѣсь.

И з а в е л л а .

Я осмѣлилась предсавить тебѣ мнѣніе мое, попому что ты желалъ онаго: но за чѣмъ теперь мнѣ оспаваться? Между сыномъ и опцемъ мачиха шщепный свидѣшель.

Ф и л и п п ъ .

Тщепный? обманываешься: ты самый нужный для меня свидѣшель. Ты носишь на себѣ шолько имя мачихи; но можешь и по забыть. — Ему пріятно будетъ тебя ви-

Ч а с ш ъ XII.

5

дѣшъ. Вошъ онъ : пусть узнаешъ , что ты ручаешся за его любовь, добродѣтель и вѣрность.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Филиппъ, Изавелла, Карлъ и Гомесъ.

Ф и л и п п ъ .

Князь, подойди ко мнѣ. — Скажи, когда настанетъ день, въ которой могу я назвать себя сладкимъ именемъ сына? Во мнѣ, какъ скоро ты захочешь, всегда увидишь соединенными имена отца и Царя; но ежели ты раздѣляешь ихъ, то для чего же ни отца не любишь, ни Царя не спрашиваешь?

К а р л ъ .

Государь, всегда новъ для меня былъ ядъ лести, хотя и часто слышу оный; но молчаніе не такъ для меня ново: ежели я кажусь тебѣ пресупникомъ, то я конечно преступникъ. Хотя по истиннѣ сердце мое не снѣдается никакимъ угрызеніемъ совѣсти, но видя, что ты почишаешь меня виновнымъ, чувствую въ себѣ глубокую печаль. Молю тебя, повѣдай мнѣ моихъ несчастій, или, когда тебѣ угодно, моихъ пресупленій истинную причину.

Ф и л и п п ъ.

Любовь копорой шы мало имѣешь къ опечесшву, совсѣмъ не имѣешь къ опцу, и легковѣрная преклонность швоя къ хипрымъ льсפעамъ: не ищи иной причины швоему пресшупленію.

К а р л ъ.

Ошрада мнѣ и шо, чшо шы не приписываешь сего природному во мнѣ свойсшву. Ишакъ могу еще я прошедшее загладитъ; могу научишься знашь, чшо такое опечесшво; какъ долженъ я любишь оно; любишь опца моего; и познашь средсшво, какимъ образомъ ошгоняшь опъ себя льсפעовъ, которые пѣмъ больше обманываюшь шебя, чѣмъ шы меня сильнѣе.

Ф и л и п п ъ.

Ты еще молодъ: въ сердцѣ, въ движеніяхъ, въ лицѣ, легко можно у шебя прочишашъ, чшо шы высокошвренъ, и много о себѣ думаешь. Приписалъ бы я шо неопышности лѣптъ швоихъ; но вижу, чшо съ лѣпшми разсудокъ швой не возрасшашъ, а напротивъ уменьшашся. Однако же, не смошря на шо, сегоднешнее заблужденіе швое хочу я назвашъ просшупкомъ молодосши, хошя можетъ бышь скрывается въ немъ зрѣлыхъ лѣптъ умышель.

*

К а р л ь.

Заблужденіе ! какое ?

Ф и л и п п ь.

Ты вопрошаешь ? — Не зная , что всѣ мысли твои , не только не оспорожныя дѣла , всѣ , самыя сокровеннѣйшія мысли твои , мнѣ извѣстны . Царица , ты видишь : не то , что преступникъ ; но то , что не чувствуетъ себя шаковымъ , есть самое худшее въ немъ .

К а р л ь.

Родитель мой , но выведи меня изъ сомнѣнія ; скажи : что сдѣлалъ я ?

Ф и л и п п ь.

Такъ много твоихъ преступленій , что не знаешь , о которомъ я говорить хочу ? — Тамъ , съ той стороны , гдѣ самый буйспвеннѣйшій горитъ огонь мятежа , скажи , не имѣлъ ли ты тайныхъ сношеній ? Внутри сихъ чертоговъ , въ храминахъ твоихъ , предъ восходомъ солнечнымъ , скажи , не разговаривалъ ты долго , и тайно , съ Бапавскимъ опъ возмутилелей посломъ ? Съ симъ злодѣемъ , который , когда повѣришь его рѣчамъ , пріѣхалъ просить о пощадѣ ; но въ сердцѣ у него лукавство и дерзкая надежда , что измѣна ихъ останется безъ наказанія .

КАРЛЪ.

Родитель мой, неужели всякое невинное и малѣйшее дѣло мое пославляясь мнѣ будетъ въ преступленіе? Правда, я долго разговаривалъ съ посломъ; правда, соболѣзновалъ вмѣстѣ съ нимъ объ участи сихъ твоихъ подданныхъ; и смѣю похвалу самое сказать предъ тобою: самъ ты можешь быть не далеко бы отъ оправданія къ нимъ быть, если бы обстоятельно узналъ желѣзную руку, подъ копорою стонущъ они угнѣбленные отъ намѣстниковъ и правителей жестокихъ, гордыхъ, жадныхъ, робкихъ, неопытныхъ, и злодѣйствующихъ безъ наказанія. Я въ сердцѣ чувствую жалость къ сему народу, не отрицаюсь: и можешь ли ты желать, чтобы я, Филипповъ сынъ, имѣлъ въ себѣ грубую и жестокую, или подлую душу? Можешь быть надежда моя возродить въ сердцѣ твоемъ жалость, открывъ тебѣ всю истину, послужитъ мнѣ въ дерзновеніе; но могу ли я оскорблять отца моего шѣмъ, что полагаю его способнымъ чувствовать жалость? Царь, когда ты правителя небесъ истинный на земли образъ представляешь, то чѣмъ можешь уподобиться ему, какъ не милосердіемъ? — Однако, ежели я впалъ чрезъ то въ преступленіе, ты власень, осуди меня на какую хочешь казнь. Одного только прошу, чтобы я не названъ былъ измѣнникомъ.

Ф и л и п п ъ.

Благородною гордостію всѣ слова твои дышашъ. Но худо умѣешь ты проникать высокія причины царскія, и не долженъ. Для того нужно тебѣ излишнюю пылкость въ юной груди твоей укрощать, и отъ дерзкой нетерпѣливости совѣшовавъ шамъ, гдѣ тебя не спрашиваютъ, воздерживаешься, и мыслей твоихъ, какъ великихъ поученій, не предлагаешь. Ежели ты гошвишься предъ лицомъ свѣша на величайшемъ изъ всѣхъ Европейскихъ престоловъ сидѣшь нѣкогда со славою, научись бытъ оспороженъ. Теперь нравишься, и всѣмъ удивительна смѣлость твоя; но тогда въ хулу тебѣ обратишься. Время, кажешься, время переѣмнишь твои поспулки. — Во мнѣ искалъ ты милоспи, и нашель ее; но къ тебѣ только: не всѣ другіе достойны оной. Оспавъ мнѣ одному судишь мои дѣла. — За тебя предспашельспвовала мнѣ, и предспашельспвовала не щещно, Царица: она почишаешь еще тебѣ достойнымъ и моей и своей любви. Ты, больше нежели мнѣ, обязанъ прощеніемъ моимъ ей. Между тѣмъ я опнынъ надѣяшься спану, что ты лучше поцѣнишь, и удоспоишься милоспи моей, лучше будешь умѣшь. Теперь ты, Царица, видишь, что я послѣдовалъ твоему совѣшу,

и что опъ шебя навчаюсь, не только изви-
няшь, но и любишь моего сына.

И з а б е л а .

Государь.

Ф и л и п п ъ .

Тебѣ я обязанъ шѣмъ, тебѣ одной; ты
сегодня гнѣвъ мой удержала, и сдѣлала, что
я опцовскимъ ласковымъ голосомъ разгова-
ривалъ съ сыномъ моимъ. Тебѣ слава и честь!
— Карлъ, будь ей за то благодаренъ, и люби
ее больше; она весьма на тебя надѣется. . . .
Не измѣни ея надеждѣ. — Ты, супруга, для
лучшаго исправленія его, чаще выдайся съ
нимъ . . . разговаривай. — А ты слушай ее,
не убѣгай опъ ней. — Я шакъ хочу.

К а р л ъ .

О какъ имя прощенія шажело мнѣ! Но
если я долженъ уже принять оное опъ
опца, и по швоему, Царица, предшпашель-
ству; да будетъ угодно судьбѣ моей (наспо-
шпательно говорю), не просшупкамъ моимъ, но
судьбѣ моей да будетъ угодно, чтобы я ни-
когда болѣе не имѣлъ шшдыда до подобнаго
шнисходишь уничиженія.

Ф и л и п п ъ .

Не получишь прощеніе, а бышь достшой-
нымъ онаго, шшдыдись. Но довольно шеперь:

поди, помни мои наставленія. — Поди и ты, Царица, въ свои покои; я скоро къ тебѣ приду: важныя нѣкопорыя дѣла удерживаюшъ меня на краткое время.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Ф и л и п п ъ и Г о м е с ъ.

Ф и л и п п ъ.

Слышалъ ты?

Г о м е с ъ.

Слышалъ.

Ф и л и п п ъ.

Видѣлъ ты?

Г о м е с ъ.

Видѣлъ.

Ф и л и п п ъ.

О ярость! Ишакъ подозрѣніе?

Г о м е с ъ.

Теперь превратилось въ явность. . . .

Ф и л и п п ъ.

И Филиппъ еще медлишь?

Г о м е с ъ.

Подумай.

Ф и л и п п ъ.

Думалъ. — Спупай за мною.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КАРЛЪ И ИЗABELЛА.

КАРЛЪ.

Проспи, молю тебя, проспи новую дерзость мою: важная причина понудила меня поручить вѣрной швоей Эльвирѣ вызвать тебя въ шоль поздный и необыкновенный часъ для выслушанія моей прозбы.

ИЗABELЛА.

Чего хочешь? Почто не оспавляешь меня самой себѣ? Почто опьемлешь у меня покой, копорого я и шакъ уже не имѣю? За чѣмъ шы звалъ меня?

КАРЛЪ.

Въ крашкихъ словахъ скажу, и попомъ оспавлю тебя, о судьба! оспавлю, и возвращусь къ обыкновеннымъ моимъ слезамъ. Выслушай. Здѣсь не давно предъ симъ осмѣлилась шы опцу моему за меня предшашельшвовашь: я пришелъ сказаць тебѣ, чшо шы послушила весьма неоспорожно, и дай Небо, чшобъ я одинъ опъ шого поспрадалъ.

Онъ подъ видомъ милоспи скрылъ свой гнѣвъ, и подъ видомъ прощенія возненавидѣлъ меня еще болѣе. Непорочная душа швоя не могла себѣ представитъ, до какой степени мучитель оскорбляется состраданіемъ. Я пришелъ сказать тебѣ о томъ: жалость въ немъ есть предвѣспникъ люспости. Въ сердцѣ моемъ съ той минушы поселился такой ужасъ, какого я никогда прежде не чувствовалъ: я шрепещу за тебя. О Небо! Не знаю: онъ говорилъ со мною новымъ языкомъ; изъяснилъ мнѣ ласку совсѣмъ необыкновенную. Ради Бога! не говори никогда съ нимъ обо мнѣ.

И з а в е л л а.

Онъ первый началъ о тебѣ рѣчь; почти принудилъ меня къ отвѣту: но казалось гнѣвъ его отъ словъ моихъ укротился. Даже и теперь недавно, послѣ разговора съ шобою, движимый опцовскою любовью, плакалъ и при мнѣ тебя хвалилъ. На послѣдокъ онъ опецъ швой, опецъ: какъ могу я подумашъ, чтобъ родитель не любилъ единороднаго своего сына? Огорченіе ослѣпляетъ тебя: ты полагаешь въ немъ свирѣпство, какое бытъ не можешь. . . . Я причиною, я несчастная! что ты его не любишь.

К а р л ъ.

О Изабелла! ты худо знаешь его: я шрепещу, правда; но ненависти къ нему не

имѣю: завидую несравненному ни съ чѣмъ благу, которое онъ у меня опнялъ, и недостойный обладать имъ, не чувствую, нѣтъ, не чувствую высокой тому цѣны. Ахъ! ежели бы ты была щаслива, я бы меньше сокрушался.

ИЗABELLA.

Видишь: ты прошивъ воли своей обращаешься опять къ жалобамъ. Князь, проси. Будь надеженъ, что я обо всякомъ словѣ моемъ, обо всякомъ знакѣ, подумаю прежде, нежели спану говоришь о тебѣ съ Филиппомъ. Я спрошу его — но себя спрошу еще болѣе.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

КАРЛЪ.

О благородная душа! не искусная въ недовѣрчивости, до чего ты достигнешь? . . . Но кто приходишь?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТІЕ.

КАРЛЪ И ГОМЕСЪ.

КАРЛЪ.

Чего ты хочешь?

Г о м е с ь.

Ожидаю Царя: онъ шолчасъ сюда будешъ. — Между тѣмъ, Князь, прошу тебя, позволь и мнѣ принять участіе въ истинной радости, какою преисполняешъ всѣхъ возвращенная наконецъ тебѣ милость родительская. Сколько я могъ, будь увѣренъ, всегда родителю своему говорилъ за тебя, и гошовъ еще болѣе. . . . (Карлъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Г о м е с ь (одинъ).

Ты весьма гордъ но еще болѣе не оспороженъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Филиппъ, Леонардъ, Пересъ, Гомесъ,
Совѣтники и спража.

Ф и л и п п ь.

Спражи! никто да не дерзаетъ сюда вступишь. — Не многихъ, но правосудныхъ и вѣрныхъ, собралъ я васъ сюда для необычайнаго совѣща. . . . Всякъ внимай мнѣ. — Но какой ужасъ объемлетъ меня при началѣ словъ моихъ! Какой хладъ печетъ по жиламъ моимъ! Слезы спруающа изъ очей мо-

ихъ, и слабый гласъ мой, почти отрицаясь опть выраженія чувствъ сердца моего, колеблешся въ недоумѣніи. Но при всемъ помъ я долженъ, такъ! долженъ; не я хочу, опечесство пребуесть того. — Кто бы подумаль? Я осудилель днесъ между вами за-сѣдаю; не судія, нѣшь; я не могу онымъ бышь; ибо есльи я не буду осудилелемъ такового пресшупника, шо кто изъ васъ осмѣлился осудить его? Уже я вижу васъ ужасающихся, уже каждый изъ васъ содрогаесть. . . . Чшожь будешъ, когда вы услышите меня произносящаго предъ вами имя Карлово?

Л Е О Н А Р Д Ъ.

Единороднаго сына швоего?

П Е Р Е С Ъ.

Въ чемъ онъ пресшупникъ?

Ф и л и п п ъ.

Спокойствіе, кошорымъ вы, щаспливѣйшіе Царя своего, въ семействвахъ своихъ наслаждаесть, неблагодарный сынъ у меня опъемлесть. Тщешно былъ я къ нему милосшивъ, щещенно упошреблялъ крошкую спросить, и жаркія побужденія къ добродѣтели: глухъ къ ласкамъ и прозьбамъ, и еще болѣе глухъ къ угрозамъ, одно пресшупленіе соеди-

нялъ онъ съ другимъ, и къ пресупленіямъ присовокуплялъ буйную дерзость, такъ что сегодня восшелъ на самый верхъ безумія и свирѣпства. Сегодня, между пѣмъ какъ я новые и явные показывалъ ему опыты излишно снисходительнаго милосердія моего, сегодня достигъ онъ послѣдняго предѣла неслыханнаго злодѣянія. Едва лучезарное свѣтило дневное, блискающій свидѣтель всѣхъ моихъ дѣлъ, въ другіе предѣлы царства моего уклонилось, какъ съ насупившимъ мракомъ ночи, благопріятствовавшимъ измѣннику, возникла въ сердцѣ Карловомъ черная, ужасная мысль. Безмолвенъ направляеть онъ стопы свои въ храмину мою, да опмсшитъ мнѣ за прощенные ему опъ меня вины. Се ополчаешь десницу опцеубійсвеннымъ оружіемъ; приближается ко мнѣ сзади; возноситъ уже мечъ, и едва не вонзаетъ оный въ незащищенный опца своего хребетъ. Но съ пропивной спороны внезапно слышу я гласъ: „смотри, Филиппъ, смотри.“ То былъ гласъ шедшаго ко мнѣ Родрига. Я почувствовалъ вдругъ какъ бы нѣкій ударъ, сколько меня коснувшійся. Обращаю взоры мои назадъ, и вижу обнаженное у ногъ моихъ желѣзо; вижу не ясно уже въ темношѣ бѣгущаго вдали поспѣшно сына. — Я все сказалъ. Ежели есть кто изъ васъ, могущій обвинить его въ другихъ пресупленіяхъ; или есть кто, желающій оправдать его и въ семъ са-

момъ, пущь говоришь свободно и смѣло. Да научають васъ Небеса. Къ спрашному присту- паете вы дѣлу; помыслише о семъ, о судіи! опъ васъ ожидаю я опредѣленія сыну моему, и купно мнѣ съ нимъ.

Г о м е с ь.

Чего пребуешь опъ насъ, о Царь? можемъ ли мы измѣнишь Филиппу, измѣнишь себѣ самимъ? Но въ сердце опца можемъ ли вонзить кинжалъ? Не принуждай насъ къ сему жестокому рѣшенію.

Л е о н а р д ь.

Можетъ бышь наспуишь день, о Госу- дарь, въ кошорый, услыша нынѣ опъ насъ испинну, впадешь ты въ крайнее сожалѣніе, и насъ, за объявленіе оной, заспавишь рас- каяшся.

П е р е с ь.

Испинна не должна бышь вредоносна; когда вопрошается о ней, изречемъ ее.

Ф и л и п п ь.

Здѣсь не опецъ васъ слушаешь; Царь здѣсь засѣдаешь.

Г о м е с ь.

Коль такъ, я первый говоришь спану; я первый опцовскому гнѣву дерзну подвер-

гнушья; ибо какъ бы то ни было, ты всегда опецъ; и въ прищворно суровомъ, больше смущенномъ, нежели грозномъ лицѣ твоёмъ, ясно прочишаешь можно, что осуждая Карла, оправдываешь ты сына, и не хочешь исчислишь, а можешь быть и не знаешь всѣхъ его пресупленій. Предлагаешь словесно условіи Батавскимъ мятежникамъ, малою показалось ему виною: онъ написалъ къ нимъ грамоту, злодѣйскую грамоту, въ которой условливаешься съ ними о разореніи нашемъ и своемъ спыдѣ. Съ Французами, съ ненависпными намъ Французами вспупилъ онъ въ переговоры: пусть чишаелся достойный проклятія поргъ и продажа: Наварра и Капалонія, и другія богатыя округи, храбростію предковъ нашихъ къ Гишпанскому прешолу присоединенныя, и собственными попомъ шрудами и кровію нашею сохраненныя, имъ успушающся. Гнусною заплашою за гнусную помощь, данную сыну прошивъ опца, доспанелся часть великаго царства сего въ добычу Французамъ, и безнаказанно опягошиться попомъ другая опъ вѣроломнаго сына шакого Царя, котораго умъ и храбрость могли бы управляшь не частью токмо одною, но цѣлымъ свѣтомъ. Вопъ какой судьбы должны мы ожидать. Драгоценны, нужны, священны намъ дни твои, о Царь; но не меньше нужна и священна слава Гишпанскаго царства. Поку-

шапсья на жизнь Царя и опца своего еспь ужасное, но обезчестивъ себя измѣною и продажею отечества своего, еспь можешъ бытъ еще большее пресупленіе: оппусти мнѣ мои слова: первое можешъ шы просишь, и ожидаешя того опъ тебѣ; но второе? Можешъ и по просишь: но когда я вижу шоль неслыханныя злодѣянія вмѣстѣ соединенныя, шо чшо иное могу произнести, какъ не смерть?

П е р е с ъ .

Смерть! чшо слышу?

Ф и л и п п ъ .

О небо!

Л е о н а р д ъ .

Кшо повѣришь, чшобъ къ богомерзкимъ именамъ опщеубійцы, предашеля, измѣнника, можно было присовокупить другія? Но оспаешся одно, еще и сихъ богомерзоснѣе; шакое, кошорое чловѣкъ едва произнесши дерзнешъ.

Ф и л и п п ъ .

Чшо шакое?

Л е о н а р д ъ .

Законопреступный и лжеисполненный праведныхъ небесъ презришель. — Всемогу-
Ч а с ѣ XII. 6

щій Боже, ты разрѣши днесь узы языка моего, да рабъ пвой ничтожный; но вѣрный, повѣдаешь испинну. Наспалъ день, часъ, настало мгновеніе, въ которое ты единымъ спрашнымъ, молніеноснымъ взоромъ твоимъ, низринешь кичащуюся долговременно гордыню. Меня воздвигаешь ты, меня защитникомъ оскорбленнаго твоего величества. Вдохни въ жаркую грудь мою смѣлость выше человѣческой; смѣлость, равную великоспи защищаемаго мною дѣла. — О ты, Царь земный, днесь изъ успъ моихъ то, что Царь Царей тебѣ вѣщаетъ, съ ужасомъ внемли. Тотъ, котораго я злодѣемъ почишаю, котораго сыномъ Царя моего назвашь не дерзаю, богомерзкія хулы, коими толико же священнослужители небесъ, коликъ и самыя небеса оскорбляющся, не преспаешь изъ скверныхъ успъ своихъ изрыгать, не преспаешь никогда. Злая, нечестивыя глумленія, даже въ самомъ храмѣ нагло подѣмляешь: порицаешь древніе предковъ обряды; рукоплескаешь новымъ; и ежели нѣкогда царствовать будешь, мы увидимъ священные олтари низверженными, и все то, чему мы нынѣ жертвы и обѣщы приносимъ, спертное и святошапствственными ногами попираемое: увидимъ что я говорю? — Ежели мстительный громъ небесный толико умедлишь, я не увижу сего; увидишь оное толь, кто прежде умереть не осмѣ-

лишся. Нѣтъ, я не увижу раздраннѣмъ сего священнаго покрывала, сокрывающаго опъ очей народа испинну, копорой онъ не разумѣетъ, и вѣришь; не увижу исполненія кляшвы его разрушишь по высокое судилище, копорое на земли подражаетъ правосудію небесъ, и шворишь оное кропчайшимъ; судилище, коимъ на зло ему хранишь цѣлостъ и чистопта вѣры. Да уничижишь небо сей ужасный обѣтъ: да не возрадуется адъ. — Возведи къ Царю всевышнему взоръ швой, Филиппъ: славу, царство, жизнь, все имѣешь шы опъ Него; все Онъ у тебя опняшь можешь. Когда онъ оскорбленъ, оскорбишь его сынъ ли швой? Онъ, Онъ самъ опредѣляетъ ему казнь: внемли гласу Его, не укосни. . . . Мщеніе небесъ обращается на главу коснящаго.

П е р е с ъ .

Свободныя чувствованія въ груди уничиженнаго рабства находишь шрудно: свободная рѣчь не всегда изъясляетъ свободную мысль, и часто страхъ облачается въ пришворную одежду дерзоспи. Внемли мнѣ, о Царь; увидишь, какимъ языкомъ говоришь свободная душа; внемли мнѣ, увидишь совсѣмъ иную смѣлостъ. — Я вижу грамошу подложную, обвиненія ни мало между собою несогласныя. Ежели Карль собственную руку

*

свою проспираетъ на богомерзкое опщечубійство, шо почто ему входить въ нелѣпыя съ Батавскими возмущителями переговоры? На что помощь опъ Французовъ? За чѣмъ раздѣлять съ ними опщовское наслѣдство? За чѣмъ собственное царство свое раздроблять? — Буде же сими средствами думаетъ онъ учаспъ свою премѣнить, шо за чѣмъ же предпринимаетъ злодѣйское намѣреніе убить опца своего? Къ чему сдѣлашь одно лицеппное покушеніе? Предпріять шоль великое дѣло, и при концѣ пуши оспановипсь? Кшо ему въ шомъ воспрепятствоваль? Ежели онъ шакимъ образомъ на сіе покусился, шо я почишаю его болѣе сумасшедшимъ, нежели преступникомъ. Могъ ли онъ не знашь, что къ оборонѣ Царя, хопя бы и не по любви, но всегда гошовы всѣ, получающіе опъ него почести, злато и власъ? Ты видѣлъ его бѣгущаго, Филиппъ? Ахъ! можешъ бышь шы не своими видѣлъ его, но чужими глазами. Призови его къ себѣ, выслушай, и дай ему оправдаться. Между тѣмъ, что онъ не умышляетъ на жизнь швою, я клянусь шебѣ моею главою, и буде мало сего, клянусь моею честію, надъ копорою ни царь, ни небо, власпиители всего, не власпны. — Но что скажу о злочестіи, копорое подъ ложнымъ видомъ благочестія, дерзаетъ гласомъ небснаго гнѣва обвиняшь его? скажу. . . . Но какая нужда

сказываешь, что есть люди, которые под кровом святой и православной веры, скрывают злодейския намерения, и лукавым красноречием собственную волю свою небесной воле приписуя, не боясь верховную благость пворить виновницею ужасных и кровавых обманов? Кто сего не знает? — Скажу еще, что Князь в младомъ и человеколюбивомъ сердцѣ своемъ всегда высокій духъ и подобныя пріятности лица своего являлъ чувства; что опъ самыхъ юныхъ лѣтъ его возраспала въ немъ сладчайшая для родителя надежда; ты самъ не успавалъ повпорять оное; всѣ шому вѣрили, и шеперь еще я вѣрю: никогда человекъ единымъ шагомъ не восходилъ на верхъ злочестія. Скажу, что всѣмъ, наносимымъ ему здѣсь шоль часшо оскорбленіямъ, онъ прошивупоспавлялъ единое шолько терпѣніе, молчаніе, послушаніе и слезы. — Правда, и слезы спавяпся иногда виною; есть люди, которыми и слезы досаждаютъ. Увы! Ежели ты опецъ еще, не раздражайся оными; сжался надъ плачущимъ и самъ восплачь о немъ: онъ не преступникъ, нѣтъ, онъ крайне злополученъ. — Но ежели бъ онъ и шаконъ преступникъ былъ, какимъ всѣ обвиняютъ его здѣсь; даже, еспшли бы онъ и штысячу разъ былъ бѣльшій шого преступникъ, опецъ осуждатъ на смерть сына не можешь и не долженъ.

Ф и л и п п ъ.

Наконецъ въ одномъ изъ васъ нахожу я милосердіе, и милосердію слѣдую: я не преспалъ бытъ опцемъ; чувствованіямъ опцовскимъ уступаю. Опнынъ самого себя, и царство мое, предаю неисповѣдимымъ судьбамъ верховнаго правителя небесъ. Можешъ бытъ Карлу предназначено бытъ исполнителемъ гнѣва его надо мною: пусть погибаетъ царство мое, пусть прежде погибнетъ Филиппъ; но сынъ мой да живетъ: освобождаю его.

Г о м е с ъ.

Такъ ты превыше законовъ себя спавишь? По что же созвалъ насъ сюда? Одинъ ты безъ насъ могъ разрушить законы. Освобождай, освобождай; но еспли милосердіе швое обратишь шебѣ нѣкогда въ пагубу....

П е р е с ъ.

Пагубно конечно будетъ милосердіе: я по испиннѣ въ оказаніи онаго вижу нѣчто новое. . . . Но какое бы ни было слѣдствіе, я въ совѣтѣ семъ засѣдашь не могу: слава моя дороже мнѣ, чѣмъ жизнь. Что руки мои не обагрены еще кровію невинныхъ, всему свѣшу то извѣстно. Пусть остается здѣсь кто хочешъ. Я вознесу гласъ мой къ небу: оно правду знаетъ. Но что я говорю? Одно

ли небо знаешь ее? Когда я внимательный взоръ свой вокругъ себя обвожу, не ясно ли вижу, что всякъ здѣсь вѣдаетъ правду? Но всякой молчитъ, для того что говоритъ оную давно уже почишающа здѣсь главнѣйшимъ пресупленіемъ.

Ф и л и п п ъ.

Развѣ ты забылъ кто я?

П е р е с ъ.

Ты? — Карловъ отецъ.

Ф и л и п п ъ.

Я царь твой. . . .

Л е о н а р д ъ.

Ты Карловъ отецъ. Кто не видитъ въ тебѣ печали опчаяннаго отца? Но ты также и подданнымъ своимъ отецъ. Они именемъ дѣшей твоихъ столько славятся, koliko Карлъ пренебрегаетъ онымъ. Онъ одинъ; ихъ безчисленное множество; его спасая, ихъ повергаешь ты въ опасность; онъ преступникъ, они всѣ невинны: можешь ли еще сомнѣваться кого спасши, одного ли, или всѣхъ?

Ф и л и п п ъ.

Сердца моего повпоряемыми ударами кинжала не пронзайше болѣе; прешаньше:

внимають васъ не имѣю больше силъ. Тамъ, гдѣ я не буду, да составится новый совѣтъ, и священнослужители олшарей да пригласятся къ засѣданію въ ономъ: мірскія спра-
спии въ нихъ молчашъ: испинна да изыдесть изъ устъ ихъ, да возсіяетъ, и мы единой испиннѣ да внемлемъ. Идите, и сошворите судъ. Присущствіе мое можетъ много вос-
препятствовать правосудію или много споить моей добродѣтели.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Ф и л и п п ъ *одинъ.*

Сколько здѣсь измѣнниковъ? Пересь такъ дерзновенъ? Не уже ли проникъ онъ въ мое сердце? . . . Нѣтъ но какія чувства! какая кипящая гордость! Душа полъ смѣлая могла родиться шамъ, гдѣ я Царь? — и шамъ, гдѣ я царствую, можетъ жить!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

К А Р Л Ъ.

О ты, мракъ, гораздо болѣе чѣмъ солнечное сіяніе царству сему приличествующій, о какую опраду приносишь мнѣ швое возвращеніе! не пошому, чшобъ ты печаль мою успокоишь могъ; но по крайней мѣрѣ не вижу я предъ собою сполько подлыхъ и гнусныхъ лицъ. — Сюда опъ имени Изабеллы хошѣла придти поговорить со мною вѣрная ея Эльвира: чшо такое услышу я опъ ней? О какая пишина! Ишакъ посреди угрызений совѣсти, въ нѣдрахъ подозрѣній и мрачныхъ помысловъ, приходить сонъ смыкаетъ вѣжди измѣнниковъ и мучителей? О сонъ! ты, который всегда удаляешься опъ невинно ушѣсняемыхъ? — Но мое бдѣніе не тяжко мнѣ: я размышляю, и образъ совершеннѣйшей красопы, образъ всѣхъ добродѣтелей, носилъся предо мною: пріятно мнѣ приходить сюда; здѣсь я ее видѣлъ; здѣсь слышалъ слова ея, увы! жизни и купно смершь мнѣ возвѣсшившія. Ахъ! пакъ; съ той несчастной минушы меньше я злополучнымъ, но больше прѣступникомъ

сталъ. Ошколъ съ гнушеніемъ смѣшался во мнѣ страхъ? Можешъ быть сей страхъ есть должное наказаніе за мое преступленіе. Наказаніе? Но какое содѣлалъ я преступленіе? открылся: но кто бы могъ толикую силу любви сокрыть въ себѣ; кто? — Люди идущъ. Конечно Эльвира. . . . Но нѣтъ: какой необычайной шумъ слышу? Кто приходишь? Какое блистаніе огней? Вооруженные! спойте, злодѣи. . . .

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Филиппъ, Карлъ. (*Солдаты съ оружіемъ и факелами*).

Карлъ.

О небо! отецъ мой съ толикимъ числомъ обнаженныхъ мечей?

Филиппъ.

Ночью, одинъ, въ сихъ храминахъ, вооруженный, что дѣлаешь ты? скажи; что замышляешь? Куда сомнѣніемъ колеблющійся направляешь ты шпоны швомъ? вѣщай.

Карлъ.

Что я могу сказать? Оружіе, извлеченное мною прошивъ нагло приближающейся ко мнѣ ополченной вашаги, при воз-

зрѣніи на родительскій образъ швой выпало изъ рукъ моихъ : ты предводишель ихъ ? , . . Ты , мой родитель ? — Дѣлай что тебѣ угодно со мною ; но скажи , нужно ли было искашь къ шому предлоговъ ? Предлоговъ ! и какихъ ! ахъ , родитель мой ! предлоги недостойны царя — но приносишь прошивъ нихъ оправданія еще меньше достойно меня .

Ф и л и п п ъ .

Ты еще и дерзосшь къ шому присовокупляешь ? Присовокупляй : она гнуснымъ злодѣяніямъ всегда была поварищъ . Одѣвай припворнаго почтенія лживымъ покрываломъ душу честполюбивую , вѣроломную , любую ; уже ничто себя не оправдаешь : расшвори лучше хляби всей швоей яросши ; изрыгни весь гнѣздящійся въ сердцѣ швоемъ смертоносный ядъ , и громкимъ голосомъ во всякой злодѣйской мысли швоей , достойной себя , великодушно признайся .

К а р л ъ .

Въ чемъ мнѣ признашься ? Пощади меня , родитель мой , ошъ бесполезныхъ оскорбительныхъ словъ . Предай меня жесточайшимъ мученіямъ : онѣ праведны , когда тебѣ угодны .

Ф и л и п п ъ.

Скажи, какимъ образомъ, въ шоль младыхъ лѣпахъ, достигъ шы до самаго верха беззаконій? Гдѣ научился испускву шакова безстыдства, что пойманный царемъ въ шоль ужасномъ злодѣянїи, даже лица своего не премѣняешь?

К а р л ъ.

Гдѣ мнѣ научишься? развѣ не въ швоихъ чершюгахъ я возросъ? . . . ,

Ф и л и п п ъ.

Такъ, конечно, къ спыду моему. . . .

К а р л ъ.

По что же медлишь опть спыда сего избавишься? По что, для содѣланія дней швоихъ щасптивными, не проливаешь крови своего сына?

Ф и л и п п ъ.

Ты сынъ мой?

К а р л ъ.

Но что я сдѣлалъ?

Ф и л и п п ъ.

Что сдѣлалъ? шы у меня спрашиваетъ? Раскаяніе не угрызаешь швоего сердца?

О нѣтъ! давно уже раскаяніе тебѣ неизвѣстно; и есѣли о чемъ либо раскаиваешься теперь, такъ развѣ о томъ, что не успѣлъ совершить опцеубійства.

К а р л ъ.

Опцеубійства! что слышу! я опцеубійца! я? . . . Но ты самъ тому не вѣришь. — Какіе признаки, свидѣтельства, подозрѣнія?...

Ф и л и п п ъ.

Признаки, свидѣтельства, очевидность, все вывожу я изъ ненависти швоей ко мнѣ.

К а р л ъ.

Молю тебя, родишель мой! не принуждай меня къ неисповому дѣлу преиши пошъ спрашный предѣлъ, какой между подданнымъ и царемъ, между сыномъ и опцемъ, положили законы, небеса и природа.

Ф и л и п п ъ.

Давно уже богомерзкими споами ты преспустилъ оный. Но что я говорю? Онъ никогда тебѣ извѣстенъ не былъ. Спрогой добродѣтели гордыя чувствованія, оспавъ; онъ тебѣ не приспали; каковъ ты самъ, шковъ долженъ быть и языкъ швой: обнажи всѣ сполькія свои злоумышленія и пагубныя

измѣны. . . . говори, не робей; неужь ли боишься, что не найдешь во мнѣ сполько велико-спи, сколько въ тебѣ злодѣйства? Ежели правду скажешь, и ничего не упайшь, надѣйся; еспьли же умолчишь, или скроешь, препенци.

К а р л ь.

Я говорю правду; ты меня къ тому принуждаешь. — Я знаю себя: ничто не приведетъ меня въ препенъ; я знаю себя: ничто не позволяешь мнѣ надѣяться. Злощаспный даръ, жизнь мою, возми обратно: она швоа; но чеспъ мою ты ни опняшь, ни дашь не можешь: она моя. Безчеспенъ былъ бы я конечно, когда бы подлоспъ принудила меня безчеспнымъ себя признашь; но скорѣ увидишь ты меня испускающимъ послѣднее дыханіе. Вели приготоваишь мнѣ медленную, жестокою, позорную смерпъ; нѣпъ смерпи, ко-порая бы могла преклонишь меня къ содѣланію подлоспи. Не о себѣ; но о тебѣ, роди-пель мой, о тебѣ одномъ я сожалѣю.

Ф и л и п п ь.

Злой, наглый человекъ, такимъ ли образомъ предъ Государемъ швоимъ объявляешь ты причину своихъ злодѣаній?

К а р л ь.

Причину? — Ты ненавидишь меня: вопъ все мое злодѣаніе. Ты жаждешь крови: вопъ

все мое оправданіе. Ты самовластный Царь: какое надобно тебѣ больше право?

Ф и л и п п ъ.

Спражи! вступише, возмише его.

К а р л ъ.

Обыкновенный отвѣтъ мучителей. Вопъ мои руки, налагай на нихъ оковы. Вопъ обнаженная грудь моя, пронзай: почто медлить? Уже не опъ сего часа начинаешь ты быть жестокимъ: царшвованіе швое ежедневными попоками крови ознаменовано.

Ф и л и п п ъ.

Возмише его опъ глазъ моихъ. Опведише въ одну изъ примыкающихъ къ чершогамъ симъ башенъ. Тамо да ввергнешя въ самую мрачную шемницу. Горе шому, кшо хопя малѣйшую окажетъ ему жалось.

К а р л ъ.

Не опасайся, исполнители воли швоей жестокоствію тебѣ подобны.

Ф и л и п п ъ.

Прочь, прочь опъ меня! силою повлеките.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ИЗABELЛА, ФИЛИППЪ.

ИЗABELЛА.

О небо! что вижу?

ФИЛИППЪ.

За чѣмъ ты здѣсь, жена? чего хочешь?

ИЗABELЛА.

Въ чертогахъ сихъ, слышилось мнѣ, раздается нѣкій смущенный вопль страдающаго чловѣка.

ФИЛИППЪ.

Да, ты слышала жалобный стонъ.

ИЗABELЛА.

Мнѣ показалось. ошъ лица швоего. . . .
влекли. Князя?

ФИЛИППЪ.

Такъ точно; эшо былъ онъ, онъ самый;
ты его видѣла.

ИЗABELЛА.

Твоего сына?

Ф и л и п п ъ.

Ты, супруга моя, блѣднѣешь, шрепещешь, опшъ одного зрѣнія?

И з а б е л л а.

Я шрепещу?

Ф и л и п п ъ.

И есть опшъ чего.—Твое шрепешаніе свидѣтельствуешь ясно любовь швою. шы. о супругѣ своемъ шрепещешь; но успокойся, опасность прошла.

И з а б е л л а.

Опасность! какая?

Ф и л и п п ъ.

Я въ великой опасности былъ; но теперь жизнь моя спасена.

И з а б е л л а.

Твоя жизнь?

Ф и л и п п ъ.

Да, моя жизнь, споль для себя нужная и драгоцѣнная.

И з а б е л л а.

Но измѣнникъ?

Ч а с т ь XII.

Ф и л и п п ъ.

Должное за измѣну получить наказаніе. Не опасайся, безумная жалость уже не проникаетъ болѣе въ сердце мое. Прошло то время; одному теперь грозному гласу правосудія внимаешь буду.

И з а в е л л а.

Но какой, какой умысль?

Ф и л и п п ъ.

Умысль самый пагубный. Кпо крови опца ищешь, и сполько же какъ опца ненавидишь мачиху, топъ мачихиной крови пролишь не пожалѣешь.

И з а в е л л а.

Моей? Что слышу? . . . Ахъ несчастная! Князь. . . .

Ф и л и п п ъ.

Неблагодарный, всѣ швои благодарія, также какъ и мои, забылъ. — Но ты не смущайся. . . . Приди въ себя и возложи на меня попеченіе устройшь мое и твое спокойствіе. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ИЗABELLA одна.

Какія слова! Какіе взгляды!
 Едва могу опомнишься. Чѣмъ онъ мнѣ говорилъ? Не ужъ ли любовь мою? . . . Но нѣтъ; она сокрыта во глубинѣ души моей.... Чѣмъ значили сіи съ яроспію успремленные на меня взоры? О несчастная! . . . Онъ упоминалъ нѣчто о мачихѣ Говорилъ о какомъ-то моемъ спокойствіи. . . . О небо! чѣмъ я отвѣчала ему? Не произнесла ли имя Князя? Какой ужасъ объемлетъ меня! Куда куда онъ пошелъ? чѣмъ предпріемлетъ? а я, чѣмъ дѣлаю здѣсь? — Пойду за нимъ. . . . Но силъ лишаюсь, ноги мои не служатъ мнѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ГОМЕСЬ И ИЗABELLA.

ГОМЕСЬ.

Проспи дерзновенію моему; я мнилъ
 найсти съ тобою Царя.

ИЗABELLA.

Онъ теперь лишь меня оставилъ.

*

Г о м е с ь.

Я сиѣшу къ нему: онъ безсомнѣнія ожидаесть съ неперпѣливостію услышати о концѣ происшесствія.

И з а в е л л а.

Происшесствія? Постой; скажи мнѣ. . . .

Г о м е с ь.

Ежели ты разговаривала съ нимъ, то онъ конечно извѣспилъ шебя о послѣднемъ ожидаемомъ имъ рѣшеніи.

И з а в е л л а.

Нѣтъ: онъ сказалъ мнѣ въ темныхъ и околичныхъ словахъ нѣчто о измѣнѣ; но.

Г о м е с ь.

Развѣ имени измѣнника онъ не объявилъ тебѣ?

И з а в е л л а.

Князя.

Г о м е с ь.

Стало бытъ ты все знаешь. Я несу къ нему опъ совѣша.

И з а в е л л а.

Опъ какого совѣша? Увы! что несешь?

Г о м е с ь.

Долго разсуждаемо было о семъ важномъ дѣлѣ, и наконецъ рѣшено.

И з а в е л л а.

Чѣмъ? говори.

Г о м е с ь.

Въ этой грамотѣ написанъ приговоръ: осмѣялся только Царю ушвердишь оный.

И з а в е л л а.

Что сказано въ немъ?

Г о м е с ь.

Опредѣлена смерть.

И з а в е л л а.

Смерть? Злодѣи! смерть? Но за какое преступленіе?

Г о м е с ь.

Развѣ Царь не объявилъ тебѣ шого?

И з а в е л л а.

Нѣтъ, не объявилъ.

Г о м е с ь.

Онъ покушался убишь опца.

ИЗABELLA.

О небо! Карль?

ГОМЕСЬ.

Самъ отецъ обвиняеть его; и доказательства. . . .

ИЗABELLA.

Отецъ! Какія доказательства.... Ложныя. . . . можешь быть есть тому другія какія скрываемыя отъ меня причины? прошу тебя, заклинаю: открой мнѣ подлинную его вину.

ГОМЕСЬ.

Подлинную вину? — Когда ты о томъ не знаешь, по какимъ образомъ могу я сказать? . . . Мнѣ это жизни будетъ стоить.

ИЗABELLA.

Не опасайся. Какъ? не ужъ ли думаешь, что я измѣню тебѣ могу?

ГОМЕСЬ.

Предъ Царемъ провинюсь, ежели скажу хоть слово. Царь. . . . Но откуда въ тебѣ такое пламенное желаніе узнать истину?

ИЗABELLA.

Меня побуждаетъ къ шому одно любопытство.

ГОМЕСЪ.

Въ самомъ дѣлѣ что иное можетъ тебя побуждать? — Князю предшоешь великая опасностъ, и можешь быть онъ не избѣгнешь опъ своей участи. Но ты ему не больше, какъ мачиха: чтожь имѣешь ты съ нимъ общаго? . . . Смерть его не только не принесетъ тебѣ никакого вреда, но можешь еще дѣшамъ швоимъ, копорые опъ тебя произойдушъ, очиспишь путь къ престолу. Повѣрь мнѣ, подлинная причина злодѣйствъ Карловыхъ, естъ опчасши любовь.

ИЗABELLA.

Какъ? что?

ГОМЕСЪ.

Любовь къ тебѣ Царева. Онъ желалъ бы гораздо лучше видѣть наслѣдникомъ своимъ швоего сына, нежели Карла.

ИЗABELLA.

Я опдохнула. — Какъ смѣешь ты полагать во мнѣ шакое злочеспивое желаніе?

Г о м е с ь.

Я осмѣлился изъяснить тебѣ мысли Царя; мои не шаковы, совсѣмъ не шаковы; но.....

И з а в е л л а.

Итакъ правда то, чему я никогда прежде не вѣрила; правда, что отецъ, самъ отецъ, собственнаго сына своего ненавидишь.

Г о м е с ь.

Я сожалею о тебѣ, Царица, сожалею несъма, что по сіе время такъ мало знаешь ты Царя.

И з а в е л л а.

Какъ? и ты самъ. . . .

Г о м е с ь.

Да, я самъ, находя въ тебѣ непришворную жалость, мрачное молчаніе, обременяющее сердце мое, прерываю. Правда, совершенная правда: несчастный Карлъ только тѣмъ однимъ пресшупникъ, что онъ Филипповъ сынъ.

И з а в е л л а.

Ты меня ужасаешь.

Г о м е с ь.

Я самъ не меньше себя ужасаюсь. Знаешь ли отколѣ рождается чудовищная нена-

виспѣ опцовская? опѣ подлой зависпи: при-
шворная добродѣтель злобнаго опца раздра-
жается находя поликую въ сынѣ испинную
добродѣтель. Онѣ, чувствуя свое совершен-
ное съ нимѣ несходство, хочѣтъ, жестоко-
сердый, лучше погубить сына, нежели ви-
дѣтъ его надѣ собою преимущество.

И з а в е л л а.

О неслыханный никогда опецъ! Но по-
чѣмъ же злой совѣтъ, и самого Царя еще
злѣйшій, почѣмъ невиннаго сына осуждаешь
на смерть?

Г о м е с ъ.

Какой совѣтъ можешь вопрошивишься
шакому Царю? Онѣ самѣ его осудилъ; всякъ
знаешь ложное осужденіе; но каждый, шре-
пѣца за себя, подшверждаетъ. Сшѣдъ опре-
дѣленія падаешь на насъ; мы, подлые испол-
нили яроспи его, содрогаемся, но беспо-
лезно: еспѣли бы кто изъ насъ дерзнулъ
прошивусташъ, шопчасъ бы содѣлался гнѣва
его жершвою.

И з а в е л л а.

Своими ли слышу я по ушами? я цѣпе-
нѣю опѣ удивленія! О день! шакъ
нѣтъ надежды? Онѣ неправосудно долженъ
погибнуть?

Г о м е с ь.

Филиппъ исполненъ хитроспши и лукавства. Сперва припворишся колеблющимся; покажешь великую печаль и соболъзнованіе; можешь быть не скоро рѣшившися; но потомъ весьма обманешься, кшо повѣришь печали его и соболъзнованію, или подумаешь, что олъ продленія времени пылкость гнѣва въ лютомъ сердцѣ его можешь хопя на едину искру уменьшишься.

И з а б е л л а.

Ахъ! ежели душа швоя не сполько окаменѣла въ порокахъ, какъ его; молю шебя, Гомесь, почувспвуй жалосшь.

Г о м е с ь.

Но что я могу сдѣлать?

И з а б е л л а.

Ты можешь.

Г о м е с ь.

Безполезными слезами, и шо въ шайнѣ, могу оплакивать память праведника: ничего другаго не могу.

И з а б е л л а.

О неслыханное, ужасное дѣло!

Г о м е с ь.

Я гошовъ самъ погибнушь, лишь бы спаси Князя; свидѣтельствуюсь небесами. Уже и пакъ раскаяніе, бышь посмѣднымъ другомъ шоль жестокосердаго мучишеля, шерзаешь, разрываешь сердце мое на часши; но....

И з а в е л л а.

Ежели раскаяніе швое чистосердечно, пы можешь ему бышь полезенъ; конечно можешь, не погубляя самого себя. Царь не имѣетъ къ тебѣ подозрѣнія; пы можешь шайнымъ образомъ доспавишь Князю способъ уйши: кто на тебя донесетъ? — И почему знашь? Можетъ бышь и самъ Филиппъ, опомнясь нѣкогда, наградишь великодушную смѣлосшь человѣка, спасаго ему сына и славу.

Г о м е с ь.

Естьли бы и покусился я на шо, но пожелаешь ли Карль? Ты знаешь гордосшь его: я уже предвижу, что при единомъ имени приговора и побѣга онъ воспалишся гнѣвомъ. Ахъ! безстрашная душа его не поколеблется никакимъ объявленіемъ смерши; онъ еще болѣе въ шомъ ушвердится. Присовокупи къ шому, что всякая помощь моя, или совѣшь, ему ненавистны и подозрительны. Онъ почишаетъ меня подобнымъ Царю.

ИЗЪБЕЛА.

Другихъ препяшпвій нѣтъ? Доспавъ же мнѣ средство съ нимъ увидѣться; препроводи меня къ нему въ пемницу; безсомнѣнія входъ туда тебѣ невозбраненъ; я надѣюсь преклонить его къ побѣгу. Умоляю тебя! не опрeкись оказать столь важную услугу. Уже наступающъ часы глубокой ночи. Помедли отдавашъ жестокой приговоръ, котораго Царь не ожидаетъ такъ скоро, и между тѣмъ пригошовъ средство къ побѣгу его. Ты видишь прошу тебя, пойдемъ; милость Божія всегда будетъ съ тобою; заклинаю тебя, пойдемъ.

Г о м е с ь.

Кто можетъ опказатьсь опъ дѣла столь чeловѣколюбиваго? Исполню, чего бы ты ни споило: послѣдуй за мною. — Небо да не допустишь умереть невинному.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КАРЛЪ.

Чего могу я бояться, чего другаго надѣяться, кромѣ смерти? Единаго желалъ бы, чтобъ не безчестно умереть; но опть жестокаго Филиппа иной смерти, кромѣ самой поноснѣйшей, ожидать не могу.—Одно только сомнѣніе, люпнѣйшее всякой казни, лежишь у меня въ сердцѣ. Можетъ быть онъ знаетъ любовь мою: въ грозныхъ, сверькающихъ очахъ его видѣлъ я нѣкій новый, противъ воли его вырывающійся пламень ярости.... Разговоръ его съ Царицею.... Призваніе попомъ меня, и приспально уснремляемые взоры — что будетъ, о Небо! что будетъ, еснбли въ шоже время возродишь въ немъ и къ супругъ своей подозрѣніе? Увы! можетъ быть онъ уже наказуетъ ее за сомнишельную вину: мучишли обыкновенно мщеніемъ предупреждающъ оскорбленіе. . . . Но опкуду могъ онъ узнать о любви, которая никому, и даже намъ самимъ едва извѣсна? Неужъ ли измѣнили мнѣ мои воздыханія? Что я говорю? Какая чуждая милосердія душа знаетъ воздыханія любви? Можетъ быть

толь безчеловѣчный ошець спарался всѣми образами проникнушь спрась мою для воспаленія въ себѣ люпости и свирѣпства? Ненависть его до послѣдней спепени доспигла и не можешъ долѣ медлишь. Приходишь день, приходишь, въ который должно ей низверженіемъ съ меня главы моей насыпишься.— О ложные въ благополучной только жизни друзья, гдѣ вы шеперь? Ничего не пожелалъ бы ошъ васъ, кромѣ единаго меча; но никто для избавленія меня ошъ срама не подасъ мнѣ онаго. Какой слышу спукъ! дверь шемничная скрыпнула; ошворяется! что скажущъ мнѣ? Послушаемъ. Кшо шакой?

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ИЗABELЛА И КАРЛЪ.

КАРЛЪ.

Что вижу? Царица, шы? Зачемъ шы пришла? Что привело шебя сюда? Любовь, должность, или челоѡколюбіе? Какимъ образомъ шы здѣсь?

ИЗABELЛА.

Ахъ! шы еще не знаешь всего ужаса злощасной судьбы твоей! шебя порицающъ ошеубійцею; самъ ошець шебя обвиняешъ:

злой совѣсть осудилъ тебя на смерть, и остаешься только Царю подписать.

К а р л ь.

Дѣло за нимъ не спанешь, онъ скоро подпишешь.

И з а в е л л а.

Какъ? И ты не содрогаешься?

К а р л ь.

Я уже давно желаю смерти. Ты знаешь это, и вѣдаешь, что я ничего отъ тебя не требовалъ, какъ только позволенія умереть тамъ, гдѣ ты. Горько мнѣ чашу сію испить, горько; но я всегда ожидалъ того: смерть моя неизбежна; ты возвѣщаешь мнѣ ее; могу ли прешасть?

И з а в е л л а.

Ради самихъ Небесъ! Ежели ты любишь меня, преспань помышлять о смерти. Покорись на время люлости.

К а р л ь.

Чтобъ я покорился? Теперь вижу; ты приняла на себя жестокою обязанность уничтожить меня; свирѣпый родителъ поручилъ тебѣ.

ИЗ АВЕЛЛА.

Какъ можешь ты подумашъ, Князь, чѣмъ Филипповой люшости могла я бытъ исполни-
тельницаю?

КАРЛЪ.

Онъ могъ принудить тебя къ тому, или обмануть. Какимъ же инымъ образомъ послалъ онъ тебя въ сію шемницу?

ИЗ АВЕЛЛА.

Но вѣдаешь ли то Филиппъ? о Небо! горе намъ, естъли бы онъ узналъ.

КАРЛЪ.

О! что ты говоришь? Филиппъ все знаетъ здѣсь: кто спрашныя повелѣнія его пресупишь могъ?

ИЗ АВЕЛЛА.

Гомецъ.

КАРЛЪ.

Что слышу? Какое, какое пагубное, гнусное, богомерзкое имя произнесла ты предо мною?

ИЗ АВЕЛЛА.

Онъ тебѣ не такой врагъ, какъ ты думаешь.

К а р л ъ.

О Небо! Если бы я могъ когда нибудь счесть его другомъ моимъ, я бы сгорѣлъ больше отъ стыда, нежели отъ гнѣва.

И з а в е л л а.

Однако жъ онъ одинъ сжалился надъ тобою. Онъ открылъ мнѣ злосердаго отца своего ухищреніе.

К а р л ъ.

Неосторожная! что ты сдѣлала? Легковѣрность твоя погубила тебя. Ахъ! почти повѣрила ты лукавому соболѣзнованію? Если онъ и правду тебѣ сказалъ, злаго Царя злѣйшій служитель, онъ и правдою тебя обмануль.

И з а в е л л а.

Что пользы въ словахъ? Несомнительное дѣйствіе состраданія его ты тотчасъ увидишь, какъ скоро согласишься на мою прозъбу. Онъ тайно провелъ меня сюда, и уже средства къ своему побѣгу приготовилъ: я преклонила его къ тому. Заклинаю тебя! бѣги; не медли; бѣги отъ отца своего, отъ смерти, отъ меня.

К а р л ъ.

Сама ты, ахъ! покуда есть время, удались отъ меня. Гонецъ безъ намѣренія не

Ч а с т ь XII. 8

спалъ бы припворяться жалоспливымъ. Въ какія обманчивыя сѣпи уловилъ онъ себя! теперь-шо я вподлинну шрепещу: какое остаешся сомнѣнiе? Филиппъ конечно уже проникъ, проникъ совершенно шайнспво нашей любви.

ИЗЪЯВЛЕНIЕ.

Ахъ! Нѣпъ. Я видѣлась съ нимъ въ шо самое время, какъ себя силою опъ лица его повлекли: онъ пылалъ спрашнымъ гнѣвомъ; я съ шрепешомъ внимала ему, и шожъ самое сомнѣнiе шерзало меня; но попомъ, когда я сама въ себя пришла, помню его слова, и увѣрена, что онъ скорѣе все другое думаешъ, нежели подозрѣваешъ, что шы. . . . даже помню, что онъ обвинялъ себя, будшо шы не шолько на его жизнь, но шакже и на мою, покушался.

КАРЛЪ.

Я бы шолько же, какъ онъ, низокъ былъ, ешъли бы подобно ему спалъ проницашъ всѣ тайныя пупи сего запушаннаго, адскаго Лабиринша. Но въ шомъ не сомнѣваюсь, что сіе шрепровожденіе себя ко мнѣ сокрываешъ въ себя ужасный обманъ: въ чемъ онъ доселѣ одно шолько имѣлъ подозрѣнiе, въ шомъ теперь ясно хочешъ увѣриться. Но какъ бы шо ни было, удались скорѣе опъ сего пагубнаго мѣста. Напрасно думаешъ шы, или упо-

ваешь, что Гомецъ хочетъ меня спаси, и еще напраснѣ надѣешься, чтобъ я, естълибъ онъ и захотѣлъ того; на то согласился.

И з а в е л л а.

Такъ правда, что я между такими звѣрскими сердцами несчастную жизнь мою провождаю?

К а р л ъ.

Правда, ахъ! несомнѣнная правда. — Не медли долѣе: оставь меня; избавь душу мою отъ лютаго спрахъ. жалость твоя оскорбляетъ меня, когда ты нечувствуешь ее къ себѣ самой. Поди, ежели жизнь твоя тебѣ дорога.

И з а в е л л а.

Мнѣ жизнь моя дорога?

К а р л ъ.

Такъ сохрани мою честь, и свою славу.

И з а в е л л а.

Чтобъ я оставила тебя въ шакой опасности?

К а р л ъ.

Ты хочешь сей опасности подвергнуться? Начто? Меня ты не спасешь, себя только

*

погубишь. Добродѣшель даже и опть подозрѣ-
 нія одного спраждешь. Молю тебя! не будь
 предъ мучителемъ ниже мыслію виновна; не
 дай ему сею злою радостію насладиться.
 Поди; опри свои слезы; спѣсни воздыханія
 въ груди швоей: тебѣ должно съ безтрепеш-
 нымъ челомъ и сухими очами услышать о
 моей смерти. Посвяти добродѣтели печаль-
 ные послѣ меня дни швои; и ежели спанешь
 искашь въ горести какой опрады, между
 сполькими злочеспивыми людьми есть здѣсь
 одинъ праводушный человекъ; Пересъ добро-
 дѣшеленъ: онъ можешь тайно съ шобою пла-
 кашъ. воспоминай съ нимъ иногда обо
 мнѣ. Но между шѣмъ удались; поди
 опселѣ. . . . дай мнѣ слезы мои унять.
 Переспанъ опть сердца моего часть за частію
 опрывать! проспи въ послѣдній разъ.
 и опспавъ меня. поди: нужно мнѣ приз-
 вать къ себѣ всю мою швердосшь и добродѣ-
 шель, шеперь, когда люшый, часть смерти
 приближается.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Филиппъ, Изавелла, Карлъ.

Ф и л и п п ъ.

Чась смерти насталь, измѣнникъ! насталь:
 я возвѣщаю тебѣ его.

ИЗABELLA.

О зрѣлице! о вѣроломство!

КАРЛЪ.

Я гошовъ умереть: убей меня.

ФИЛИППЪ.

Умрешь, бездѣльникъ! но прежде грозныя слова мои, ненавистная чета, услышите. Преслупники! все, все знаю: шопъ гнусный пламень, копорый васъ любовію, а меня гнѣвомъ пожираешь, давно мнѣ извѣстенъ. О сколько яростныхъ движеній преодолѣлъ я въ себѣ! о какъ долго надлежало мнѣ припворяться и молчать! Но на послѣдокъ оба вы попались мнѣ въ руки. Жаловаться? Начпо? Упрекать? Зачемъ? Мспишь должно; и опомщу; полное, неслыханное мщеніе совершу надъ вами. — Между шѣмъ любо мнѣ видѣшь здѣсь ваше смященіе. — Безчестная жена! не думай, чпобъ я когда нибудь любилъ шебя: не думай, чпобъ я опъ ревности мучился; нѣтъ, Филиппъ высокою любовію своею не удоспоивалъ никогда шоль низкаго сердца, каково швое; женщина, доспойная меня, не можешь мнѣ измѣнить. Ты не любовника во мнѣ, но Царя оскорбила. Имя супруги моей, священное имя, шы посрамила. Никогда въ любви швоей не было мнѣ надобности; но

въ тебѣ надлежало бы обиташь такому къ Государю швоему спраху, копорой бы даже и мысленную дерзость швою о любви къ другому оспановить долженспвоваль. — Ты соблазнишель, шы подлый съ шобою не говорю; опъ тебя всего могъ я ожидашь; шы къ одному злодѣйству способень. Увѣришь меня въ шомъ могли, хошя и скрышые, но явные знаки: ваши вздохи, ваше молчаніе, ваши движенія и скорби, копорыя въ вѣроломныхъ сердцахъ вашихъ я видѣль и вижу. — Но почшо плодитъ слова? Вы равно мнѣ измѣнили, равная и казнь посшигнешь васъ.

К а р л ъ.

Чшо слышу? Она чѣмъ виновата? Но чшо я говорю чѣмъ виновата? въ ней ниже шѣни вины не было. Чистая душа ея никогда симъ порочнымъ пламенемъ не горѣла, я клянусь въ шомъ. Она едва выслушала меня, какъ шопъ же часъ любовь мою осудила.

Ф и л и п п ъ.

До какой смещени доходила дерзость ваша, я знаю; знаю, чшо и шы не проспираль наглыхъ помысловъ своихъ на ошцовское ложе, и ежели бы шо было, могъ ли бы шы по сіе время оспавашься живъ?.... Но изъ нечисшыхъ устъ своихъ произнесъ

ты слово о любви; она тебя выслушала; сего довольно.

К а р л ь.

Я одинъ оскорбилъ тебя, не запираюсь: слабый лучъ надежды блисталъ въ очахъ моихъ, но добродѣшель ея мгновенно погасила оный: она выслушала слова мои, но единственно для приспыженія меня, единственно для изгнанія изъ груди моей невольной, преступной спраспи преступной нынѣ; такъ, конечно; нынѣ она преступная, но была нѣкогда законная. Ты знаешь, мы обручены были другъ другу; она была моя неѣспа; ты далъ мнѣ ее, и дашь ее справедливѣе могъ, нежели опнять. Я со всѣхъ споронъ преступникъ: такъ, я люблю ее; ты опнялъ ее у меня. Что болѣе можешь опнять? Насысья моею кровію; упили надо мною ярость швоей ревнивой гордости: но пощади ее, она совершенно невинна.

Ф и л и п п ъ.

Она въ дерзости шолько, а не въ преступленіи, уступаетъ тебѣ. — Безмолвствуй какъ хочешь, лукавая жена! Самое молчаніе тебя уличаетъ: ты въ сердцѣ своемъ (безполезно оприцаешься) горѣла такимъ же нечестивымъ огнемъ: ты призналась мнѣ въ шомъ, ясно призналась, когда я

недавно предъ симъ нарочно говорилъ о семъ съ побою: къ чему спаралась ты воспоминашь мнѣ, что онъ сынъ мой? Подъ сими словами, вѣроломная, не смѣя сказать разумѣла ты, что онъ твой любовникъ. Въ душѣ своей меньше ли его нарушила ты долгъ, честь, законъ?

ИЗABELLA.

Молчаніе мое не отъ страха происходитъ: языкъ мой сковало удивленіе видѣшь въ тебѣ такую невѣроятную лукавую, звѣрскую, яростную душу. — Наконецъ я прихожу въ себя и престаю дивиться. Тяжкую вину, бывъ твоею женою, напоследокъ должна я изгладить. По сіе время не оскорбила я тебя ни чѣмъ: предъ лицомъ неба, и предъ лицомъ Князя, я не прешупница; хотя въ груди моей.

КАРЛЪ.

Сожалѣніе обо мнѣ побуждаетъ ее къ словамъ симъ: ахъ! не вѣрь.

ИЗABELLA.

Тщешно покушаешься ты меня спасти: каждое слово твое раздражаетъ еще болѣе горделивую душу его. Не время теперь, не время извиняться: пора избавишься отъ лютейшаго всякихъ мукъ страданія, спояшь

предъ лицомъ его. — Ежели бы мучители могли знать непобѣдимую силу любви, Царь, я сказала бы тебѣ, что ты соединилъ насъ узами любви; сказала бы, что ты отъ самыхъ юныхъ лѣтъ моихъ обратишь мысль мою къ нему; что возвергнувъ на него всю мою надежду, съ нимъ помышляла я провождать щасливые дни мои. Добродѣтель и твоя воля повелѣли мнѣ его любить: кпо попомъ обратишь оное въ преступленіе? Ты содѣлалъ сіе, разорваніемъ священныхъ узъ. Не трудно было самовласію разорвашъ ихъ; но сердце такъ ли удобно премѣняется? Онъ пребывалъ внутри сердца моего; но какъ скоро я супругою твоею спала, пламень сей обузданный умолкъ во мнѣ: надлежало попомъ времени, добродѣтели моей, и можетъ быть тебѣ самому погасить его.

Ф и л и п п ъ.

Чего не сдѣлали въ тебѣ ни добродѣтель твоя, ни время, по сдѣлаю я: такъ, въ нечистой крови твоей потушу сей нечистый пламень. . . .

И з а в е л л а.

Всегда лишь кровь, и всегда больше и больше ушопашъ въ крови, одно твое достоинство; но сіе достоинство не то, которое бы могло похи-

пишъ у него сердце мое и опдашь оное тебѣ;
тебѣ, поколико онъ сына своего различному,
колико различенъ порокъ онъ добродѣтели.—
Ты видѣлъ меня дрожащую предъ побою; но
теперь я не дрожу больше, нѣтъ; доселѣ
злочеспивая спрасть моя молчала во мнѣ
для того, что я почиала ее шаковою: те-
перь обнажаю ее, теперь, когда вижу себя
болѣе злочеспивымъ.

Ф и л и п п ъ.

Онъ достоинъ себя; ты его достойна.—
Чего жъ больше? Послѣ сего остаеся толь-
ко посмопрѣть, такъ ли швердо вы умирашь
умѣете, какъ говоришь?

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гомеръ, Филиппъ, Изабелла и Карлъ.

Ф и л и п п ъ.

Гомеръ, исполнилъ ли ты мои повелѣнія?
Съ тѣмъ ли сюда пришелъ, чтобы извѣспить
меня о томъ?

Г о м е р ъ.

Пересъ пронзенный умираетъ: вопъ мечъ
теплою его кровію еще дымящійся.

К а р л ъ.

О зрѣлище!

Ф и л и п п ъ.

Въ немъ не весь еще скопъ измѣнниковъ умираетъ; но ты между шѣмъ зри, какая доспойная награда воздается твоимъ друзьямъ.

К а р л ъ.

Сколько, увы! сколько смерпей, прежде разлученія моего съ жизнію, долженъ я здѣсь прешерпѣшь? Пересъ, и ты? Но я слѣдую за тобою. Гдѣ, гдѣ тошъ мечъ, которому поразить меня опредѣлено? подайше его скорѣе. О! когда бы кровь моя могла погасить пламенную жажду сего шигра!

И з а б е л л а.

О! естли бы я одна, одна я могла насытить неистовую злобу его!

Ф и л и п п ъ.

Споръ вашъ наглый я окончу. Избирайте любое: или мечъ сей, или сію чашу. Ты, презришель смерти, приспуни первый къ сему выбору.

К а р л ъ.

О мечъ! тебя, не просывшаго еще опъ неповинной крови, избираю я моимъ избави-

шелѣмъ. — А ты, несчастная Изабелла! ты много сказала: тебѣ паже, какъ и мнѣ, смерть предстоишь; но избери ядъ, онъ меньше мучипелень. Злополучной любви послѣдній совъѣтъ! послѣдній даръ любви! собери все свое мужество:—смотри; послѣдуй моему призыву.—Я умираю. возьми скорбный пагубную чашу. . . .

И з а в е л л а.

Иду за тобою. О смерть! ты мнѣ радость; въ тебѣ.

Ф и л и п п ъ.

Ты будешь жить; прошивъ воли твоей жить будешь.

И з а в е л л а.

Оставь меня. о любая казнь! онъ умираешь, а я?

Ф и л и п п ъ.

Разлученная съ нимъ ты будешь жить, жить и плапаться слезами: долговременная горестъ твоя меня будешь улаждать. Когда же попомъ, освободясь отъ недоспойной любви своей, ты пожелаешь жить, тогда я умертвливъ тебя повелю.

И з а в е л л а.

Жить съ тобою? сносишь твое присутствіе? нѣтъ, сего невозможно. . .

я умру. . . . ты опнялъ у меня ядъ. . . .
мечемъ швоимъ я сама. . . .

Ф и л и п п ъ.

Постой. . . .

И з а в е л л а.

Я умираю. . . .

Ф и л и п п ъ.

О! что я вижу?

И з а в е л л а.

Ты видишь. . . . сына и жену умирающихъ. . . . оба невинны. . . . оба опть руки швоей. . . . Карлъ! я соединяюсь съ побою. . . .

— Ф и л и п п ъ.

Течешъ крови (и какой крови!) пошокъ. . . . Филиппъ, ты опмсшилъ; ты въ полной мѣрѣ совершилъ ужасное свое мщеніе; но щаспливъ ли ты?—Не сказывай, о Голецъ, никому о семъ спрашномъ приключеніи. — Мою славу и свою жизнь сохранишь ты, ежели молчать будешь.

Конецъ Трагедіи.

С Р А В Н Е Н І Е

СУМАРОКОВА СЪ ЛАФОНТЕНЕМЪ,

ВЪ ТѢХЪ ПРИТЧАХЪ, КОТОРЫЯ ОНИ ЗАИМСТВОВАЛИ
У ДРЕВНИХЪ И ПЕРЕСКАЗАЛИ ОНЫЯ КАЖДЫЙ СВОИМЪ
ОБРАЗОМЪ.

Ни что можешь быть не полезно споль-
ко для словесности, какъ сравненіе двухъ
писателей, сочинившихъ или переводившихъ
одно и то же. Слогъ ихъ, выраженія, выборъ
словъ, хотя бы они и равное имѣли иску-
ство, не могутъ всегда быть одинаковаго до-
стоинства. Таковое сличеніе изошряетъ умъ
читателя и пріучаетъ его распознавать
истинныя красоты отъ ложныхъ. Оно не
только полезно между стихотворцами, пи-
савшими на одномъ и томъ же языкѣ, но
даже и на разныхъ. Для сего избираемъ мы
Лафонтена и *Сумарокова*. Оба они содержа-
ніе нѣкоторыхъ басенъ своихъ почерпнули
изъ древнихъ источниковъ, и каждый изъ

нихъ взяшый имъ подлинникъ передѣлалъ по своему. Не съ тѣмъ пристуаемъ мы къ сему сравненію, чѣмъ опдашь изъ сихъ знаменитыхъ писателей кому нибудь преимуществу; такъ много мы на себя не беремъ; но только, чѣмъ о тѣхъ мѣстахъ, которыя подходятъ подъ сличеніе, скажешь чиспосердечно наше мнѣніе. Весьма далеки мы опъ того, чѣмъ по приспраспію къ своему писателю уничижаешь чужеспраннаго; но еще далѣе опъ того, чѣмъ по приспраспію къ чужеспранному уничижаешь своего. *Лафонтень* между своими единоземцами и между нами безсмертенъ. *Сцитароковъ* часъ опъ часу спановишься неизвѣспнѣ. Можешь бышь, хопя весьма не много, но во Франціи лучше знаютъ его, нежели у насъ. Хорошее ободреніе спудишься для потомства! Скажешь: сіе опъ того, что доспоинства ихъ весьма различны. Скажешь можно, мы эшъ опъ многихъ умницъ слышимъ, но не видимъ доказательствъ. Въ словесности нуженъ разборъ: шому, кпо просто кричишь, не надобно вѣришь; а того, кпо доказываешь, должно выслушиваешь безъ всякаго о самомъ себѣ и о немъ предубѣжденія. Тогда школьникъ, едва умѣющій грамотъ, не спанеешь съ гордостію уничижаешь Ломоносова и величаешь Пуспозвякова, для того что всѣми презрѣнь будеешь; а судья, разбирающій съ доказательствами, найдетъ вниманіе въ чи-

папелѣ, и если не всѣми своими мнѣніями,
такъ по крайней мѣрѣ нѣкопорыми, прине-
сешъ ему пользу. Но приступимъ къ дѣлу.

Phoebus et Borée. Livre VI, fable III.

Фебъ и Борей. Книга I, притча I.

Лафоншень начинаешъ сію басню слѣду-
ющимъ образомъ :

„Borée et le Soleil virent un voyageur,
Qui s'étoit muni par bonheur
Contre le mauvais tems. On entroit dans l'au-
tomne,
Quand la précaution aux voyageurs est bonne.“

Сумароковъ приступаетъ скорѣе къ дѣлу:

„Съ Бореємъ былъ у Феба разговоръ,
Иль паче споръ,
Кто больше силъ изъ нихъ имѣешъ,
И лучше власпировать умѣешъ.“

Лафоншень продолжаетъ :

„Il pleut ; le soleil luit ; et l'écharpe d'Iris
Rend ceux qui sortent avertis
Qu'en ces mots le manteau leur est fort né-
cessaire.
Les Latins les nommoient douteux pour cette
affaire.
Notre homme s'étoit donc à la pluie attendu :
Bon manteau bien doublé, bonne étoffe bien
forte.“

Сумароковъ говоритъ нѣсколько простиѣ,
но почти подобное же пому :

„Проѣзжій на конѣ: холодноватъ былъ часъ;
Накинулъ епанчу проѣзжій; крышка грѣетъ,

И есть у насъ
 Указъ,
 Во время холода теплѣй прикрыться,
 И никогда предъ спужей не бодриться,
 Ее не побѣдишь,
 Себя лишь только повредишь:
 Противу холода не можно умудриться.“

Мы не спанемъ входить въ подробное
 разсмашириваніе шамъ, гдѣ доспоинспво обо-
 ихъ писашелей почти одинаково; но только
 шамъ, гдѣ одинъ изъ нихъ весьма превосхо-
 дить другаго. Лафоншенъ продолжаетъ:

„Celui-ci, dit le vent, prétend avoir pourvu
 A tous les accidens; mais il n'a pas prévu
 Que je saurai souffler de sorte,
 Qu'il n'est bouton qui tienne: il faudra, si je veux,
 Que le manteau s'en aille au diable.
 L'ébattement pourroit nous en être agréable:
 Vous plait-il de l'avoir? Eh bien! gageons nous
 deux,

(Dit Phoebus) sans tant de paroles,
 A qui plutôt aura dégarni les épaules
 Du cavalier que nous voyons.
 Commencez: je vous laisse obscurcir mes rayons.“

Сумароковъ говоритъ почти все тоже,
 только гораздо короче:

„Сказалъ Борей: смотри, съ проѣзжева хочу
 Я сдернуть епанчу,
 И лишекъ на сѣдлѣ я въ когти ухвачу.
 А солнце говоритъ: во щещной пы надеждѣ,
 А ешьли я хочу,
 Такъ эту епанчу
 Сниму я прежде;

Часть XII.

Однако поспудися ты,
И сдѣлай истинну изъ бреда и мечты.

Въ стихахъ сихъ нѣтъ великой разно-
спи. Сумарокова стихъ, что Борей лишекъ
епанчи на сдѣлѣ схватитъ въ когти, конечно
не хорошъ; но сіе опъ того, что онъ въ Бо-
рей хопѣль изобразилъ низкое лице, какъ
мы то послѣ увидимъ. Лафоншенъ продол-
жаетъ :

„Il n'en fallut pas plus. Notre souffleur à gage
Se gorge de vapeurs, s'enfle comme un ballon,
Fait un vacarme de démon,
Siffle, souffle, tempête et brise en son passage
Maint toit qui n'en peut, mais fait pé- - - - -
- - - - - bateau :

Le tout au sujet d'un manteau.“

Сумароковъ говоритъ :

„Борей мой дуешь,
Борей мой плюешь,
И сильно подъ бока проѣзжаго онъ суешь,
Борей орешь,
И въ когти епанчу берешь,
И съ плечъ ее дерешь.“

Сравнивая въ семь мѣстѣ Французскія
стихи съ Русскими, пошчасъ можно почув-
ствовать великую между оными разность.
Лафоншенъ представляетъ Борей въ видѣ
пекущаго и силою своею все низвергающаго
исполина: *siffle, souffle, tempête, brise.* и оканчи-
ваетъ симъ нравоучительнымъ стихомъ: *le
tout au sujet d'un manteau.* Сумароковъ изобра-
жаетъ Борей, какъ нѣкоего наглеца, буяна

или звѣря съ когтями: *дѣтѣ, плюетѣ, сѣтѣ, оретѣ, деретѣ*. Первое изображеніе величаво и благородно, второе проспонародно и низко. Между пѣмъ однакожь не худо можешь бышь замѣшпшь, что сіе второе изображеніе, при всемъ своемъ недоспашкѣ меньше удаляется ошъ своего предмета, и попому еспеспвеннѣе. Въ самой вещи, здѣсь Борей дѣлаетъ только свое дѣло, шо еспъ спараетъ снятъ епанчу съ проѣзжаго; а шамъ онъ для доспшженія намѣренія своего шворипъ весьма опдаленныя ошъ спора ихъ и почти поспороннія дѣла, а именно, *кровли срываеѣ и корабли потопляеѣ*. Лафоншенъ продолжаетъ:

„Le cavalier eut soin d'empêcher que l'orage
Ne se pût engouffrer dedans.
Cela le préserva.“

Сихъ спшховъ нѣшъ у Сумарокова, да и шужипъ ошъ нихъ не для чего.

„Le vent perdit son tems;
Plus il se tourmentoit, plus l'autre tenoit ferme:
Il eut beau faire agir le colet et les plis.“

У Сумарокова сказано сіе гораздо игри-
вѣе и лучше:

„Толчки проѣзжій чуешъ,
И въ носъ, и въ рыло и въ бока,
Однако епанча гораздо жеспока:
Хлопочешъ,
И съ плечъ идши не хочешъ.“

*

Успалъ Борей,
И поклонился ей.“

Примѣтимъ сперва вообще, что въ шажомъ стихотвореніи, какимъ пишущся припчи, басни и сказки, пребующемъ просаго, свободнаго и забавнаго слога, одинакой мѣры стихи не шакъ удобны для игры и шутокъ, какъ стихи разной мѣры, то естѣ длинные перемѣшанные съ короткими, часпо изъ одного слова состоящими. Напримѣръ глаголѣ *хлопочетѣ*, засшупающій мѣсто цѣлаго стиха, не могъ бы имѣть той силы, когда бы вмѣстѣ съ другими словами, а не одинѣ особенно стоялъ. Онѣ здѣсь по двумъ причинамъ хорошѣ: первое, что стоя одинѣ лучше показываесть силу свою; второе, что соединяесть въ себѣ два понятія; ибо *хлопочетѣ*, говоря о челошкѣ, значить *суетится, заботится*; говоря же о мершвой или бездушнот вещи, значить *безпрестанно хлопаетѣ, трепещетѣ*. Сіе послѣднее знаменованіе онаго можемъ мы почувствовать изъ того, что глаголовъ *топаетѣ*, *хлопаетѣ*, въ учащательномъ иначе сказаѣ не можемъ, какъ *топочетѣ*, *хлопочетѣ*. Епанча представляесть здѣсь и то и другое: въ одномъ случаѣ глаголѣ *хлопочетѣ*, точно шакже какъ и *не хочетѣ*, изображаетъ въ ней нѣкое одаренное чувствами существо; въ другомъ случаѣ тошѣ же глаголѣ *хлопочетѣ* изображаетъ ее какъ вещь безчувственную, пре-

пещущую опъ вѣпра. Сіе соединеніе понятій въ одномъ и томъ же словѣ дѣлаешь красочу изображенія; ибо крапкимъ изреченіемъ многія мысли въ умѣ раждаешь. Сверхъ сего общаго примѣчанія, разсматривая Французскіе и Русскіе стихи, находимъ мы, что въ первыхъ порядокъ мыслей перемѣшенъ. Послѣ словъ *le vent perdit son tems*, сочинитель снова начинаетъ говорить о дѣйствіи погожъ вѣпра: *plus il se tourmentoit* и проч. Сумароковъ напрошивъ не прежде, какъ уже по описаніи усилій вѣпра окончеваетъ словами, соотвѣстствующими Французскимъ: *le vent perdit son tems*, но несравненно лучшими ихъ:

Усталъ Борей
И поклонился ей.

Глаголь *усталъ*, послѣ всѣхъ усилій Борей, весьма здѣсь хорошъ. Сей порядокъ въ расположеніи Французскихъ стиховъ сдѣлалъ, что Лафонтению надлежало опять обратиться къ повѣствованію и сказать сіи лишніе и Сумарокову не надобные стихи:

„Sitôt qu’il fut au bout du terme
Qu’à la gageure on avoit mis.“

Послѣ кошорыхъ продолжаетъ онъ:

„Le soleil dissipe la nue,
Récrée, et puis pénètre enfin le cavalier,
Sous son balandras fait qu’il sue,“

Какъ далеко стихи сіи отспоятъ опъ силы и красочы Рускихъ стиховъ:

„Вдругъ солнце возсіло
 И естество другой порядокъ воспріяло ;
 Нигдѣ не видно тучъ,
 Вездѣ златой играетъ лучъ,
 Куда ни возведешь ты взоры,
 Ликующъ рѣки, лѣсъ, луга, поля и горы!“

Какое прекрасное изображеніе благошворной природы послѣ ярыхъ порывовъ угрюмаго Борея! При томъ какое сладкозвучіе въ стихахъ и какой выборъ словъ! Послѣдній стихъ, въ которомъ части земли вмѣсто самой ее исчислены, пріятенъ, плавень и гораздо больше говоритъ воображенію, нежели *faire suer sous son balandras*. Лафоншень окончиваетъ :

„Le contrainst de s'en dépouiller :
 Encore n'usa-t-il pas de toute sa puissance,
 Plus fait douceur, que violence.“

Францускій стихотворецъ говоритъ : солнце *принудило* проѣзжаго снять съ себя епанчу. Глаголь *принудить* приличенъ больше лютоспи Борея, нежели благоспи солнца. Послѣдній стихъ : *plus fait douceur, que violence* (больше дѣлаешь кропоспъ, нежели насиліе), прекрасенъ ; но глаголь *contraindre* поришишь разумъ онаго ; ибо что дѣлаешь здѣсь кропоспъ ? поже что и насиліе : принуждаешь. Для того Сумароковъ весьма благоразумно не употребилъ сего глагола. Онъ напрошивъ сказалъ :

„Проѣзжій епанчу долой съ себя сложилъ,
И снявъ о епанчѣ проѣзжій не пужилъ.“

Напоследокъ, Русскій стихопворецъ окон-
чиваетъ припчу свою похвалою Имперашицѣ:

„Репейникъ хуже райска крина.
О чемъ я въ припчѣ сей, читашель, говорю?
Щедропа лююости попребнѣ Царю :
Борей Калигула, а (Фебъ Екатерина.

Le Loup et l'Agneau. Liv. I, Fab. X.

Волкъ и агненокъ. Кн. I, притча II.

Лафоншенъ начинаешъ нравоученіемъ :

„La raison du plus fort est toujours la meilleure.
Nous l'allons montrer tout à l'heure.“

У Сумарокова нѣтъ сихъ стиховъ, и
хорошо что ихъ нѣтъ. Я не спорю, что
слово *meilleure* не значить здѣсь похвалы; но
я знаю это по собственному моему по-
нятію о гнусности права насилія, а не по
знаменованію сего слова: и шакъ, опъ меня
зависитъ принятъ оное за похвалу. Вотъ
для чего въ первомъ изъ сихъ двухъ стиховъ
не люблю я слова *meilleure*. Лафоншенъ про-
должаешъ :

„Un agneau se désaltérait
Dans le courant d'une onde pure.
Un loup survient à jeun, qui cherchoit aventure,
Et que la faim en ces lieux attirait.“

Сумароковъ говоришь о помѣже съ нѣко-
порыми, можетъ быть, излишними околич-
ностями :

„Въ рѣкѣ пилъ волкъ, ягненокъ пилъ;
Однако внизъ рѣки гораздо опиступилъ;
Такъ пилъ онъ ниже,
И слѣдственно что волкъ къ тому былъ мѣ-
сту ближе,
Отколѣ токи водъ спремленіе влечетъ:
Извѣстно что вода всегда на низъ течетъ.“

Послѣдніе чепыре стиха составляютъ
доказательство для разума не нужное, для
шутки же и смѣха недовольно забавное. Ла-
фоншеневъ толкъ начинается топчасть гово-
рить :

Qui te rend si hardi de troubler mon breuvage?
Dit cet animal plein de rage :
Tu seras châtié de ta témérité.“

Сумароковъ не такъ скоро приспупаетъ
къ дѣлу. Первое явленіе начинается у него
безмолвнымъ, естественнымъ и прекраснѣй-
шимъ объясненіемъ ;

„Голодный волкъ ягненка озираетъ :
Отъ ужаса ягненокъ обмираетъ.“

Въ сихъ двухъ стихахъ глаголь *озираетъ*,
которому во Французскомъ языкѣ конечно не
сыщется равносильнаго, въ такой же страхъ
и сожалѣніе приводитъ чипапеля, въ какой
трепетъ и ужасъ повергаетъ сего ожидаю-
щаго смерти слабого живошнаго. Лафонше-
невъ ягненокъ описываетъ волку такимъ

учпивымъ языкомъ , какимъ говорящъ придворные , и выводилъ изъ доказательствъ заключенія не хуже никакого спряпчаго :

„Sire, répond l'agneau, qué votre majesté
Ne se mette pas en colère ;
Mais plutôt qu'elle considere
Que je me vas désaltérant
Dans le courant
Plus de vingt pas audessous d'elle;
Et que, par conséquent, en aucune façon,
Je ne puis troubler sa boisson.“

Сумарокова ягненокъ не такъ учпивъ , не такъ уменъ : онъ не знаетъ , что волка надобно называющъ *ваше величество* , и что при заключеніи всякаго умспвованія надлежитъ сказащъ : *et que par conséquent*. Онъ просто жалокъ , и чувспвительными выраженіями своими приводитъ сердце мое въ великое умиленіе , говоря :

„Не буду больше я съ ягняпками игращъ ,
Не спанещъ на руки меня паспушка бращъ ,
Не буду голоса я слышати свирѣли,
И ппички для меня въ послѣдніе пропѣли,
Не на зеленомъ я скончаюся лугу,
Умру на семь песчаномъ берегу.“

Можещъ быщъ , что сія жалоба нѣсколь-ко длинна ; однакожъ она соспоилъ въ естественныхъ спраху при разлукѣ съ жизнію чувспвованіяхъ , и при томъ такъ хорошо напоминаетъ о всѣхъ тѣхъ благахъ , съ кошорыми ягненокъ разспаешся , что я при

чтении оной ни малѣйшей скуки не чувствую.
Лафонпень продолжаетъ :

„Tu la troubles, reprit cette bête cruelle;
Et je sais que de moi tu médis l'an passé.
Comment l'aurois-je fait si je n'étois pas né?
Reprit l'agneau; je tette encore ma mère. —
Si ce n'est toi, c'est donc ton frère. —
Je n'en ai point. — C'est donc quelqu'un des tiens;
Car vous ne m'épargnés guère;
Vous, vos bergers et vos chiens.
On me l'a dit: il faut que je me venge.
La-dessus, au fond des forêts
Le loup l'emporte, et puis le mange,
Sans autre forme de procès.“

Сумароковъ рассказываетъ пожъ самое
нѣсколько проспанье, но за то лучше и
пріятнее:

„Волкъ почаль говоритъ: бездѣльникъ! какъ
ты смѣешь

Питье мое мушишь,
И въ воду чистую мнѣ сору напустишь?
Да ты жъ такую мать имѣешь,
• Которая ко мнѣ учтивства не храня,
Вчера бляла на меня.

Спихъ сей опмѣнно хорошъ. Почему?
По тому, что обыкновенно о собакъ гово-
рится: *она лаетъ на меня*. Собака дѣйстви-
тельно испускаетъ голосъ сей въ сердцахъ,
въ злобѣ. Овца напрошивъ того есть самая
незлобивая и слабѣйшая шварь: слѣдственно
и голосъ ея, называемый *блеліемъ*, не пока-
зываетъ никогда оскорбленія или зложеланія.
Но какъ волкъ всѣми неправдами хочетъ

обвинишь ягненка, то и спарается самому невинному дѣйствию дать видъ преступленія, словно какъ бы блять и лалть было равно оскорбительно.

„Ягненокъ опивчается,
 Что мать его дней съприщатъ умерла,
 Такъ волка не она ко гнѣву привела;
 А покъ воды бѣжитъ на низъ, онъ чаешь,
 Такъ волкъ его опивокъ не вспирывается.
 Волкъ прешью виной ягненка уличаетъ:
 Не мни, что ты себя, бездѣльникъ, извинилъ;
 Ошибся я, не мать, отецъ меня бранилъ.
 Ягненокъ опивчалъ: тому ужъ двѣ недѣли;
 Что псы его заѣли.
 Такъ дядя швой иль братъ,
 Иль можешь быть и свать,
 Бранилъ меня вчера, я это знаю точно,
 И говорю тебѣ я это не нарочно.
 Ягненковъ былъ опивтъ :
 Всея моей родни на свѣтъ больше нѣтъ,
 Лелѣишь лишь меня прекрасная паспушка.“

Сии два послѣдніе стиха весьма хороши: оба они возбуждаютъ жалость къ ягненку; одинъ изображеніемъ, что онъ сиротинка; другой напominаніемъ, что лелѣемый прекрасною паспушкою онъ благополученъ; а въ благополучіи разскавашся съ жизнію гораздо горестнѣе, чѣмъ въ злополучіи. Здѣсь волкъ, при имени паспушки, какъ придирающійся къ каждому слову, чѣмъ обвинишь невиннаго, тотчасъ подхватывается ягненка:

„А! а! верпушка,
 Не отвершишься ты! Вчера швоя паспушка

Влеяла на меня: комолые рога,
И длинный хвостъ у эпіова врага,
Густая шерсть, копыты не велики.“

Спиховъ сихъ нѣтъ у Лафоншена, но они прекрасны; ибо показывають съ какимъ безстыдствомъ самое грубѣйшее невѣжество, когда оно въ силѣ, дерзаетъ укорять безсильную правду, и поржесствуя надъ нею съ гордостію вопрошать:

„Довольно ли тебѣ, плутишка, сей улики?
Пастушкѣ я лвоей покорнѣйшій слуга,
За то что на меня бlesтъ она дерзаетъ,
А ты за то умри. Ягненка волкъ шерзаетъ.“

Les Femmes et le Secret. Liv. VIII, fab. VI.
Яицо. Кн. I, притча X.

Оба сочинители, Францускій и Русскій, начинають сію притчу совсѣмъ различнымъ образомъ. Лафоншень говоритъ:

„Rien ne pèse tant qu'un secret:
Le porter loin est difficile aux dames,
Et je sais même sur ce fait
Bon nombre d'hommes qui sont femmes.

Прекрасное сатирическое начало. Сумароковъ говоритъ:

„Когда снѣга не шають,
Ребаша изъ него шары кашають,
Серпятъ
И шаръ верпятъ,

Шаръ больше спановится;
Шарочикъ ихъ шаричемъ появишся.

Да кпожъ
На шаръ похожъ?

Ложь.

Что больше бродить,
То больше въ цѣну входить:
Снѣжной шарика будешь шаръ,
А изъ лжи шоварика шоварь.“

Въ спихахъ сихъ, выключая глагола *сертятъ*, слишкомъ простонароднаго, означающаго *столтъ нагнувшись*, все оспальное весьма хорошо. Уподобленіе возраспанія лжи съ возраспаніемъ снѣжнаго шара есть самое лучшее, какое придумать можно, и припомъ настоящее Руское, напоминающее намъ о зимнихъ забавахъ ребяпишекъ въ такое время, когда опъ теплошы погоды снѣгъ дѣлается липкимъ. Нѣкоторыя красоты собственнѣнно языку нашему свойственны: *шарочикъ становится шаричемъ*, не скажешь ни на какомъ языкѣ, не имѣющемъ умалишельныхъ и увеличительныхъ именъ.

Да кпожъ
На шаръ похожъ?
Ложь,“

Прекрасное въ полъ короткихъ спихахъ, и съ такими богатыми рифмами, выраженіе.

Что больше бродить,
То больше въ цѣну входить.

Глаголь *бродитъ* весьма хорошо изображаетъ здѣсь скипаніе лжи изъ дома въ домъ, изъ успа въ успа. Лафоншень продолжаетъ:

„Pour éprouver la sienne un mari s'écria,
La nuit étant près d'elle: o Dieux! qu'est-ce cela?
Je n'en puis plus! on me déchire!
Quoi j'accouche d'un oeuf! — D'un oeuf? — Oui,
le voilà;
Frais et nouveau pondu: gardez bien de le dire,
On m'appelleroit Poule. Enfin n'en parlez pas.“

Сии стихи Лафоншеневы далеко уступаютъ стихамъ Сумарокова:

„Ахъ! ахъ! жена, меня околдовали,
Кричишь мужъ лежачи женѣ,
Я снесъ яйцо?—Никакъ ты видѣла шо во снѣ?
Такія чудеса на свѣтѣ не бывали. —
Я снесъ яйцо: ахъ жонушка моя!
Ужъ я
Не мужъ пвой, курица пвоя.
Не молви эшого съ сосѣдкой,
Ты знаешь назовушь меня еще насѣдкой.“

Одно простое выраженіе: *меня околдовали*, уже гораздо лучше сихъ ничего незначащихъ восклицаній: *qu'est-ce cela, je ne puis plus! on me déchire!* Также и въ сихъ словахъ: *gardez bien de le dire, on m'appelleroit poule*, хотя мысль одинакая, однакожь у Сумарокова выражена несравненно лучше:

Ахъ жонушка моя!
Ужъ я
Не мужъ пвой, курица пвоя.

Сіе уменьшительное *жонцшка*, и сіе противоположеніе *мужа съ курицею*, котораго въ Лафоншеневыхъ стихахъ нѣтъ, дѣлаешъ слогъ веселымъ и забавнымъ. Лафоншень продолжаетъ :

„La femme neuve sur ce cas,
Ainsi que sur mainte autre affaire,
Crut la chose, et promit ses grands Dieux de se
taire :

Mais ce serment s'évanouit
Avec les ombres de la nuit.“

Прекрасные два стиха.

„L'épouse indiscrette et peu fine,
Sort du lit quand le jour fut à peine levé;
Et de courir chez sa voisine :
Ma commère, dit-elle, un cas est arrivé:
N'en dites rien sur tout, car vous me feriez battre.
Mon mari-vient pondre un oeuf gros comme quatre.
Au nom de Dieu, gardez vous bien
D'aller publier ce mystère.
Vous moquez vous? dit l'autre. Ah! vous ne savez
guère
Quelle je suis. Allez ne craignez rien.
La femme du Pondeur s'en retourne chez elle.“

Сей стихъ забавенъ по причинѣ необыкновенности слова *pondeur*.

„L'autre grille déjà de conter la nouvelle:
Elle va la répandre en plus de dix endroits;
Au lieu d'un oeuf elle en dit trois.
Ce n'est pas encore tout, car une autre commère
En dit quatre, et raconte à l'oreille le fait:
Précaution peu nécessaire,
Car ce n'étoit plus un secret.
Comme le nombre d'oeufs, grace à la Renommée,

De bouche en bouche alloit croissant,
 Avant la fin de la journée,
 Ils se montoient à plus d'un cent.“

Сравнимъ сіе окончаніе Француской басни, состоящее въ 27 стихахъ, съ окончаніемъ Руской припчи, состоящимъ въ 13 стихахъ, мы увидимъ, что сіе послѣднее окончаніе, не взирая на краткосць свою, содержитъ въ себѣ, безъ упущенія и безъ излишества, все то, что сказать надлежало :

„Противно то уму,
 Чпобъ я сказала то кому ;
 Однако скажетъ ;
 Болтливой бабѣ чортъ языка не привяжетъ.
 Сказала ей,
 А ша сосѣдушкѣ своей.“

Вотъ настоящее существо басни, у Лафонтена многими излишностями распянутое. Конецъ Руской припчи таковъ, что стихъ стиха лучше, и послѣдній изъ нихъ сильнѣ всѣхъ :

„Ложь ходитъ за всегда съ прибавкой въ мѣрѣ:
 Лицо, два, три, четыре,
 И спало подъ вечеръ пять сотъ лицъ.
 На завтра множество къ уроду
 Сбирается народу,
 И незнакомыхъ лицъ.
 За чѣмъ валишь народъ? Валишь купишь лицъ.“

Какая вмѣстѣ и смѣшная и огромная картина! Это Гоголь вымыселъ, изображенный кистію Рафаила.

La cour du Lion. Liv. VII. fab. VII.

Пиръ у льва. Кн. I, Притча XVII.

Лафоншень такъ начинаешъ сію басню:

„Sa majesté Lionne un jour voulut connoitre
De quelles nations le ciel l'avoit fait maitre.
Il manda donc par députés
Ses vassaux de toute nature,
Envoyant de tous les côtés
Une circulaire écriture
Avec son sceau. L'écrit portoit
Qu'un mois durant, le Roi tiendrait
Cour plénière, dont l'ouverture
Devoit être un fort grand festin,
Suivi des tours de Fagotin.
Par ce trait de magnificence,
Le Prince à ses sujets étaloit sa puissance.
En son Louvre il les invita.“

Прискупъ весьма проспранный. Сумароковъ начинаешъ припчу свою нравоученіемъ, подобнымъ тому, какое у Лафоншеня находишся въ концѣ басни:

„Коль истинной не можно отвѣчать,
Всего полезнѣе молчать.
Съ боярами какъ жить, поспребно эго вѣдашь.“

Прискупъ же Сумароковой припчи со всѣмъ прошивенъ Лафоншеневой. Сколько того проспранень, сполько его крашокъ:

„У льва былъ пиръ,
Пришелъ весь міръ
Обѣдашь.“

Ч а с т ь XII.

10

Лафоншенъ продолжаетъ: *

Quel Louvre! Un vrai charnier, dont l'odeur se porta
D'abord au nez des gens. L'ours boucha sa narine;
Il se fut bien passé de faire cette mine.
Sa grimace déplut. Le monarque irrité,
L'envoya chez Pluton faire
Le dégouté."

Въ семь мѣстѣ Францускій писатель
превосходитъ Рускаго, который говоритъ:

„Въ покояхъ вонь у льва:
Квартира шакова;
А львы живутъ не скудно,
Такъ это чудно.
Подобны въ чистотѣ жилищъ они Чухнамъ,
Или посадскимъ мужикамъ,
Которые въ торги умѣренно вступили,
И откупамъ насъ еще не облупили,
И вмѣсто поршупей имѣютъ кушаки,
А краше шакъ: торговы мужики.
Пришла вонь волку къ носу.
Волкъ это объявилъ бесѣдѣ безъ допросу,
Что запахъ худъ.
Услышавъ левъ кричитъ: бездѣльникъ ты и
плутъ,
Худова запаху и не бывало тушь:
И смѣютъ ли въ такіе толки
Входишь о львовомъ домѣ волки?“

(Два прекрасные стиха).

„А чтобы бредишь волкъ на предки не дерзаль
Немножечко онъ волка пошазаль,
И для поправки наказаль,
А именно на части расперзаль.

Замѣтимъ, что во Французскихъ стихахъ нѣтъ ничего такого, которое бы не принадлежало къ существу басни. Въ Рускихъ же во первыхъ *квартира* *такова* есть низкое выраженіе. Во вторыхъ шесть стиховъ, содержащихъ въ себѣ сравненіе львиного жилища съ жилищемъ торговыхъ мужиковъ, есть нѣкое не хорошее сапирическое опскупленіе отъ содержанія припчи. Въ шрепныхъ игра словъ или шупка, заключающаяся въ чешырехъ послѣднихъ стихахъ, есть самая проткая, безъ оспроты, безъ соли. Лафоншенъ продолжаетъ :

„Le singe approuva fort cette sévérité ;
Et, flatteur excessif, il loua la colère,
Et la griffe du Prince, et l'autre, et cette odeur:
Il n'étoit ambre, il n'étoit fleur,
Qui ne fut ail au prix. Sa sottie flatterie
Eut un mauvais succès, et fut encor punie.
Ce monseigneur du Lion-là,
Fut parent de Caligula.“

Хорошіе стихи. Сумарокова также не худы:

„Марышка, видя страшны грозы,
Сказала : здѣсь нарцисы, розы
Цвѣтутъ !
Левъ ей оповѣстивалъ: и ты такой же плутъ !
Нарцисовъ, розъ и не бывало тутъ.
Напредки не сплешай ты лести,
А за такія вѣспи,
И за пріязнь
Прими достойну казнь.
Преспавился волчишка,
Преспавилась марышка.“

*

Въ сихъ сшихахъ замѣтитишь только должно, что слово *за пріязнь*; и уменьшительное *волшишка*, сказаны больше для рифмы, нежели для разума. Лафоншень продолжаетъ:

„Le Renard étant proche: or ça, lui dit le Sire,
Que sens tu? Dis le moi: parle sans déguiser.
L'autre aussitôt de s'excuser,
Alleguant un grand rhume: il ne pouvoit que dire
Sans odorat: bref il s'en tire.“

Нѣтъ никакого подобія между вялостію сихъ сшиховъ и оспрошою пѣхъ, какими Сумароковъ оканчиваетъ сію припчу:

„Скажи лисица пы, хозяинъ вопрошалъ,
Какой бы запахъ намъ дышалъ?
Я знаю, что пвое гораздо чувство нѣжно,
Понюхай пы прилѣжно.
Лисица на эпотъ вопросъ
Сказала: у меня залегъ сего дня носъ.“

Наконецъ, Лафоншень оканчиваетъ басню свою нравоученіемъ, подобнымъ тому, какое видѣли мы въ началѣ Сумарокова припчи:

„Ceci vous sert d'enseignement.
Ne soyez à la cour, si vous voulez y plaire,
Ni fade adulateur, ni parleur trop sincère;
Et tâchez quelquefois de répondre en Normand.“

Les oreilles du lièvre. Liv. V, fab. IV.

Заяцъ. Кн. II, притча XXVIII.

Лафоншень начинаеть:

„Un animal cornu blessa de quelques coups
Le Lion, qui, plein de courroux,
Pour ne plus tomber en la peine,
Bannit des lieux de son domaine,
Toute bête portant des cornes à son front.
Chèvres, Béliers, Taureaux, aussitôt délogèrent,
Daims et cerfs de climat changèrent :
Chacun à s'en aller fut prompt.“

**Сумароковъ говоритъ шоже короче и
лучше.**

„Толкнулъ какой-шо льва рогами звѣрь:
За шо скопинъ всей рогапой,
 Нещаснiе пеперь,
 И ссылка плашой.
 Въ приказъ
Пришелъ о томъ указъ.
Готовъ осмотръ и высылка гошова.
Спупай, не говори ни слова,
И повесите вонъ опсель шѣла,
 Рога и души.“

Лафоншень продолжаетъ:

„Un lièvre appercevant l'ombre de ses oreilles,
Craignit que quelque inquisiteur
N'allât interpréter à cornes leur longueur,
Ne les soutint en tout à des cornes pareilles.“

**Сумароковъ сказалъ подобное же тому,
но лучше:**

„Великой зайцу страхъ ша ссылка навела;
 Рогами мнишь сочтуть въ приказъ зайчьи уши.
 До зайца шощъ указъ ни въ чемъ не надлежитъ;
 Однако онъ какъ шѣ подобно прочь бѣжитъ.“

Лафонтенъ оканчиваетъ :

„Adieu, voisin Grillon, dit-il, je pars d'ici :
 Mes oreilles enfin seroient cornes aussi ;
 Et quand je les aurois plus courtes qu'une Autruche,
 Je craindrois même encore. Le Grillon répartit !
 Cornes, cela ! Vous me prenez pour cruche :
 Ce sont oreilles que Dieu fit.
 On les fera passer pour cornes,
 Dit l'animal craintif, et cornes de Licornes.
 J'aurai beau protester: mon dire et mes raisons
 Iront aux Petites - Maisons.“

Сіе окончаніе забавно, прекрасно, и конечно не почищается недоспойнымъ пера Лафонтенева. Однакожъ Сумарокова перо и въ семь мѣстѣ, равно какъ и во многихъ другихъ, не шокмо не уступило ему, но мнѣ кажется весьма превзошло :

„Страхъ зайца побѣждаетъ,
 И заяцъ разсуждаетъ :
 Подъячій люшъ,
 Подъячій плушъ,
 Подъяческія души
 Легко пожалуюшъ въ рога большіе уши;
 А ежели судьи и судъ
 Меня оправятъ,
 Такъ справки, выписки одни меня задавятъ.“

Мы бы могли еще и болѣе опшѣскашь басенъ для сличенія; но довольно уже и сихъ пяти, дабы усмотрѣшь, что Сумароковъ, хотя бы онъ ничего другаго не написалъ кромѣ припчей, можетъ по однимъ онымъ, ежели не на ряду, то по крайней мѣрѣ весьма близко стоятъ съ Лафоншелемъ. Между тѣмъ Французскій писатель въ одномъ шокмо родѣ стихотворенія успѣлъ, въ припчяхъ; Руской, напротивъ, во многихъ родахъ. Опкуду же пакала разность въ ихъ славѣ? Пускай другіе рѣшають сію задачу, а я, хотя и знаю, но не скажу.

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕ.

Посмотримъ еще нѣкоторыя переводы Сумарокова съ знаменитѣйшихъ Французскихъ писателей и сличимъ переводъ съ подлинникомъ.

Изъ Поліевкта, Корнеліевой Трагедіи.
Дѣйствіе IV, явленіе II.

Поліевктъ.

Source délicieuse en misere féconde,
Que voulez-vous de moi, flateuses voluptés?
Honteux atachemens de la chair et du monde,
Que ne me quités-vous, quand je vous ai quités?

Стремишься роскошь пы , источникъ лютой
 часши, Прельщеньемъ пагубнымъ мой воздвигнуть
 спраши:

О припязненія плоскихъ мірскихъ заразъ!
 Оспавше вы меня, коль я оспавиль васъ.

Въ семъ переводѣ нѣтъ ничего уступаю-
 щаго смыслу и силѣ подлинника. Далѣе:

Allez, honneurs, plaisirs, qui me livrez la guerre,
 Toute votre félicité
 Sujette à l'instabilité
 En moins de rien tombe par terre,
 Et comme elle a l'éclat du verre,
 Elle en a la fragilité.

Спупайте нынѣ прочъ играніе и смѣхи,
 И честь и щаспіе и всѣ мои упѣхи;
 Искати васъ мое желанье пропекло,
 Вы свѣщлы шаковы и ломки какъ стекло.

Сей переводъ гораздо лучше подлинника.
 Переводчикъ, избѣгнувъ погрѣшностей, со-
 хранилъ красоты сочинителя. Волперъ дѣ-
 лаетъ на сіи Корнеліевы списки слѣдующія
 замѣчанія: „первое (говоритъ онъ), *tombe par*
terre, есѣ всегда худое выраженіе; причина
 тому, что *par terre* не нужно и низко: *il est*
tombé par terre; говоритъся полько въ проспо-
 рѣчии. Второе, *et comme elle a l'éclat du verre*,
elle en a la fragilité: мысль сія есѣ одна изъ

пѣхъ мнимыхъ хитростей ума (*concetti*), за копорыми писатели такъ часто гонялись. Не блескъ дѣлаешь ломкость: драгоценные каменья гораздо болѣе блестятъ, но весьма крѣпки.“—Оба сіи Волперовы замѣчанія нейдутъ къ нашему переводчику. Онъ не имѣетъ сихъ погрѣшностей. У него нѣтъ выраженія подобнаго выраженію *par terre*, и въ стихѣ его: *вы свѣтлы таковы и ложи какъ стекло*, нѣтъ того ложнаго уподобленія, какое заключается во Французскихъ стихахъ:

et comme elle a l'éclat du verre,
Elle en a la fragilité.

Стихи сіи говорятъ: *поелику оно (щастіе) такъ свѣтло, какъ стекло, то столько же и ложи: слѣдовательно свѣплости приписываютъ ломкость*. Руской стихъ напрошивъ и ломкость и свѣплость приписываетъ стеклу, которое оба сіи свойства въ себѣ имѣетъ. Далѣе:

Ainsi n'espérez pas qu' après vous je soupire.
Vous étalez en vain vos charmes impuissans;
Vous me montrez en vain par tout ce vaste empire,
Les ennemis de Dieu pompeux et florissans.
Il étale à son tour de revers équitable,
Par qui les grands sont confondus;
Et les glaives qu'il tient pendus
Sur les plus fortunés coupables,
Sont d'autant plus inévitables
Que leurs coups sont moins atendus.

Не буду въздыхашъ о васъ на свѣтѣ болѣ:
 Не подвергаюся я больше вашей волѣ.
 Вы щирно силихесь принудить сердце пашъ,
 Являя Божіихъ враговъ и чешъ и власъ;
 На нихъ Богъ яростно десницу проспираешъ,
 И беззаконниковъ ногами попираешъ.
 Хотя не мняшъ они, что правда имъ грозилъ,
 Незапный ихъ ударъ повержешъ и сразилъ.

Сей переводъ, не взирая на уменьшеніе
 свое двумя стихами, сохраняешъ въ себѣ весь
 смыслъ и силу подлинника. Далѣе:

Tigre altéré de sang, Décie impitoyable,
 Ce dieu t'a trop longtems abandonné les siens;
 De ton heureux destin vois la suite éfroyable:
 Le Scythe va venger la Perse et les chrétiens.
 Encor un peu plus outre, et ton heure est venue,
 Rien ne t'en saurait garantir;
 Et la foudre qui va partir,
 Toute prête à crever la nue,
 Ne peut plus être retenue
 Par l'atente du repentir.

Ненасыпимый Тигръ, Монархъ немилосердый!
 Противу Божіихъ рабовъ въ гоненьи швердый;
 Ты скоро щаспливой судьбы узришь конецъ:
 Прешолъ пвой зыблешся опъ Скифовъ и вѣнсецъ.
 Примешъ скоро мзду, кошорой ждущъ пираны,
 Опмститися Христіянъ невинна кровь и раны.
 Дрожи и шрепещи опъ спрашнаго часа:
 Готова молнія оставишь небеса,
 И громъ опъ горнихъ мѣстъ въ себя ударишь
 грозно!
 Раскаешся тогда, но то ужъ будешъ поздно.

Въ семъ переводѣ, при почномъ сохраненіи смысла, больше жару, силы и звучности, нежели въ подлинникѣ. Переводчикъ не увлекался ни рабскимъ подражаніемъ, ни далекимъ отступленіемъ отъ подлинника. Онъ чувствовалъ, что дополнители стихи, таковыя напримѣръ, какъ: *prête à crever la nue*, можно выпускать; но заключающихъ въ себѣ главную силу, таковыхъ, какъ: *la fourdre va partir*, не выпускалъ, и старался на своемъ языкѣ, приисканіемъ приличныхъ словъ, выразиться равносильнымъ образомъ:

Готова молнія оставитъ небеса,
И громъ отъ горнихъ мѣстъ въ тебя ударитъ грозно. (*)

Вотъ что при переводахъ наблюдать должно, и что рѣдко наблюдается.

Я для того привелъ сіи сравненія нашего

(*) Я не говорю о Трагедіяхъ Сумарокова, пошому, что сіе могло бы меня далеко завести; но скажу мимоходомъ, что въ свое время были онѣ украшеніемъ Театра, составляли любимыя всѣми зрѣлища, и многіе изъ нихъ стихи пвердились устами прекраснѣйшаго пола, не стыдившагося знашь ихъ наизустъ. Самохвальство скажетъ, что публика тогдашняя не умѣла цѣнить достоинства сочиненій; но самохвальству не лѣзя вѣрять: оно никого кромѣ себя и сообщниковъ своихъ не хвалитъ. Языкъ и слогъ чистятся здоровою кришикою, а не шѣмъ, чѣмъ спарыхъ на немъ писателей безъ пощады унижать, а но-

писателя съ Францускими писателями, уважаемыми и понынѣ въ своемъ опечесствѣ, дабы симъ малымъ образчикомъ, не говоря уже о прочихъ его въ разныхъ родахъ сочи-

ныхъ безъ всякаго разсмотрѣнія превозносить. Можно смѣло сказать, что Сумарокова Трагедіи отнюдь не заслуживаютъ быть презираемы, и едва ли по сіе время не сохраняютъ преимуществва своего надъ всѣми другими. Новое, конечно, всегда больше нравится, потому что старое, какъ бы ни было хорошо, наскучиваетъ; но здравый разумъ не по новости долженъ оцѣнивать сочиненія, а по достоинству. И не по утверждаю, чтобы въ Трагедіяхъ его не было никакихъ погрѣшностей; ибо и самыя превосходнѣйшія творенія не могутъ быть столь совершенны, чтобы строгій судъ не нашелъ въ нихъ чего либо слабаго или осужденія достойнаго; но справедливость должна взвѣшивая худое съ хорошимъ и не предавать за нѣкошорыя малыя неисправности весь знаменитый трудъ забвенію. Расинъ безсомнѣнія превосходилъ Корнелія чистотою слога и мыслей, но Корнелій не забытъ, и Французской Театръ, не смотря на многіе его недоспашки, не престааетъ имъ славиться. Ихъ Расины и Корнеліи въ богашыхъ изданіяхъ со множествомъ сдѣланныхъ на оныя замѣчаній остануся вѣчно въ ихъ и нашихъ книгохранилищахъ; а нашихъ Сумароковыхъ, и даже Ломоносовыхъ, валяющихся въ пыли, едва уже въ книжныхъ лавкахъ находить можно.

Какимъ образомъ шамъ процвѣтатъ будущъ языкъ и словесность, гдѣ подвергаются они такому неблагодарному и несправедливому суду? Сумароковъ укоряется отъ нѣкоторыхъ нынѣшнихъ писателей усшарѣлостію слога, нечистотою язы-

неніяхъ, показати, что онъ имѣлъ, также какъ и они, познаніе, оспрошу и даръ стихотворства. Послѣ чего можемъ спросить, почему Французскіе писатели, не только въ

ка и проч; но кто изъ судей сихъ, и другихъ вѣрующихъ имъ, чиналъ его? Никто. Онъ, можно сказать, не существуетъ болѣе, по слѣдующимъ обстоятельствомъ: изданіе Трагедій его такъ рѣдко, что уже трудно достать оное, да и то, которое находить еще можно такъ противъ прежнихъ изданій испорчено, что никакого сравненія съ ними не потерпитъ. Причиною сему первое, что онъ самъ при концѣ жизни своей, выпавъ какъ бы въ нѣкое младенчество ума, и гоняясь за богатыми рифмами, стихи свои перепортилъ. Второе, послѣ него новыя переписчики и актеры, во время хопя и не частаго представленія ихъ, каждый не зная, какъ говорится, ни силы ни писанія, поправлялъ ихъ по своему, и такъ изуродывалъ, что едва нѣсколько стиховъ оспались въ нихъ цѣлы. Приведемъ, не посравненію новыхъ изданій съ старыми (ибо сихъ послѣднихъ я нигдѣ найши не могъ), но по одной памяти нѣсколько изъ сихъ стиховъ. Вѣспникъ въ Синавѣ, извѣщая Ильмену о послѣднемъ за очномъ съ нею прощаніи Трувора, говоритъ, что онъ, обращаясь къ озеру Ильмену, сказалъ:

А ты, гдѣ озеро ни будешь глашено,
Что именемъ моею драгою наречено,
Повсюду возвѣщай, и проч.

Въ новомъ изданіи второй изъ сихъ стиховъ перемѣненъ въ слѣдующій:

Которо именемъ драгимъ украшено.

восемь опечесствѣ, но и въ другихъ, сохраняюпъ славу свою, погда, какъ наши, между нами, соопечесствениками своими, не только забыты, но даже презирающся. Многіе

(Здѣсь 1-е *которо* вмѣсто *что*, хуже; и 2-е вмѣсто *украшено*, говоритъ *украшенѣ*, есть не проспительная погрѣшность). Топъ же Вѣспникъ (какъ мнѣ помнится говоритъ, что Труворъ, пронзивъ грудь свою мечемъ, и обращаясь мыслію къ Ильменѣ, произнесъ послѣднія свои слова:

Прости! по смертъ мою тебѣ я вѣренъ былъ...

И испуская духъ симъ словомъ заключилъ.

Въ новомъ изданіи изъ сихъ двухъ стиховъ сдѣланы чешыре слѣдующіе:

Прости, Ильмена, рекъ, по смертъ я вѣренъ
былъ

И испуская духъ тебя не позабылъ;

Прости. . . при словѣ семъ не спало больше
мочи,

Осшавиль шѣло духъ и зашворились очи.

Ильмена, узнавъ о смѣри Трувора, хочешь убишь себя, и размышляя предъ концемъ жизни, говоритъ:

Ошверша вѣчность мнѣ. . . иду. . . куда? . . .
не знаю.

На что мнѣ знать? богамъ я душу поручаю.
Послѣдній изъ сихъ стиховъ перемѣненъ въ слѣдующій:

Спирасуся... дрожу... на что дорогу препинаю?
Такимъ образомъ многія худыя перемѣны, сокращенія, прибавки, сдѣлали лучшія изъ его Трагедій не похожими, на себя, или покрайней мѣрѣ весьма опличными отъ прежнихъ, и шѣ, копорые шолкуюпъ объ нихъ, вѣрояшно шѣхъ спарыхъ и нечишывали.

нынѣшніе оцѣнщики писателей, не зная и не читая никогда сочиненій ихъ, или читая съ предубѣжденіемъ и самолюбіемъ, или же по одной наслышкѣ ошъ другихъ, говоряшъ объ нихъ съ такимъ неуваженіемъ, какъ будто бы они къ стыду нашему нѣкогда существовали. Сей кривой судъ ихъ сообщается иносиранцамъ, и тѣ, по собственнымъ нашимъ свидѣтельствуемъ, увѣряюшъ всѣхъ и насъ самихъ, что мы были дикари, невѣжды, и что съ тѣхъ только поръ начали немного просвѣщаться и обрабатывать языкъ нашъ, когда сшали образованъ его по свойствамъ Французскаго языка. Опселъ въ краснорѣчіи священныхъ нашихъ книгъ, писанныхъ за долго до сего просвѣщенія, таковыхъ, какъ Псалтирь, Молитвенники, Чепиминей, Камень вѣры, и многихъ другихъ, не находимъ уже мы ни силы языка, ни краснорѣчія. Опселъ феофановъ своихъ, не уступающихъ Демосѣенамъ, не знаемъ и не читаемъ. Опселъ раздѣляемъ языкъ свой на Славенской и Руской, изъ коихъ первымъ пренебрегаемъ, а второй называемъ только пошлѣ хорошимъ, кошорой, по причинѣ искаженія своего чужими словами и оборотами, самъ на себя не похожъ. Опселъ славившіеся нѣкогда писатели наши, Ломоносовы, Кантемиры, Сумароковы, Пешровы, Херасковы, и проч., выключены изъ списка, такъ называемыхъ нынѣ, *genievъ*, кошорые, влюбясь въ какую-то

романтическую безсмысленность, не терпящую въ сочиненіяхъ ни здраваго разсудка, ни ясности мыслей, называя ихъ успарѣлыми, вялыми, обыкновенными. Прежніе писатели наши не пренебрегали, шакъ называемымъ нынѣ, Славенскимъ языкомъ; не уничижали ни его, ни предшественниковъ своихъ; не говорили, что на немъ не было никакихъ произведеній, копорыя могли бы намъ служить образцами; напрошивъ, они почерпали изъ него силу и красоту: прочитавъ, напрымѣръ, въ Припѣчахъ Соломоновыхъ вѣщаніе премудрости: *мною Царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду*, они пѣми же словами и выраженіями украшали свои списки:

Цвѣтущъ во славѣ мною Царства,
И пишушъ правый судъ Цари.

Или прочтя въ Исаи: *Раскую мѣги своя на орала и копія своя на серпы, опшуда брали:*

Мечи швои и копья вредны
Я въ плуги и въ серпы скую.

Они, когда чипали: *Егда творяше Небо, съ нимъ бѣхъ, и егда полагаше морю предѣлъ, и крѣпка творяше основанія земли, бѣхъ при немъ цудроя* — шо не пугались словами *Егда, бѣхъ, творяше, и проч.*; не кричали: мы шакъ не говоримъ; но прельщаясь красопою мыслей, спарались выражать ихъ, хопя своимъ, употребительнѣйшимъ, однакожь при-

ближеннымъ къ тому слогомъ и возвышен-
ностію словъ :

Господь творенія начало
Премудростію положилъ ;
При мнѣ впервые возсіало
На тверди множество свѣтиль ;
И въ нѣдрахъ неизмѣрной бездны
Назначилъ словомъ бѣги звѣзды.
Со мною солнце онъ возжегъ,
Въ стихіяхъ прекратилъ раздоры,
Унизилъ доль, возвысилъ горы,
И предписалъ пучинѣ брегъ.

Заимствованіе изъ древнихъ писаній воз-
вышало нашъ языкъ, придавало ему важ-
ность слога и силу выраженій, часто заклю-
чавшуюся въ одномъ словѣ, хорошо избран-
номъ и у мѣста пославленномъ. Когда я чи-
таю слѣдующее въ стихахъ воззваніе къ Богу:

Тобой твои всѣ пвари полны,
И жизнь ихъ всѣхъ въ твоихъ рукахъ;
Пескомъ ты держишь яры волны,
Связуешь воду въ облакахъ,
И море обращаешь въ сушу,
И видишь тайная сердцеъ.

То нахожу, что взятое изъ сказанной въ Іовѣ
рѣчи: *Связуи водѣ на облацѣхъ своихъ*, весь-
ма хорошо заимствовано; ибо когда говориш-
ся о дѣлахъ Божіихъ, тогда чѣмъ больше въ
выраженіи представляется невозможности,
тѣмъ живѣе и сильнѣе изображаетъ оно власть
Бога, которому нѣтъ ничего невозможнаго.

Ч а с т ь XII.

11

Чѣмъ слабѣе въ словѣ *песокъ* кажется намъ преграда, поставляемая прошиву *ярости волнъ*, тѣмъ больше поражается воображеніе наше симъ изреченіемъ, впрочемъ весьма естественнымъ; ибо въ самомъ дѣлѣ видимъ, что песчаные берега полагаютъ морямъ предѣлъ, его же не прейдутъ. Равнымъ образомъ ничего кажется нѣмъ невозможнѣе, какъ *связать воду*, вещь по природѣ своей не удобную къ *связанію*; но между тѣмъ она, подлинно какъ бы связанная въ пучахъ, носится надъ нами, доколѣ, превращенная въ дождь, не польется на землю.

Сіи спихи, изображающіе могущество Божіе:

Тебя дѣла твои достойны!
Однимъ любви своей лучемъ
Изъ тмы извлекъ ты солнцы стройны,
Повѣсилъ землю на ничемъ,

почерпнувши также изъ Іова: *повѣшай землю на нити же*. Не лѣзя не замѣшивъ въ нихъ опличной мысли, заключающейся въ послѣднемъ спихѣ: человекъ вѣшаетъ что нибудь на чемъ нибудь; но тошъ, кто могъ однимъ любви своей *лугемъ* извлечь изъ тмы солнцы *стройны*, тошъ одинъ могъ *повѣсить* землю на *нити*. Онъ повѣсилъ громадъ сей спашъ въ *проспранспвѣ свѣща*, и она спала.

Подобное же можемъ сказать и о слѣдующихъ спихахъ, въ копорыхъ Петръ Великій

молишь Бога о побораніи по немъ при начатіи войны.

Прими оружіе, востани,
 Восстанъ за Росса своего,
 Разсыпъ народъ хотящій брани
 Дхновеньемъ духа твоего.
 Навергни бурю грозну съ тьмами,
 И одожди на нихъ огни,
 И вихремъ въ слѣдъ ихъ пожени,
 И съ выпренихъ ударъ громами,
 И молніями возблистай,
 И землю ополчи и воды,
 И двигни на враговъ природы,
 И дерзость силы ихъ растай.

Всѣ сіи опличныя выраженія: *разсыпъ дхновеньемъ духа твоего, наввергни бурю грозну и одожди на нихъ огни, ударъ громами, возблистай молніями*, изъясняющія, какъ сами собою, такъ и часнымъ повтореніемъ союза и, великое движеніе духа и пылкость молитвы, почерпнуты изъ книгъ Священнаго писанія, неизсякаемаго источника краснорѣчія, равно какъ и глаголъ, окончевающій послѣдній стихъ: *и дерзость силы ихъ — растай*. Ни какое другое слово не можетъ въ семь мѣстѣ столько быть сильно. Скажемъ *разрушь, истреби, низложи, уничтожь*; всѣ сіи глаголы обезсиляютъ стихъ, попому что воображенію нашему не будетъ представляться того въ Божіемъ гнѣвѣ огня, отъ котораго всякая твердость и крѣпость превращается въ образъ слабости, плѣнія, исчезанія. (Горы

•

таютъ, говоришь Священное писаніе). Причиною тому, что всякой изъ вышеупомянутыхъ глаголовъ *разрѣши, истреби*, и проч., совмѣщаетъ въ себѣ понятіе о нѣкоемъ шрудѣ или напряженіи къ произведенію преднамѣреваемого дѣйствія; напротивъ того въ глаголѣ *растай* ничего иного не представляется, кромѣ прикосновенія или единого приближенія зная, опъ коего перемѣна состоянія спраждущей вещи немедленно совершается. Богу довольно прогнѣваться, дабы опъ огня гнѣва его, безъ всякаго другаго дѣйствія, всякая сила и крѣпость мгновенно *тала, исчезала.*

Мнѣніе, что Славенскія книги не могутъ нынѣшнимъ нашимъ сочиненіямъ служить образцами, есль мнѣніе весьма неосновательное, отводящее насъ опъ силы языка и краснорѣчія. Могутъ ли весьма немногія вышедшія изъ употребленія слова и нѣкошорыя малыя въ слогъ перемѣны заимѣвать всѣ прочія красоты мыслей и выраженій? Бросаетъ ли кто кусокъ золота для нѣсколькихъ смѣшенныхъ съ нимъ не столь цѣнныхъ часпицъ? Я не хочу предлагать здѣсь многихъ весьма сильныхъ примѣровъ, тысячами вспрѣчающихся въ больше и меньше древнихъ нашихъ писаніяхъ, но приведу нѣкошорые только окрывки изъ забытыхъ и совсѣмъ испребившихся проповѣдей Архимандриша Димитрія Сѣченаго, которыхъ малыя ошашки

случайно попались мнѣ въ изорванныхъ безъ конца и начала листкахъ. Онъ въ одной изъ нихъ, славословя Матерь Божію, говоритъ: „о „пой ли молчаши, которую всѣ племена про- „славляють? гдѣ токмо вѣра православная „проповѣдуется, тамо и имя Маріино сла- „вилося: прославляетъ помощь ея Греція, ве- „личаетъ силу Ея Аравія, просиращаетъ къ „ней руку свою Египція, хвалятъ Болгары, „возносятъ Сербы, Молдавія благодаритъ, „Иверія ублажаетъ, и всякая вѣрная душа въ „особенности милость ея дознавши благо- „хвалитъ. Россія ли умолчитъ, идѣ же паче, „яко въ православіи, величія и чудеса ея до- „знаются? да не будетъ!“—Въ какую Риторичку не годится сей примѣръ краснорѣчія? а особливо въ Рускую, гдѣ не только смыслъ и сила всякаго выраженія, но даже и благопріятное размѣщеніе словъ составляетъ нѣкоторое украшеніе для заключающагося въ нихъ разума, безъ чего терлеть онъ нѣчто отъ своего достоинства. Перемѣнимъ только расположеніе словъ: *хвалятъ Болгары, возносятъ Сербы, Молдавія благодаритъ, Иверія ублажаетъ*, въ слѣдующее: *хвалятъ Болгары, возносятъ Сербы, благодаритъ Молдавія, ублажаетъ Иверія*, сія единообразность въ размѣщеніи глаголовъ передъ собственными именами, хотя ни мало не перемѣнитъ смысла рѣчи, однакожь опниметъ у ней много пріятности, или, хотя бы и можно было, упо-

требя одинъ глаголь, сказать: *хвалѣтъ Болгары, Сербы, Молдавія, Иверія*; смыслъ былъ бы шопъ же; но куда дѣвалась бы плавность и красота слога, прельщающая разнообразіемъ глаголовъ: *хвалѣтъ, возносятъ, благодаритъ, ублажаетъ*? или какимъ образомъ безъ Славенской, или лучше сказать принадлежащей возвышенному слогу частицы *да*, можно бы было сдѣлать сіе прекрасное окончаніе: *да не будетъ!*—Но приведемъ еще не большой примѣръ изъ его же и также изорваннаго слова, по видимому говореннаго въ какой нибудь торжественный день: „Какъ „намъ за шолікое благодѣяніе на торжество „сіе не спекашися? какъ ко благодаренію и „молишвъ не спѣшишися? сей шо нынѣ ра„доспный день, день преславный, день присно„памятпный, умолчимъ ли? каменіе возопіють! „оспавимъ ли? дровеса не человѣцы будемъ!“ На какомъ разсудкѣ и знаніи основываясь можемъ мы для шого только, что въ прошлыхъ разговорахъ не говоримъ нѣкоторыхъ словъ, всѣ изобрѣшенныя прежде высокому слогу необходимо нужныя слова и выраженія оспавлять, почишашъ ихъ вышедшими изъ употребленія, и никакой силы и красоты языка сего не чувствовашъ? Какими умствованіями докажемъ, что поелику мы не употребляемъ нынѣ словъ *присно, лѣпота, воня*, шо уже не должны употреблять и *приснопамятпный, великолѣпный, благовопный*? но ша-

кимъ образомъ лишимся мы всего богатства и важности своего языка. Не странно ли для нѣкоторыхъ малыхъ измѣненій, таковыхъ, какъ *идѣже вмѣсто едѣ же, словѣцы вмѣсто словѣки*, и проч., раздѣлять языкъ опъ языка; называть одинъ Славенскимъ, а другой Рускимъ; кричать, что на первомъ изъ нихъ ничего не было писано; смѣяться надъ пѣми, кои почерпаемою изъ него силою украшали свои сочиненія, и хопѣшь подъ именемъ Рускаго языка произвестъ новый, которой бы состоялъ изъ одного просторѣчія, располагаемаго по складу Французскаго языка, совершенно свойствами своими съ нашимъ различнаго? Не ужъ ли вподлинну принявъ намъ за правило сіе премудрое наставленіе: *мы хотимъ писать какъ говорили*? да что писать? шушочки, сказочки, пѣсенки? не спорю. Но развѣ нѣтъ у насъ средняго и высокаго слога? Не уже ли распространить сіе правило и на всѣ важныя сочиненія? Тогда мы ничего пущнаго имѣть не будемъ, не различимъ простонародной сказки опъ поэмы, и можемъ быть, простирая далѣе презрѣніе наше къ Славенскому языку, дойдемъ до того, что прочитавъ, на примѣръ, въ Трагедіи стихи:

Ужъ къ браку олшари цвѣтами украшенны,
И брачныя свѣщи въ свѣщильники воззенны.

Станемъ разсуждать : бракъ, свѣщи, вонзенны, въ разговорахъ не говорится ; такъ писали спариннаго вѣка люди, а по нашему просвѣщенному вкусу должно писать : *и свадебныя свѣтки воткнуты въ шандалы*. Я надѣюсь, что мы до сего не дойдемъ; однакожь чипая многія нынѣшнія сочиненія и переводы не могу на искаженіе величаваго и сильнаго языка нашего смотрѣть безъ сожалѣнія.

ПРИСОВОКУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Я хотѣлъ кончить , опасаясь наскучить чипашелю долгимъ сужденіемъ объ одномъ и томъ же предметѣ ; но повспрѣчавшійся со мною случай принуждаетъ меня еще о томъ распространиться. Ко мнѣ приносятъ вновь изданную (сего 1827 года) книгопродавцемъ Заикинымъ книгу подъ названіемъ : сочиненія Озерова. Въ ней напечатаны двѣ слѣдующія спашьи :

I.

„Творенія Озерова составили новую эпоху
 „въ Исторіи Руской Драматической поэзіи.
 „Чипашели и зришели обыкновенные могутъ
 „находить въ его трагедіяхъ одно механи-
 „ческое превосходство (?) стиховъ и слога
 „предъ его предшественниками ; но прилѣж-
 „ный наблюдатель поэзіи : опечеспвленной
 „долженъ видѣть въ нихъ достоинство го-
 „раздо важнѣйшее. До Озерова трагедіи наши

„были не иное что, какъ рабскія, одноцвѣтныя
 „копіи образцовъ иностранныхъ. Озеровъ
 „далъ имъ краски! Онъ оживилъ ихъ истинною
 „поэзіею, которая, не довольствуясь
 „вымысломъ и расположеніемъ происшествій
 „и опдѣлкою слога, находить существо и
 „превосходство свое въ красотахъ высшаго
 „рода. Эдипъ, Фингалъ, Димитрій и Поликсена,
 „единственны въ своемъ родѣ, и донынѣ со-
 „чинитель ихъ не имѣетъ даже соперниковъ;
 „сіи трагедіи оспанутся украшеніемъ Рускаго
 „театра. Умъ человѣческій усовершенствуется,
 „познанія людей распространяются — возникнешь,
 „можешь быть, какъ у всѣхъ просвѣщенныхъ
 „народовъ, собственная національная Русская
 „трагедія; но гений, водившій кистію Озерова,
 „будетъ сіять въ потомствѣ, и поздніе потомцы
 „трагической музы съ восторгомъ и удивленіемъ
 „будутъ взирать на всякій образецъ свой.“

„(Обозрѣніе Руской Литературы за 1815 и 1816
 „годы, написанное по препорученію начальства
 „Публичной Библіотеки Г. Гречемъ, стр. 32 и 33).“

Остановимся на минутку здѣсь для сдѣланія
 „небольшихъ примѣчаній:

1-е, Увѣрять въ составленіи новой эпохи
 „должно не словами, а доказательствами;
 „2-е, считать однихъ обыкновенными, а
 „другихъ (по есть самого себя) необыкновеннымъ
 „наблюдателемъ и знакомъ, слыш-

комъ самолюбиво. Это не говорить о себѣ, но на дѣлѣ показатъ должно. 3-е, Въ стихахъ механическое превосходство есть пусто-звучное, ничего не значущее выраженіе: въ нихъ долженъ господствовать разумъ, а не механизмъ (*); 4-е, что до Озерова прагедіи наши были не иное что, какъ рабскія, одно-цвѣтныя копіи образцовъ иностранныхъ. (Объ этомъ мы поговоримъ послѣ). 5-е, Что

(*) Любитель механизма, слѣдующій стихъ:

Вѣтвями голыми махая древній дубъ,
или стихъ, въ которомъ говорится, что конь:
Топоча хрупкій снѣгъ насъ по полю помчитъ,
предпочтетъ стиху:

Урча и клопоча со щоглой поглащаетъ;
Но разумъ скажетъ: нѣтъ! Въ первомъ изъ
сихъ стиховъ примѣчаются при погрѣшно-
сти: 1-я *вѣтвями* вмѣсто *вѣтвями* есть
худое слоудареніе; 2-я *голыя* вмѣсто *обна-
женныя* есть слово низкое, или по крайней
мѣрѣ не весьма въ семь слогъ приличное;
3-я *вѣтви* древняго дуба, смотря по дѣй-
ствующей на нихъ силѣ, могутъ помавать,
качаться, но *махать* есть слишкомъ пре-
увеличенное и не естественное выраженіе.
Во второмъ стихѣ конь могъ *топотать* но-
гами бѣгучи по твердой землѣ, отъ которой
звуки *топъ, топъ*, отдаются; но *топотать*
снѣгъ, вмѣсто *топтать*, есть совсѣмъ не
по Руски. Напротивъ того въ прѣшемъ
стихѣ хотя слоги *та-та-що-що*, стеченіемъ
своимъ и не ласкаютъ слуха, но они живо
изображаютъ природу; ибо звуки сіи въ разъ-
яренной водѣ при погруженіи въ нее какой
либо громады ячно слышатся.

Эдипъ, Фингалъ, и проч., единственны въ своемъ родѣ, это также пребуесть не словъ, а доказательствъ; 6-е, что и донынѣ сочинители ихъ не имѣесть даже соперниковъ: это опнюдь не чудно; ибо сіе и донынѣ содержитъ въ себѣ не поль-вѣка или вѣкъ, но не болѣе пяти или шести лѣтъ. Чему жъ тупъ дивисься? Наконецъ 7-е, похвалы и хулы надлежитъ писать по собственному своему убѣжденію, а не по препорученію Начальства. Какъ тѣ, такъ и другія должно дѣлать не по расчету обстоятельствъ, не въ угодность своимъ пріятелямъ и знакомымъ, но по сущей правдѣ, основанной на любви къ пользамъ словесности, безъ униженія спарыхъ, и безъ возвышенія новыхъ писателей подобными сему гиперболами: „сіи трагедіи остануся украшеніемъ „Рускаго театра. — Геній, водившій кистію „Озерова, будетъ сіять въ потомствѣ, и „поздніе питомцы прагической музы съ во- „споргомъ и удивленіемъ будутъ взирать „на великій образецъ свой.“ Скажутъ это легко, но докажутъ трудно.

II.

Изъ сей длинной выписки приведемъ только нѣкопорыя мѣста. Довольно изъ однихъ опрывокъ ея увидѣть можно, какой произносятся въ нихъ надъ нашими Писателями судъ, и потомъ посмотришь, какую къ

суду сему должно имѣть довѣренность. Сочинитель ея возвѣщаетъ намъ, что мы до Озерова не видали трагедій; что заслуги сего преобразителя трагедіи можно сравнить съ заслугами Карамзина образователя прозаическаго языка. (Мы послѣ потолкуемъ объ Озеровѣ. Чтожъ касается до Карамзина, то онъ въ Исторіи своей не образовалъ языкъ, но возвратился къ нему, и умно сдѣлалъ). Далѣе Сочинитель сей выписки говоритъ въ ней о Сумароковѣ, что онъ принимался за многіе роды Стихотвореній, но ни въ одномъ не успѣлъ. „Ослѣпленные современники (продолжаетъ онъ) вѣнчали сего неупомимаго „писателя похвалами; добродушное попомсп- „во довольствуется быть опголоскомъ ста- „рины, не налагая на себя нияжелаго труда „быть дѣйствующимъ судіею славы Сумаро- „кова, и такимъ образомъ пворецъ Рускаго „Театра, хотя и не лишенный сего имени, „уже почти не имѣетъ мѣста на ономъ. Мо- „жетъ быть и совсѣмъ поглотила бы его без- „дна забвенія, если бы не приходило на мысль „благочестивымъ и суевѣрнымъ поклонникамъ „старины, предпочитающимъ всегда славу „усопшихъ славѣ живыхъ, ставишь намъ безъ „зазрѣнія совѣсти въ образецъ басенъ на Ру- „скомъ языкѣ басни Сумарокова (*), и въ обра-

(*) Виновать! это дѣлалъ я, и хотя не выдавалъ ихъ за образецъ Рускихъ басенъ, одна-

„зецъ Трагическаго слога напыщенные и холодные порывы припворнаго испуленія „Димитрія Самозванца.“—Далѣ говоритъ онъ: „пороки въ соспавленіи прагедій Сумарокова „и Княжнина не могутъ быть оправданы „временемъ. — Рѣшительно можно сказать, „что у насъ не было прагедій, и величество „Мелпомены не царспвовало на Трагической „сценѣ. Акшеры съ пышными именами выходили передъ зришелей, говорили спихи, иногда хорошіе, чаще дурные; зрители рукоплескали, чаще зѣвали.—Тайна Трагедіи не была „еще постигнута. Явился Озеровъ и Мелпомена приняла владычество свое надъ душами. Мы слышали голосъ ея, повелѣвающій „сердцу, играющій чувствами, сей голосъ „споль краснорѣчивый въ Расинѣ и Волперѣ.“ —Далѣ сочинитель сей выписки, продолжая все старое порочить, и все новое превозно-

кожъ, признаюсь, имѣлъ дерзость безъ всякаго *зазрѣнія совѣсти* сличать ихъ съ баснями Лафоншена, и потому легко бы могъ подозрѣвать, что это обо мнѣ говоритъ, что во мнѣ предполагаются соединенными два не могущія никогда соединиться качества *благотестія и сцевбрія*; но съ другой стороны удерживаюсь отъ сей мысли тѣмъ, что для меня было бы слишкомъ самолюбово думать, будто могу я слабымъ голосомъ моимъ оспанавливать *поглащающую трудъ Сумарокова бездну забвенія*.

сипть, говоришь, что прежніе писатели не оставили намъ (кому намъ? Я первый прошу исключить меня изъ сего числа) никакихъ твореній; что новые напропивъ, сдѣлали въ преобразованіи языка и Словесности Геркулесовскій подвигъ (!!!); что тѣ, которые иначе о семъ думаютъ, суть люди постоянно коснѣющіе при мнѣніяхъ прошедшаго вѣка, и что сіе новое просвѣщеніе, обогатившее казну человѣческихъ понятій (!), пройдя мимо ихъ, до нихъ не коснулось, и проч. и проч.

Вопъ судъ нынѣшнихъ Писателей, распроспраняющихъ свое новое просвѣщеніе, и ушверждающихъ съ свойственною имъ кропостию и смиреніемъ; что до нихъ не было у насъ ни ума, ни языка. Они присвоятъ себѣ право судить и рядить обо всемъ, жаловать кого и какъ хотяшь въ первые или послѣдніе Писатели, требуя, чтобы безъ всякихъ существенныхъ доказательствъ одному великому слову ихъ несомнѣнно вѣрили; а ежели кто не такъ видитъ вещи, какъ они, и осмѣлился находить достоинства въ томъ, кого они хулятъ, или погрѣшности въ томъ, кого они хвалятъ, шопъ по ихъ мнѣнію закоснѣлый невѣжа, и дѣлаешь это по зависти и злобѣ. Однакожь не смотря на гнѣвъ ихъ, и оппюдь не по желанію вредить чьей либо славы, но единственно для пользы Словесности, намѣренъ я разсмотрѣть спра-

ведливыли увѣренія ихъ о ничтожности прежнихъ нашихъ Писателей, и о Геркулевскомъ подвигѣ новыхъ, преобразившихъ языкъ нашъ и обогатившихъ казну человѣческихъ понятій. Писатели умирають, но сочиненія ихъ живутъ и служатъ пищею учащимся; а потому и должно разсуждать объ нихъ со всякимъ безприспраспиемъ, не опнимая у однихъ всякое ихъ достоинство, а у другихъ даже и самыя погрѣшности ихъ превращая въ превосходство; ибо имъ, когда уже ихъ нѣтъ на свѣтѣ, ни хулы ни похвалы наши не нужны; они не пребываютъ ниже для земной, не только для Небесной славы, гдѣ безсомнѣнія прославятся или обезславятся они по дѣламъ и намѣреніямъ своимъ, а не по тому, кпо изъ нихъ лучше или хуже написалъ списки. Слѣдовательно всякіе несправедливые объ нихъ крики не имъ вредятъ, а шѣмъ, копорые вводятъ ими юные и неопытные умы въ заблужденіе, внушая имъ ложныя понятія, и отвлекая ихъ отъ истинныхъ въ языкѣ и Словесности познаній. О семъ единственно размышляя, а опнюдь не о томъ, чпобъ одного Писателя уничижишь передъ другимъ (ибо каждый изъ нихъ можетъ имѣть свое достоинство и свои погрѣшности) почишаю я за нужное побесѣдовать нѣсколько съ благосклоннымъ и благоразумнымъ чипашелемъ, не предубѣж-

деннымъ ни въ пользу спарыхъ, ни въ пользу новыхъ Писателей.

Сличимъ трагедію Синавъ и Труворъ съ трагедіею Фингаль; объ онъ въ окончаніи своемъ имѣютъ нѣкоторое сходство, и потому лучше подходятъ подъ сравненіе. Синавъ (дѣйствующее лице) находится въ такомъ же положеніи, въ какомъ Спарнъ и Фингаль. Съ первымъ можно его сравнить потому, что оба они, хотя и разными средствами, спановятся причиною смерти, одинъ дочери своей, другой брата и жены; со вторымъ по тому, что каждый изъ нихъ пораженъ лишеніемъ той, которую любилъ. Взглянемъ сперва на Синава и Спарна: положенія ихъ одинаковы, но дѣйствія, какими они привели себя въ оное, весьма между собою различны. Синавъ, Князь, въ блескъ владычества и славы своей, влюбляется въ дочь Госпомыслову, получаетъ отъ отца ея согласіе на бракосочетаніе съ нею, и когда все уже готово было къ браку, Ильмена, перзаемая скрышою къ Трувору спрасію, проситъ объ отсроченіи сего шоржества. Синавъ исполняетъ ея желаніе; но примѣчая въ ней смущеніе и грусть, приходитъ въ подозрѣніе, что она, отдавъ сердце свое кому нибудь другому, не можетъ его любить. Мучимый симъ подозрѣніемъ опкрывается онъ брату своему Трувору и спрашиваетъ его, не знаетъ ли онъ, кто лишаетъ его

спокойствіа и чью грудь долженъ онъ прон-
зистъ мечемъ своимъ. Труворъ, побуждаемый
благороднымъ чувствомъ, почиая за непо-
зволненное осмѣлять его въ семь невѣдѣній,
опѣвѣствуетъ ему съ приличною смѣлостію:

Лишенный вольности, надежды и покою,
Пролей, о Государь! кровь винну предъ тобою;
Свирѣпствуй, варварствуй и усшремляйся
въ мещь,
Коль можешь острый мечъ на друга ты
вознести;
Вонзай оружіе, сражай его безсловна:
Вопъ грудь, кошорая передъ шобой виновна!

Какое искусно приведенное въ прагедіи
мѣсто, поражающее столько же зрителя,
сколько и самого Синава, слушающаго съ воз-
расшающимъ поспешенно удивленіемъ до по-
слѣдняго стиха, кошорымъ повергаешся онъ
въ ужасъ и печаль! По отккрытіи сего же-
стокаго шаинства, Синавъ, воспалившійся
еще болѣе непреодолимою спрасстію, уда-
ляетъ отъ себя брата своего, сочешаваешся
съ Ильменою, въ надеждѣ, что со временемъ
взаимная любовь ихъ проспынешъ, и тогда
они не помѣшають ему бытъ щасливымъ;
но судьба обманываетъ его надежду: Тру-
воръ, не перенеся разлуки, убиваетъ себя;
Ильмена ему послѣдуетъ. Вопросимъ теперь,
кто, испытавъ сердце свое, назоветъ сей
посшупокъ Синавовъ непросшительнымъ?
И кто, видя его, по узнаніи всѣхъ своихъ

Часть XII.

12

умысла своего надъ человекомъ, приплывшимъ къ нему безъ всякаго подозрѣнія изъ за-моря для вступленія съ нимъ въ семейственный союзъ, и гдѣ же не могъ исполнить сего? Въ собственномъ своемъ царствѣ! Буде же не могъ, то за чѣмъ предпринималъ? Не спранны ли, даже не смѣшно ли слышать, что вельможа сего Локлинскаго царя на во-просъ его :

Благопріятну ли несешь мнѣ, Колла, вѣсть?
Готовы ль войны мою исполнить месть?

Отвѣтсвуетъ ему :

[illegible]

Какъ! въ цѣломъ царствѣ послушны ему только осьмнадцать воиновъ? На чтожь при такихъ малыхъ силахъ прибѣгаешь онъ къ подлымъ обманамъ, зная, что когда надобно будетъ прислушавшись къ дѣйствию, то обманъ сей откроется, и чтожь въ немъ будетъ пользы безъ приговора къ тому достопочныхъ силъ? Да и самые обманы его безъ всякой хитрости такъ явны, что дѣлають Фингала, вдающагося въ оныя, весьма недогадливымъ. Вотъ въ чемъ они состоятъ: Спарнъ, условясь со жрецомъ своимъ, приводитъ Фингала и Моину, дочь свою, въ капище своихъ боговъ. Жрецъ отрицается сочетавать ихъ, объявляя тому причину,

что гнѣвная пѣнь Оskarова (убіеннаго сына Спарнова) воспрещаетъ ему совершить сіе бракосочетаніе. Фингаль воспламеняется гнѣвомъ на жреца, Спарнъ за него вспугивается и говоритъ Фингалу:

Ты вѣрь ему, иль нѣтъ, но мы привыкли
вѣришь,

И дочери моей не отдаю тебѣ.

Длинная распря сія оканчивается пѣмъ, что жрецъ предлагаетъ Фингалу идти въ Одиновъ храмъ, на гробъ Оskarовъ, дабы умилоспивить жертвоприношеніемъ и воинскими играми пѣнь его, и что попомъ соединитъ онъ его съ Моиною. Фингаль сперва не соглашается, не слушая ни Спарна, ни жреца; но Моина просьбою своею на то его склоняетъ. Кажется Фингаль могъ бы изъ сего примѣнить, что Спарнъ (твердившій ему прежде о великой своей по сынѣ тоскѣ) не весьма къ нему благорасположенъ, и что въ поспупкахъ его кроется нѣкое нечиспосердечіе. Но нѣтъ! онъ даже до того не примѣчаетъ распавляемыхъ ему съшей, что Спарнъ, увидя идущихъ за ними воиновъ Фингаловыхъ, проситъ отослать ихъ прочь, и онъ отсылаетъ. Мало и сего: въ минушу, когда, по пришедшви въ Одиновъ храмъ, Спарнъ хотелъ дать условный къ нападенію на Фингала знакъ, говорятъ ему, что храбрые воины его не посмѣютъ сего сдѣлать,

доколѣ будущъ видѣшь у Фингала мечъ при
 бедрѣ. (Воины достойные предводишеля сво-
 его!) Чпожъ въ шакомъ случаѣ дѣлашь?
 Спарнъ берешся и шущъ обманушь Фингала.
 Онъ говоритъ ему:

Отборны воины готовы здѣсь для боя;
 Но чпобы большее въ нихъ мужество возжечь,
 Наградой лестною имъ предложи свой мечъ.

Фингаль ошвѣспивуесть:

Я побѣдишелямъ не только мечъ одинъ,
 Но и мой звучный рогъ наградой предлагаю.

Такимъ образомъ Фингаль, не примѣчая
 ничего, заведенъ былъ обманами Спарна въ
 опдаленный Одиновъ храмъ, оплучивъ опъ
 себя своихъ воиновъ, и напослѣдокъ, опдавъ
 и мечъ свой и звучный рогъ, опсался одинъ
 безъ всякой помощи и обороны. Спарнъ въ
 сіе время съ воинами своими нападаетъ на
 него; но никпо изъ нихъ не догадался, чпо
 при гробѣ Оskarовомъ висѣлъ мечъ сего убі-
 еннаго Царевича. Фингаль, увидя шолько
 шущъ опасность свою, схватилъ сей мечъ;
 и какъ Спарновы воины, успремляясь на
 него, ни вопіяли: *цери, Фингалъ!* и сколько
 Спарнъ ни ободрялъ ихъ, приказывая *рази-
 те!* Однакожъ Фингаль, закрича на нихъ:
кто смѣетъ приступитъ? Опстановилъ ихъ,
 и они опъ него опспунили. Тущъ Спарнъ
 изъ любви къ мершвому сыну, не могши
 опомстипъ Фингалу, вмѣсто его предиріем-

лешъ по крайней мѣрѣ убишь дочь свою и себя. Вотъ сплешеніе приключеній, могущихъ нравиться тому, кто охотникъ до чудесности сказокъ.

Обратимся теперь къ сравненію Фингала съ Синавомъ. Они, какъ мы уже сказали, сходствуютъ пѣмъ, что оба лишились любовнѣйшихъ своихъ супруговъ. Горестъ ихъ одинакова, слѣдовательно и чувства должны быть таковы же. Покажемъ сперва, какъ выражаетъ ихъ Синавъ и потомъ обратимся къ Фингалу. Синавъ, по выходѣ изъ храма, гдѣ сочелся онъ съ Ильменою, получаетъ извѣстіе, что Труворъ лишилъ себя жизни. Глубоко опечаленный сею неожиданною имъ вѣстію, не зная еще о приключеніи съ Ильменою, увидѣлся онъ съ Гостомысломъ, и между ими начинается слѣдующій разговоръ:

С и н а в ъ.

Извѣстенъ ли, мой другъ, о братѣ шь моемъ?

Г о с т о м ы с л ъ.

Извѣстенъ, Государь, извѣстенъ я о всемъ.

С и н а в ъ.

Я страсть любовную, но вредну мнѣ и люшу,
Конечно получилъ въ несчастнѣйшу минушу:
Я брата восхотѣлъ на время опдалить,
Чтобъ опдаленъ онъ могъ Ильмену позабыть,
И къ удержанію дражайшаго мнѣ братспіва,
Чтобъ радостнымъ моимъ не сдѣлалъ онъ пре-
пятства:

Но рокъ сей вымысль мой совсѣмъ перемѣнилъ,
 И съ Труворомъ меня на вѣки разлучилъ.
 Прогнѣвалъ васъ Синавъ, прогнѣвалъ васъ о Боги!
 И пресупленія мои предъ вами многи.
 Когдабъ меня любовь не такъ смертельно жгла,
 Я бъ избѣжати могъ содѣланнаго зла,
 Да страсть моя меня шoliko покорила,
 Что весь разсудокъ мой въ безумство прешворила;
 А шo безумство мнѣ пріятно и шеперь;
 Люблю какъ душу я твою прекрасну дщерь,
 И въ сей поскѣ она въ умѣ моемъ лешаетъ,
 Ни что отъ разума ее не отвращаетъ;
 Но не тираномъ ли кажусь ея очамъ,
 Ставъ шяжкимъ бременемъ любовничьимъ серд-
 цамъ?
 О какъ несчастливъ я!

Гостомысль.

Хоть горько ты спонаешь,
 Но всѣхъ еще своихъ несчастій ты не знаешь.

Синавъ.

Скажи; что ешь еще? что сдѣлалось со мной?

Гостомысль.

Ильмена навсегда распалася съ шобой.

Синавъ.

Распалась навсегда?

Гостомысль.

Возри на шокъ сей кровной,
 И сотвори конецъ ты мысли днешь любовной:
 Се кровь Ильменина.

Синавъ.

Скончалась дочь швоя!

(Замѣтимъ сіи краткія изрѣченія Сина-
вовы, а особливо послѣднее. Кажется послѣ
ясныхъ словъ Господомысловыхъ не для чего
было бы съ удивленіемъ, какъ бы побуждал
его къ подтвержденію словъ своихъ, сказалъ:
скончалась дочь пвоя! Но выраженіе сіе пре-
красно, потому что естественнo и живо
изображаетъ чувствованіе пораженнаго глу-
бокою горестію сердца, которое, при всей
несомнѣтельности возмѣщаемаго ему бѣд-
ствія, сомнѣвается еще, не хочетъ вѣришь,
и какъ бы льстился новыми о томъ вопро-
сами опираишь, или хотя на одинъ мигъ
опдалишь отъ себя горькую минушу совер-
шенной увѣренности).

Г о с т о м ы с л ь.

Тупъ вышелъ предо мной изъ тѣла духъ ея,
На мѣстѣ семъ она кинжаломъ грудь пронзила.

(Здѣсь не осталось уже ни малѣйшаго
повода къ сомнѣнію. Синавъ предается лю-
тѣйшей горести, и укоряя, какъ и должно,
самого себя говоришь):

Ужé ты все шеперь судьбина совершила!
Ты всѣ свирѣпости явилъ, о рокъ, на мнѣ:
Представилъ ты меня пираномъ сей спранѣ,
Иль злѣйшей фуріей, изверженной изъ ада:
Я брата недругъ спалъ, изгналъ его изъ града,
Смутилъ его весь умъ, низвергъ его во гробъ,
И къ умноженію шворимыхъ мною злобъ,
Какихъ и дикіе въ лѣсахъ не знаюшь звѣри,

Лишилъ при спарости отца любезной дочери,
 Героя, коимъ градъ сей цѣлосць удержалъ,
 И кто Синава здѣсь короною вѣнчалъ.
 Безъ пользы мучилъ духъ красавицы дражайшей,
 Горчайшу сдѣлалъ жизнь изъ жизни ей сладчай-
 шей,

И отъ пріятнѣйшихъ Ильмениныхъ очей
 На вѣки удалилъ свѣтъ солнечныхъ лучей: . .
 Покоясь, учинивъ конецъ своей судьбинѣ,
 О какъ прещасливы любовники вы нынѣ!
 Васъ весь жалѣешъ градъ, оплакивая васъ,
 А я спалъ мерзосцью народною въ сей часъ!
 Злодѣйски жалобы съ раскаяньемъ бесплоднымъ
 Уже безъ жалости шекутъ къ сердцамъ народ-
 нымъ;

О жесточайша часть! о солнце! небеса!
 Какова дождался, о Боги, я часа!

(Послѣ сихъ жестокихъ себѣ укоризнъ
 Синавовыхъ самъ Госпомысль, забывая пе-
 чаль по своей дочери, пронутый горестны-
 ми изліяніями души Синавовой—и какое чув-
 ствительное сердце не было бы ими прону-
 то—въ утѣшеніе ему говоритъ):

Тираномъ, Государь, назвать тебя не можно;
 А что нещасливъ ты, нещасливъ ты не
 ложно.

Но пользуется ли ужъ спенаніе тебѣ?
 Ищи ты крѣпости и мужества въ себѣ.
 То время пропекло, въ кошоро можно было
 Нещастье удалить, что духъ твой пиягошило.

(Синавъ, впадая, свойственно великой пе-
 чали, опчасу больше въ уныніе, не слышишь
 словъ Госпомысловыхъ, и мечтая предъ со-
 бою Ильмену, говоритъ ей):

ПРИМѢЧАНІЯ НА ПРИМѢЧАНІЯ.

Въ Рускомъ Вѣстникѣ (Часть I, стр. 94)
читаемъ мы: *Замѣчанія на Лирическую Поэму
Пожарской, Мининъ, Гермогенъ, сочиненную
Княземъ Сергіемъ Шихматовымъ.*

Сіи замѣчанія имѣютъ то, не частое нынѣ достоинство, что писаны съ добрымъ намѣреніемъ, безъ всякаго приспращія или желанія повредить сочинителю и сочиненію. Но сего недостаточно; надлежитъ, чтобы въ нихъ о красотахъ и погрѣшностяхъ сказано было основательно, ясно и соотвѣтственно правиламъ языка, краснорѣчія и стихотворства. Безъ того не могутъ онѣ быть полезны ни для сочинителя, ни для читателей. Отъ судіи не только требуется неумышленность, но и здравое сужденіе. Въ семъ послѣднемъ случаѣ примѣчанія сіи кажутся не столь удовлетворительны, какъ бы того желалось. Для лучшаго въ томъ удостовѣренія приступимъ къ разбору оныхъ. Разсма-триватель выписываетъ изъ вышесказанной Поэмы слѣдующіе стихи:

„ Гдѣ вои дерзновенны,
„ Тебѣ послушны, Трубецкой?
„ Враждой завистной вдохновенны
„ Хранящъ посмѣдливѣйшій покой.
„ Стоящъ со спящими мечами,

„Хуленій изрыгають ядъ;
 „Паденіе Россіи чадъ,
 „Увы! *сұхили* зрять очами.“

Въ сихъ спихахъ слова: *спящими, сұхили*, напечатаны косыми буквами, вѣроятно по тому, что разсмапривашель не находить ихъ прилично помѣщенными; ибо хопя онъ не сказалъ о семъ, однакожь изъ послѣдующихъ его примѣчаній видно, что онъ всѣ напечатанныя косыми буквами выраженія оговариваетъ: слѣдовательно и здѣсь въ томъ же самомъ разумѣ опличилъ ихъ. Но сіе мнѣніе его не справедливо. Почему въ спихѣ: *стоятъ со спящими метами*, выраженіе: *спящіе мети*, кажется ему худо? Иносказаніе тогда не хорошо, когда заключающееся въ немъ уподобленіе или лживо, или такъ опдаленно опъ догадки, что умъ не скоро можешъ поспигнуть оное. Но здѣсь ни котораго изъ сихъ двухъ обстоятельствъ не встрѣчаешся. *Метъ* не можешъ еспешивеннымъ образомъ *спать*. Ишакъ ясно, что здѣсь выраженіе *спяцій*, имѣетъ иносказательный смыслъ. Въ иносказательномъ же смыслѣ прилагательное *спяцій*, что иное значить можешъ, какъ не *праздный, бездѣйственный, въ покоѣ пребывающій*? Слѣдовательно, сіе иносказаніе для всякаго ясно, даже и для того, кто не знаетъ что такое иносказаніе; а попому оно и не худо. Но сего еще мало: оно здѣсь прекрасно. Спросяшь по-

чему? Ошвѣчаю вошъ по чему: ошбросимъ иносказаніе и поспавимъ здѣсь прямой смыслъ: *стоятъ съ праздными метами*. Мы пошчасъ почувствуемъ слабоспъ сего выраженія предъ силою прежняго: *стоятъ со сплицими метами*! Какія слова пошребны здѣсь? Укорительныя, возбуждающія спыдъ въ войнахъ, кошорые въ шо самое время, когда надобно спасать ошечесшво, спояшъ праздно. Кошорая же укоризна колче? Сія ли: *вы ничего не дѣлаете, мети ваши лежатъ безъ употребленія*; или сія: *вы спите, мети ваши спятъ*? У Хераскова въ Россіадѣ сказано: *ты спишь, о слабый царь!* Еслибъ вмѣсто: *ты спишь, поспавишь: ты пребываешь въ праздности*, такъ бы это было испоршишь спихъ и вмѣсто силы упошребить вялоспъ.

Также и въ сихъ спихахъ: *паденіе Рос-
сiи гадъ, цвы! сѹхими зрятъ огами*, разсма-
шривашель напрасно охуждаеть прилагашель-
ное *сѹхими*. Оно соспавляетъ прекрасное
иносказаніе. Подъ словами: *сѹхія оги*, пош-
часъ воображающіяся *оги безъ слезъ*. Иносказа-
ніе сіе шакъ ясно, что оно сполько же и
другимъ языкамъ свойспвенно, какъ нашему.
Горацій въ 3 Одѣ первой книги, сказалъ:

Quem mortis timuit gradum,
Qui siccis oculis monstra natantia,
Qui vidit mare turgidum et
Infames scopulos Acroceraunia?

ш. е.

„Коего рода смерти убоишься поплъ, кто
 „сцхили очали видишь плавающія чудовища,
 „надменное море, и срамныя (частыми кора-
 „блекрушеніями) скалы Акроцеравнскія?“ —
 „Равнымъ образомъ и въ сихъ списахъ:

„Сей мужъ отпоргшійся себя
 „Святѣйшихъ олшарей служитель,
 „Грядущій въ шрудный путь Христа.

Слово *святѣйшій* напрасно опличено ко-
 сыми буквами. Оно для вящаго уваженія
 лица часпо вмѣсто положительнаго шпени
 употребляется въ превосходномъ, какъ на
 примѣръ: *Святѣйшій Патріархъ, Святѣйшій*
Синодъ, и проч.

Разсмашривашель говоритъ: „въ началѣ
 „Поэмы сочинилель призываешъ любовь къ
 „опечесству и начинаешъ стихомъ: *ограда*
 „*царствъ не преборила*, ешъ вольношъ
 „стихотворческая; но она не извинилельна
 „въ началѣ стихотворенія. Сей стихъ не
 „можетъ оправдаться и *Херасковымъ* сти-
 „хомъ (*): *пою отъ варваровъ Россію свобожд-*
денну.“

Подобныя замѣчанія могутъ назваться
 мѣлочными. Хошя слова: *непреборимый, осво-*

(*) Свойства языка вездѣ замѣчать должно:
 лучше сказать *Хераскова* стихомъ, нежели
Херасковымъ стихомъ.

божденный, нѣсколько поглаже словъ: *непреборимый, свободенный*; однакожь до такого степени спѣснятъ свободу стиховъ естъ излишнее шребованіе, и поспавлятъ сего въ порокъ ни Хераскову, ни Шихмапову не можно. Мы даже и въ прозѣ во многихъ мѣстахъ Священныхъ Писаній находимъ слово сіе такимъ же образомъ произносящееся: „познавъ же Тимоеей пришествіе Іудино, посла жены и дѣти и прочая угошванія въ швердыню нарицаему Карнію: бѣ бо *непреборима*, и ко всходу не удобна ради тѣснопы всѣхъ мѣспъ.“ (Маккав. Кн. 2, гл. 12, ст. 21). Въ Прологѣ (Марта 13) въ Словѣ Іоанна Злапоусшаго, о шомъ, сколь полезно естъ мирное и согласное сожитіе, сказано: „ибо когда единомысліе, миръ и союзъ любви между мужемъ и женою естъ, тамъ спекается всякое добро, и никакая напасъ ихъ объятъ не можешь: поелику великою нѣкоею и *непреборимою* спѣною сущъ ограждены, шо естъ опъ Бога узаконеннымъ согласіемъ.“, Сочинишель Поэмы могъ бы удобно поспавитъ не *оборима*, еслибъ онъ смотрѣлъ больше на гладкосъ, нежели на силу выраженія стиха.

„Вопще *тиранѣ*, какъ *шудины рѣки*,
„Войной спремись на нихъ свой бѣгъ.“

Въ сихъ двухъ стихахъ разсмашриватель означа косыми буквами слова: *тиранѣ*,

ищны рѣки, ничего не сказалъ почему находить ихъ худыми. Можетъ быть онъ и правъ, но чипашелю не лѣзя угадашь его мыслей.

„Но властолюбья сладкій ядъ
„Лешить — дхновенье преисподней.

„Лешить не свойственно яду; ядъ, отравы властолюбія разливаются.“

Мы увидимъ, что разсмаприватель вообще не правъ, а здѣсь еще и больше; потому, что ядъ названъ здѣсь дхновеньемъ преисподней; а дхновение скорѣе лешить, нежели *разливаться* можетъ. Онъ продолжаетъ:

„И потомъ: — Сей сладкій ядъ летитъ
„Изъ града въ градъ, изъ веси въ весь,
„Поя умы своей отравой,
„Надъ томной Рускою державой,
„Плодитъ на ней раздоръ и смѣсь.

„Въ сихъ сшихъ должны быть или „шипографическія ошибки, или крайняя недосмотрительность сочинителя. Поэтъ можетъ оживотворить раздоръ, представивъ бѣснующееся властолюбіе, можетъ силою ихъ поколебать основанія царства и проч. „Но какъ летящій ядъ, поя умы надъ томной „Рускою державой, плодитъ на ней раздоръ и „смѣсь? Это все невразумительно.“

Здѣсь разсмаприватель во многомъ не правъ. Во первыхъ, надлежитъ всегда иносказаніе оплечать опъ прямого смысла.

Чего не можно приписать вещи употребленной въ прямомъ смыслѣ, то можно приписать вещи употребленной въ иносказательномъ смыслѣ. Безъ сей свободы воображенія не будетъ ума, не будетъ спихошворства. Ежели мы подъ словомъ *ядѣ* разумѣть будемъ одинъ только *мышьякъ*, то конечно мышьякъ лепать не можешь; но когда мы говоримъ *ядѣ* *властолюбія*, то ясно, что слово *ядѣ* приемлемъ въ иносказательномъ смыслѣ, разумѣя подъ онымъ нравственное зло. Разсмаприватель говоритъ, что зло сіе можешь разливатьсѣ. Глаголь *разливатьсѣ* имѣетъ прямой смыслъ, когда говоритсѣ о *водѣ* или иной какой *жидкости*; но говоря о *злѣ* или *ядѣ*, онъ также какъ и *летѣтъ*, есть иносказаніе: слѣдовательно какъ *попѣ*, такъ и другой, равно въ семъ случаѣ употребленъ бытъ можешь; ибо *летѣтъ* есть не иное что, какъ въ великую скоростію проспираешьсѣ, разливаешьсѣ, распространяешьсѣ: *летитѣ* *изѣ* *града* *въ* *градѣ*, *изѣ* *веси* *въ* *весь*, есть поже, что *сѣ* великою скоростію распространяетсѣ *по* *всѣмѣ* *градамѣ* и *селамѣ*. Иносказанія сіи весьма общи: *мысли текѣтъ*, *цѣль летаетѣ*, *рабство ползаетѣ*, и проч.

Во впору ихъ, разсмаприватель превраща спихи сочинителя, имѣющіе смыслъ, въ свою прозу, не имѣющую смысла, говоритъ: „это не вразумительно.“ Вотъ его проза: *летающій ядѣ*, *поля цѣлы надѣ* *тоиною Рцскою державой*,

плодитъ на ней раздоръ и смѣсь. А прозѣ сей надлежало бы по смыслу стиховъ быть слѣдующей: *летающій ядъ надъ томною Рускою державой, поя цѣлы, плодитъ на ней раздоръ и смѣсь.* Надобно хорошенько прочиташь, прежде нежели спанешь осуждашь. Разсмаприватель нашель въ сихъ стихахъ невразумительность, копорой не бывало; нашель погрѣшность, копорая не есть погрѣшность; а того, что бы замѣшилъ надлежало, не замѣпиль. Мнѣ кажется вошъ какое бы слѣдовало сдѣлать замѣчаніе. Послѣ словъ: *летитъ изъ града въ градъ, изъ веси въ весь*, стихъ: *надъ томною Рускою державой*, есть нѣкое не нужное, или излишно сказанное обстоятельство; ибо извѣстно уже, что говоришся о Руской державѣ. Сверхъ сего сей стихъ хотя не разрушаешь, однако же смѣшиваешь и запмѣваешь смыслъ, для яснаго понятія котораго, надлежало бы ему споять выше стиха: *поя цѣлы своей отравой.* Также разсмаприватель не замѣпиль, что сочинитель употребилъ необыкновенное слово *смѣсь*, котораго знаменованіе онъ распространилъ; ибо берешь его въ смыслъ *неустройства, смятѣицы* (confusion, Фр.). Я не оуждаю и не одобряю сего слова, но скажу только въ извиненіе сочинителя, что онъ конечно руководствовался въ томъ найденными имъ и можетъ быть достойными подражанія примѣрами. Въ самомъ дѣлѣ, выключая слова не-

устройство, мы не имѣемъ другого оному слову, кромѣ проспонароднаго *сумятица*; ибо *смытеніе* далеко отходитъ уже отъ сего понятія: и такъ, для изображенія безпорядка *хаоса*, слово *смысь*, кажется есть самое приличнѣйшее.

Разсмапривашель продолжаетъ: „за предшешвовавшіе стихи Поэтъ награждаетъ (*) пишашеля слѣдующими:

„Ея (т. е. Россіи) пустѣють грады сильны,
„Повсюду стонеть звукъ цѣпей;
„И нивы жизнию обильны,
„Одѣлись въ смершный видъ полей.“

Разсмапривашель похваляетъ сіи стихи просто, не объясняя красоты ихъ; но между тѣмъ въ нихъ находящаяся почно такія же иносказанія, какія онъ прежде оговаривалъ; ибо *звукъ цѣпей стонать*, *полями одѣваться въ видъ*, сполькожъ не еспешвенно, какъ *лду летать*. Иносказаніе: *нивы обильны жизнью* (выѣсно плодами, пишющими жизнь), еще и сихъ смѣлѣе, однакожъ оно не худо. — Далѣе:

„Вездѣ враговъ пируетъ месь.“

Разсмапривашель высывая сей стихъ одинъ, и сравнивая его съ стихами другого писателя, говоритъ: „Россійской нашъ Лафоншенъ удачнѣе употребилъ слово сіе въ „Пожарскомъ:

(*) Лучше бы вознаграждаетъ.

„Пируеть смерть, и ужась мещеть
 „Во градъ, и въ долы, и лѣса.“

Сравнивашь надлежитъ или мысль съ мыслию, или выраженіе съ выраженіемъ. Здѣсь разсмапривашель, покамѣсптъ, разсуждаеть объ одномъ шолько словѣ или выраженіи, а по шому и мы объ одномъ же шолько выраженіи говоримъ спанемъ. Дѣло идетъ о шомъ, въ кошорыхъ спихахъ выраженіе *пируеть*, употреблено удачнѣе. Скажемъ сперва свое мнѣніе: *смерть* и *мечь* въ семъ случаѣ одно и то же. Чшо дѣлаеть смерть? Умерщвляетъ. Чшо дѣлаеть мечь? Терзаеть и умерщвляетъ. Обѣ онѣ радуются множеспву жерпвѣ; обѣ по одной и шой же причинѣ пировашь могутъ, мечь какъ повелишельница, смерть какъ исполнишельница ея повелѣній: слѣдовашельно, выраженіе *пируеть*, въ обоихъ спихахъ естъ шочно одинакое; а ни чшо одинакое, или одно и то же, удачнѣе самого себя не бываетъ. Послушаемъ шеперь доказашельствъ разсмапривашеля. Онъ говоритъ:

„Здѣсь глаголь *пируеть*, опносясь непо-
 „средспвенно къ смерти, придаеть силу и
 „красошу описанію:“

Почему придаеть силу и красошу описанію? Потшому, чшо опносится непосредспвенно къ смерти. Я не вижу въ эшомъ ни какого доказашельства. Сверхъ сего въ спихахъ Шихмапова глаголь *пируеть* опносится также непосредспвенно къ мещи. Далѣе:

„Смерть, пирцующая среди окровавленных полей, градовъ и лѣсовъ, есть разительное изображеніе соупшницы войны, раздора и убійства.“

Здѣсь разсмаширивашель входипъ уже въ сравненіе не одного шокмо выраженія, но цѣлой мысли одного писателя съ мыслию другаго. Для сего надлежало бы взяшь полную мысль. Одинъ стихъ ее не показываешъ. Сочинишель поэмы Пожарскаго, изчисляя грабежи и убійства, нанесенные Россіянамъ опъ Вандаловъ, говоришь :

На насъ почиль небесный гнѣвъ,
На насъ разинуль адъ свой зѣвъ,
И пысящи влекущя къ гробу :
Вездѣ враговъ пируешъ месъ.

Теперь можемъ мы сравнивашъ одни стихи съ другими. Повшоримъ слова разсмаширивателя: „смерть, пирцующая среди окровавленныхъ полей, градовъ и лѣсовъ, есть разительное изображеніе соупшницы войны, раздора и убійства.“ Но развѣ мести не все то же? Она шакже пируешъ посреди проліянія крови, и шакже ешъ соупшница или вина войны, раздора и убійства. По чему же *пириество мести*, влекущей ко гробу пысящи жершвъ, оставленныхъ разгнѣваннымъ небомъ, и поглощаемыхъ адомъ, ешъ меньше разительное изображеніе, нежели *пириество смерти* среди окровавленныхъ градовъ и сель?—Далѣе:

*

„Пирцующая мѣсть враговѣ не такъ счастливо употреблено; мѣсть враговѣ опни-
„маесть силу у сего слова.“

Напротивъ, оно придаетъ ему силу. Прочитайте вышесказанные чѣтыре стиха, выпустя слово *враговѣ*, вы пошчасъ сіе почувствуете.—Далѣе :

„По мнѣнію Бюффона , слогъ пребуесть
„ума, вкуса, чувства , прибавимъ и величай-
„шей оспорожностіи. То только выраженіе
„можетъ назваться счастливымъ , которое
„поспавлено у мѣста.“

Читайшель легко примѣтитъ , что сія выписка изъ Бюффона и прибавленіе къ ней, послѣ разсмотрѣннаго нами сравненія , здѣсь конечно не у мѣста.—Разсмапривашель продолжаесть :

„На насъ разинуль адъ свой зѣвъ.“

„Сей стихъ напоминаетъ о стихахъ
„Ломоносова :

„Не адъ ли тяжки узы рветъ,
„И челюсти разинушь хочешь?“

„Сравните : сколь трудно совмѣстниче-
„ство съ кистію Ломоносова!“

Вѣрю; но не въ семъ мѣстѣ. Здѣсь я не вижу ни какой разности. Шихмаповъ говоритъ утвердительно : на насѣ разинуль адъ свой зѣвъ. Ломоносовъ говоритъ вопроситель-
но: не адъ ли тяжки узы рветъ, и челюсти ра-

зинуць хотеть? Перемѣнимъ вопросъ въ утвержденіе, и выпустимъ слова: *тяжки цзы рветъ* Шихмашову не надобныя, останешся у Ломоносова: *адъ тellyсти разинуць хотеть*, у Шихмашова: *адъ разинуць здѣвъ свой*. Какая путъ розница? Шихмашовъ конечно еще не Ломоносовъ, однакожъ гдѣ онъ съ нимъ равенъ, памъ равенъ. — Разсмашривашель продолжаетъ:

„Всевышній посѣпилъ жезломъ „

„И ранами швои разврашы (ш. е. Россіи).

„*Посѣтилъ жезломъ*: почерпнушо въ кра-
„сопахъ Славянскаго нарѣчія и счастливо
„употреблено. Славянское нарѣчіе въ непо-
„средственномъ родствѣ съ Русскимъ: по-
„помки не должны забывашъ предковъ сво-
„ихъ.“

Весьма справедливое разсужденіе. Умъ писателя не утвержденный на корнѣ языка своего, подобенъ древу, посаженному безъ корня въ землю. Сочинитель поэмы Пожарскаго не одну сію красочу почерпнулъ изъ Славенскаго языка, но многія, и почпи всѣ употребилъ счастливо. Симъ обязанъ онъ прилѣжному въ языкѣ своемъ упражненію. Я бы могъ много показатъ тому примѣровъ, еслибъ не опасался распространиться далѣ предположеннаго мною намѣренія. Однако покажемъ хоть одинъ примѣръ въ доказательство, что сочинитель поэмы умѣлъ пользо-

вашся почерпнушими изъ Славенскаго языка, не шокмо красопами мыслей и выражений, но даже словами, копорыя, не бывъ къ спашъ поставлены, могли бы сдѣлать безобразіе. Онъ по описаніи спрашныхъ золь, претерпѣваемыхъ Россією отъ непріятельскихъ нападеній, говоритъ:

Вездѣ враговъ пируетъ мѣсть.
Во тьмѣ протерта смертной ночи
Россія къ небу взводитъ очи,
Зоветь помощника — и нѣсть.

Сіе Славенское, въ нынѣшнемъ нарѣчїи почти во все не упопрѣбишельное слово *нѣсть*, какъ хорошо оканчиваетъ здѣсь стихъ! Попышаемся окончить его другимъ образомъ:

Зоветь помощника — и нѣтъ.

Весьма худо; ибо показываетъ сомнѣніе, *хочетъ и не хочетъ, зоветъ и нѣтъ*. Окончаемъ иначе:

Зоветь помощника — и нѣтъ его

Сіе мѣстоименіе *его*, какъ ослабляетъ стихъ! Ни одно изъ сихъ выражений не имѣетъ той краткости, той ясности, той чистоты мысли, какую заключаетъ въ себѣ выраженіе:

Зоветь помощника — и нѣсть.

Въ Библии сказано: *Господь рече, да будетъ свѣтъ: и бысть*. Какое другое выраже-

ніе найдемъ мы, которое бы могло замѣнить силу и краткость глагола *бысть*? Изъ сего единого примѣра можемъ мы видѣть, что убѣгаешь отъ Славенскихъ словъ шамъ, гдѣ онѣ могутъ составлять хорошее понятіе и богатую мысль, есть не иное что, какъ непопытность и незнаніе языка своего. Но обратимся къ разсмащривателю. Онъ продолжаетъ :

„Шумъ жизни оскудѣлъ въ конецъ ,
„И тишина заснула тише.

„Заснула тишина : выраженіе сіе находится въ описаніи Фалконетова Купидона „(пѣсня ХСII). Воображеніе соперника Пиндара и Горация повелѣло, и тишина уснула ! „Восхищенное воображеніе чипапеля неволь- „но оспанавливается. „Тишина уснувшая тише,“ „не то производишь. Какъ внимательно должно вникать въ красноты великихъ и прекрасныхъ образцовъ !“

Во первыхъ замѣтимъ, что въ подлинникѣ не сказано : и тишина заснула тише ; а сказано : и тишина *лежала* тише. Когда мы выписываемъ изъ кого, то обязаны представлять его точныя слова, а не свои. Во вторыхъ, для сообщенія чипапелямъ нѣкоторой особенной мысли сочинителя, надлежало бы сказать, въ какомъ случаѣ онъ такъ думалъ. Здѣсь описывается сошествіе съ небесъ ангела, приносящаго Россіи радостную

въспѣ о прекращеніи золь ея, и пророчество о предбудущемъ оной благоденствіи. По окончаніи словъ ангела сочинитель говоритъ:

Умолкъ:—но гласъ гремитъ опрадный,
И раздается внутрь сердець,
Природа служъ вперяетъ жадный,
Шумъ жизни оскудѣлъ въ конецъ,
И тишина явилась тише.

Почти весь разумъ стиховъ сихъ основанъ на противоположностяхъ: „*умолкъ*—но „*гласъ гремитъ*.“ Природа съ жадностію внимаетъ сему гласу, все простерло слухъ свой, преспало дышать, и кажется сама тишина, разруша естественное положеніе свое, сдѣлалась еще тише. Сочинитель поступилъ въ семъ случаѣ довольно искусно: послѣднее полустигіе предыдущаго стиха: шумъ жизни оскудѣлъ въ конецъ, такъ сказать, вводитъ понятіе наше въ смыслъ послѣдующаго стиха: и тишина явилась тише. Бозспорно, что выраженіе сіе есть нѣкая хитрость ума, или игра воображенія, однакожь мы часто подобныя сему выраженія употребляемъ, какъ на примѣръ: *презойти самого себя, онъ весь око, меньше нежели ничего, и проч.*

Впрочемъ разсмаиватель словами: „воображеніе соперника Пиндара и Горація по-велѣло, и тишина уснула!“ кажется не показываешь, чтобъ онъ самъ собсвеннымъ разсудкомъ своимъ находилъ въ семъ выраженіи

великую ясность и красоту мысли; однако между пѣмъ говоришь: какъ внимательно должно вникать въ красоты великихъ и превосходныхъ образцовъ!—Онъ продолжаетъ:

„Въ двухъ послѣднихъ пѣсняхъ есть пре-, восходныя красоты, недоспапки въ стихо-, шворсхъ и неправильныя выраженія. Спер-, ва замѣшимъ послѣднее: спарость зарится , радости лучемъ, вмѣсто озаряется.“

Разсмащивашель неосторожно находить здѣсь погрѣшность въ красотѣ, и несправедливо глаголь зарится хочешь замѣнить глаголомъ озаряется. Сочинитель въ семь мѣстѣ описываетъ возбужденное рѣчью Минина рвеніе гражданъ, спѣшащихъ избавить опечесшво, и всеобщую разливающуюся при ополченіи ихъ радость. Выпишемъ всю сію строфу: она прекрасна:

Путемъ ко смерти упоменна,
Недуги опложивъ въ сей часъ,
Исходитъ спарость обновленна,
И слыша ликованій гласъ,
Оружій живошворны звуки,
Зарится радости лучемъ;
Безсильная владѣтъ мечемъ,
На небо *воздвигаетъ* 1) руки:
О Боже! словомъ усъ своихъ
Міровъ безчисленность создавый,
На подвигъ Россовъ сихъ призывавый,
Благослови шремленье ихъ!

1) Свойспивеніе *воздвигаетъ*; однако же и *воздвигаетъ*, возношишь, не есть погрѣшность

Ошкуду глаголь *зарится* заимствуетъ знаменованіе свое? Опъ слова *заря*, подобно какъ глаголь *свѣтится* опъ слова *свѣтъ*. Какая естъ существенная разность между глаголами *зарится* и *озаряется*? Точно такая же, какая между глаголами *свѣтится* и *освѣщается*. *Зарится* значить: *пускаетъ отъ себя лучи на подобіе зари*; *озаряется* значить: *освѣщается исходящими отъ зари лучами*. Чтѣ само собою *зарится*, шо можеть свѣтомъ своимъ *озарять* другую вещь. И шакъ, *старость* *зарится* *лучемъ радости*, показываешь, что веселіе, ощущаемое спарымъ челоувкомъ, изливается на его лице; а *старость* *озаряется* *лучемъ радости*, значить шолько, что спарый челоувкъ имѣеть причины радовашься, веселіе бросаешь на него свои лучи; но приемяють ли чувства его въ шомъ участіе, шого неизвѣстно: шакъ какъ *освѣщаемое* солнечными лучами мѣсто не естъ еще *свѣтящееся*. Опсюда можемъ мы видѣть, что сочинитель поэмы упошребилъ глаголь сей хошо, и что послѣдуя совѣшу разсмашривашеля конечно не согласился замѣною онаго другимъ глаголомъ прекрасную мысль свою испоршишь. Впрочемъ онъ не самъ изобрѣлъ глаголь сей, давно въ языкѣ нашемъ суще-

яко воздвигну на небо руку мою, и клянуся десницею моею, сказано въ 5 Моисеевой книгѣ, гл. 32, стп. 40.

спвующій: на примѣрь, въ Никоновой лѣпописи (спран. 40) сказано: „И наполняетъ поля храбрыхъ мужей, и всю землю блисповаху копія, и сіяху шлемове, и щипове зоряхуся, и воздухъ блисповаше сулицами.“ Не соспавляють ли сословы богатство языка? Вмѣсто чшобъ ко всему употребишь одинъ глаголъ: *сіютьъ копья, шлемы, щиты*, какое разнообразіе и красота, когда мы шужь самую мысль обогащая и украшая шрема разными глаголами изображаетъ можемъ: *сіютьъ копья, блистаютьъ шлемы, зарятся щиты!* На чшожъ забвеніемъ или невниканіемъ въ знаменательныя слова лишаетъ себя способовъ бышь краснорѣчивымъ? Не лзя и шого сказать, чшобъ глаголъ сей не былъ употребителенъ: войдише въ мысль проспонароднаго слова *призаривается*, не шю ли оно значитъ, *что лице отъ изліянія на него цвствъ сердца пріемлетъ цвѣтъ зари?* Велика ли языку польза, когда мы смыслъ богатыхъ и знаменательныхъ словъ его вмѣсто распроспраненія будемъ стѣснять и оспавлять ихъ шолько для означенія проспонародныхъ выраженій? Разборъ словъ шребуешъ прилѣжнаго вниканія. Принимаешь или опвергаешь ихъ безъ изслѣдованія, равно для языка вредно. Одно вводишь въ него безобразія, другое лишаешь его красоту.

Далѣе: разсмашриватель выписавъ стихъ: *смертію обезсмертитъ славной*, вопрошаетъ:

„для чего не увѣковѣчишь?“—Судья долженъ доказать, по чему употребленное сочинителемъ слово худо, а не просто спрашивать, за чѣмъ онъ на мѣсто онаго не употребилъ другое? Въ минеи-чепіи (Марш. 19. спрад. Хрисанеа и Даріи) сказано: „и цвѣтъ юности твоея обезсмертитъ (Христосъ).“ Здѣсь глаголь *увѣковѣчитъ* совсѣмъ не годится, а *цвѣтъ юности твоея сдѣлаетъ безсмертнымъ*, или *обезсмертитъ*, мнѣ кажется весьма хорошо.—Далѣе :

„Одни только писатели, заслужившіе довѣренность швореніями своими, могутъ производить слова; но они не занимаются тѣмъ, они богаты мыслями.

Сужденіе весьма несправедливое: не занимаясь словами, то есть, не разсуждая объ нихъ, ни кто не можетъ быть богатъ мыслями. Мысль ясна и рѣчь красна словами.—Далѣе :

„Описывая быстрое шествіе Рускихъ воиновъ, которыхъ Суворовъ, въ воспоргѣ любви къ опечесству, называетъ *цудами-богатырями*, сочинитель говоритъ:

„Спремятся храбры, сильны, скоры:

„Спремнины, баша, рѣки, горы,

„Для Россовъ гладкая спезя.“

Разсмаприваетель похваляетъ сіи стихи, но прибавляетъ при томъ: „Ломоносовъ упо-

„пребилъ нѣкогда такую же мысль; но какъ
„онъ выразилъ ее!

„Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
„Проступяшъ тамъ полки орлины.“

Здѣсь разсмапривашель совершенно правъ. Мысли въ обоихъ стихахъ почто одинакія. Одна выражена хорошо, другая превосходно. Сіе уподобленіе полеша орлиныхъ полковъ съ движеніемъ вѣтровъ, выраженное съ такою простотою и глаголомъ полъ сильнымъ, каковъ естъ глаголъ *проступятъ*, достойно пера Ломоносова. Разсмапривашель послѣ нѣкоторыхъ разсужденій своихъ прекрасно о семъ сказалъ: „Оправдаемъ Ломоносова на по-
„прищѣ словесности, шакже какъ оправдалъ
„его Суворова на полѣ битвы. Сей богъ войны
„пролешѣлъ съ орлиными полками шамъ, гдѣ
„только вѣтры могутъ дуть.“

Впрочемъ, разсмапривашель во многихъ мѣстахъ опдаешъ справедливостъ сочинителю поэмы Пожарскаго. Дѣйствительно сей молодой человекъ обращаетъ на себя вниманіе; ибо подаешъ великую надежду къ обогащенію словесности нашей превосходными твореніями. Переводъ его *Поніева письма о критикѣ*, *Бѣцаловой сатиры*, и наконецъ сія сочиненная имъ небольшая поэма, ясно по свидѣтельствуюшъ. Всѣ сіи при опыша исполнены красочами и показываютъ великое

знаніе въ языкѣ. Оставимъ прѣбывать совершенствѣ, копорыхъ ни въ комъ нѣтъ, ни въ сочинителяхъ, ни въ судіяхъ сочиненій ихъ, и опдадимъ справедливостъ тому, что хорошо. Не будемъ ни съ лишкомъ строги, ни съ лишкомъ терпѣливы; ибо излишество вездѣ вредно. Скажемъ не въ ободреніе молодому писателю, но по самой истинѣ, что мы не много имѣемъ паковыхъ изображеній, каковыя находимъ въ сей поэмѣ. Напримѣръ, слѣдующее изображеніе *Гермогена*:

Кто мужъ сей мудрый, сѣновитый,
Примрачный, какъ луна во мглѣ,
Имуцій кропкій зракъ, опкрышый,
Ко правдѣ ревностъ на челѣ?
Блещитъ въ очахъ, слезитъ усталыхъ,
Какъ солнца лучъ сквозь ранній паръ,
Къ опечесиву сердечный жаръ.
Блѣднѣетъ скорбь въ ланитахъ впалыхъ,
До чреслъ волнуется брада;
Глава годами оснѣжена,
Вся крѣпость плоти изможденна,
Душа единая тверда.

Или слѣдующее изображеніе ангела:

И се! единъ отъ ангелъ свѣта,
Ліющій спрахъ священный вкругъ,
Быстрѣй мечпанія полета
Летитъ съ высотъ на земный кругъ.
Во взорахъ торжествуетъ радостъ,
Глава красуется въ вѣнцѣ;
На ясномъ паче дня лицѣ
Небесная играетъ младостъ,
И солнечныхъ краса лучей

Струишся ризой на безсмертномъ ;
Звѣнятъ во златѣ искромешномъ
Крилѣ, исполнь какъ звѣздъ, очей.

Или сіе спрашное описаніе бури :

Такъ туча, мать грозы багрова ,
Коль взыдешъ—меркнетъ воздухъ чистъ ,
Нисходитъ пишина сурова ,
Едва, едва препещешъ листъ .
Еще покойно все въ дубравѣ ,
Сверкнулъ перунъ изъ темныхъ нѣдръ ,
Ударилъ громъ, испоргся вѣпръ ,
Природа въ спрашной зришя славѣ ;
И буря шумный взявъ полетъ ,
Древа опъ корней рвецъ рядами ,
Звѣрей и пшицъ женетъ спадами ,
Лепишъ — за нею жизни нѣшъ .

Послѣдній стихъ высокъ , превосходенъ .
Но много бы могъ я въ сей поэмѣ показашъ
оплично хорошихъ мыслей, стиховъ и сча-
сливыхъ выраженій, еслибъ время позволя-
ло мнѣ распростиришся объ ней. Разсмапри-
вашелю ея предлежишъ тяжелый трудъ , не
въ показаніи погрѣшностей, которыхъ мало,
но въ показаніи красотъ , которыхъ много.
Хотя и правда , что сужденіе легко , но иску-
ство трудно; однакожъ надобно еще къ сему
прибавишъ, что кому легко, того и судбъ легокб .

ОТВѢТЪ

на письмо Господина Луки Говорова, напечатанное въ Вѣстникѣ Европы Апрѣля 1807 № 8, подѣ заглавіемъ: Письмо изъ города N. N. въ столицу.

Государь мой!

Нашелъ я въ Вѣстникѣ Европы, который охотно чишаю, письмо ваше, въ коемъ вы говорите: „Нужда, виновница общежитія, „шеннула на ухо пяти или шести изъ чи- „сла здѣшнихъ почтеннѣйшихъ гражданъ, „чтобъ согласились составить временную „библіотеку, выписать новыя книги и жур- „налы, и проводить по нѣскольку вечеровъ „каждую недѣлю, занимаясь чтеніемъ и раз- „говорами—только не о погодѣ, но о слова- „сности и наукахъ. Въ доказательство, что „вечернія наши засѣданія ни мало не похо- „дили на собранія Квакеровъ, скажу, что и „женщины удостоивали насъ своею бесѣдою.“ —По сему описанію вашему вы въ маленькомъ городкѣ своемъ то дѣлаете, что рѣдко дѣлаютъ въ столицахъ. Люди имѣютъ раз-

ныя склонности, копорыхъ я не осуждаю; но что до меня, я бы лучше предпочелъ бытъ въ вашемъ собраніи, нежели тамъ, ошкуду, по услажденіи всѣхъ чувствъ, возвращающагося домой безъ душевнаго удовольствія. Одного только пожелалъ бы я, если бы удостоился бытъ въ вашемъ обществѣ: вы говорите, что согласились выписать новыя книги и журналы; а мнѣ бы хотѣлось, чтобы старыя книги, и даже очень старыя, перемѣшаны были съ новыми; не все то хорошо, что ново, и не все то худо, что старо. Далѣе описываете вы пожилаго Ассесора, копорой долго учился въ Кіевской Академіи, и копорой иногда защищаетъ книгу мою, называемую *Разсужденіе о старомъ и новомъ слоgъ*, иногда возражаетъ прошивъ нее. Смѣю увѣрить господина почтеннаго Ассесора, что мнѣ сполько же и возраженіе его, сколько защищеніе, пріятно. Основанный на чистосердечіи судъ и пристрастное злословіе такъ несходны между собою, что развѣ одинъ слѣпой не примѣшивъ ихъ различія. Благодарю его, что онъ въ намѣреніи моемъ при сочиненіи сей книги видитъ не грубую нѣкую и невѣжесшвенную ко всему иностранному ненависть, но истинную и праводушную къ опечесству моему любовь и привязанность. Такъ конечно. Я люблю иностранцевъ, почишаю ихъ таланты и достоинства; но еще болѣе люблю моихъ соопечен-

Ч а с т ь XII.

16

ственниковъ. Весьма желаю, чѣмъ всѣ племена и народы были нашими друзьями, но не господами. Согласенъ перенимать у нихъ доброе; но лучше хочу видѣть, чѣмъ они у насъ доброе перенимали. Укоризны мои пѣмъ Рускимъ, копорые уничижаютъ себя предъ ними, не естъ гласъ презрѣнія, но вопль соболѣзнующаго объ нихъ сердца.

Часто размышляю я: не обманываешь ли меня мой умъ? не излишно ли увеличиваю я вещи? не мечтаешь ли мнѣ шамъ зло, гдѣ его нѣтъ? не паче ли къ изливанию чувствъ моихъ побуждаешь меня брюзгливость моего нрава, нежели существующія въ самомъ дѣлѣ причины? Такъ часто самого себя изслѣдываю; но по несчастію тысячи опытовъ разсѣиваютъ мое сомнѣніе. Взойдемъ, какъ *хромоногой бѣсѣ*, на высокую башню; снимемъ кровли съ домовъ, и посмотримъ, что въ нихъ происходитъ. Съ чего начатъ съ воспитанія. Естъли хоть одинъ домъ, кромѣ самыхъ бѣдныхъ, въ которомъ бы дѣтей нашихъ воспитывали не Французы? Сіе обыкновеніе шакъ возрасло и усилилось, что уже надобно быть героемъ, дабы побѣдить предрасудокъ, и не послѣдовать общему теченію вещей! Попытайся сказать, что совершенный языку нашему, наукамъ, художествамъ, ремесламъ, руководствамъ и даже нравамъ, наноситъ вредъ принятое по несчастію всѣми правило, что надобно

дѣшей своихъ съ самаго малолѣтства ихъ обучашь иностраннымъ языкамъ, по есѣ одному Французскому; попытайтесь, говорю, сказать сіе; сердишые и безразсудные выцарапають вамъ глаза; а пѣ, которые помягче и поумнѣе, спануть вамъ доказывать: „Не пустое ли ты говоришь? Когда же лучше обучаться иностранному языку, какъ не въ самомъ ребячествѣ? Дѣтя играючи научишься сперва говорить, потомъ читать, потомъ писать, и какъ Французской языкъ необходимо нуженъ (замѣтьте сіе выраженіе) *необходимо нуженъ* въ бесѣдахъ, припомъ же на немъ много есѣ всякаго рода учебныхъ и прекрасныхъ сочиненій; по во первыхъ безъ труда привыкнешь онъ свободно разговаривать и чистю произносишь, во впорыхъ чшеніемъ книгъ изоспришь свой умъ, въ прешнихъ пріобрѣнешь многія познанія, и напоследокъ будетъ писать такъ складно, какъ бы родился въ Парижѣ.“ Вотъ важныя доказательства, по которымъ Французской языкъ *необходимо нуженъ*. Какъ увѣришь многихъ изъ насъ, что въ эпоху - по самой мысли, что онъ необходимо нуженъ, и заключается владычество его надъ нами и наше рабство? Для чего истинное просвѣщеніе и разумъ велить обучаться иностраннымъ языкамъ? Для того чтобъ расширять понятія наши, пріобрѣсть познанія. Но для сего всѣ языки нужны и по-

*

лезны: на Греческомъ писали Платоны, Гомеры, Демосѣены, Софоклы, Еврипиды и пр.; на Латинскомъ Virgilii, Цицероны, Горации, Квинтилианы, Тациты и проч.; на Италіанскомъ Данты, Петрарки, Тассы, Аріосты, Межаспазіи и проч.; на Французскомъ Расины, Корнелии, Фенелоны, Вольеры, Лагарпы и проч.; на Нѣмецкомъ Клопштоки, Галлеры, Геллерты, Геснеры, Виланды и проч.; на Англійскомъ Мильтоны, Шакеспиры, Попи, Юнги, Адиссоны и проч.; для чего же безъ сихъ языковъ можемъ мы быть, а Французской намъ необходимо нуженъ? Ясно, что мы не о пользѣ языковъ думаемъ: иначе зачѣмъ намъ всѣ другіе и даже свой собственной пакъ уничижать предъ Французскимъ, что тѣ мы едва разумѣть хотимъ, а безъ этого, ежели не пакъ имъ говоримъ, какъ природные Французы, спыдимся на свѣтъ показаться? Спало бытъ мы не по разуму и не для пользы обучаемся ему; но для того только, что въ обычай вошло: чтожъ это иное какъ не рабство? Конечно Французской языкъ самъ по себѣ не вреденъ; но слѣпая наша спрасть къ нему дѣлаешь его для насъ вреднымъ. Сравнимъ привязанность нашу къ нему съ привязанностію къ другимъ языкамъ, и тогда будешь онъ для насъ полезенъ. Скажутъ: „да онъ попому необходимо нуженъ, что сдѣлался общимъ, и во всей Европѣ упошибельнымъ.“ Я со-

жалѣю о Европѣ, но еще болѣе сожалѣю о Россіи. Для того-то можешь быть Европа и пьешь горькую чашу, что прежде нежели оружіемъ Французскимъ, побѣждена уже была языкомъ ихъ. Прочитайте въ переведенной съ Французскаго языка книгѣ, называемой *Тайная Исторія новаго Французскаго Двора*, въ письмѣ XVI, въ кошоромъ описывается, какъ Министры ихъ, обѣдая у Принца своего Людвига, разсуждали о способахъ искоренить Англію; прочитайте, говорю, сіе примѣчанія доспойное мѣсто: „Вспомните „(говорилъ Поршались), что всеобщее упо- „шребленіе Французскаго языка служило пер- „вымъ основаніемъ всѣхъ связей, кошорыя „Франція имѣла въ Европѣ; оно приумно- „жило ея могущество и славу. Сдѣлайте, „чтобъ въ Англіи также говорили по Фран- „цузски, какъ въ другихъ краяхъ, напримѣръ „въ , то конечно будемъ мы знамени- „тые въ глазахъ сего надменнаго народа.“ Поршались прибавилъ еще къ сему, что если бы удалось имъ завоевать Англію, то прежде всего надобно испребило упошребленіе природнаго языка. „Прежде всего (про- „должалъ онъ) спарайтесь испребило въ го- „сударствѣ языкъ народной, а потомъ уже „и самой народъ. Пусть молодые Англичане „пощасъ посланы будутъ во Францію, и „обучены одному Французскому языку; чтобъ „они не говорили иначе какъ по Французски,

„дома и въ обществѣ, въ семействѣ своемъ
 „и въ гостяхъ; чѣмъ всѣ указы, донесенія,
 „рѣшенія, договоры и условія были писаны
 „на Французскомъ языкѣ; чѣмъ нигдѣ не
 „смѣли заикнуться на своемъ природномъ —
 „и тогда Англія будетъ нашею рабою.“
 Вотъ разсужденіе одного изъ ихъ государ-
 ственныхъ людей; и оно весьма справедливо.
 Еслибъ Фридрихи вѣдь не презирали
 собственнаго языка своего; ежелибъ всякая
 держава сохраняла свою народную гордость,
 то Французская революція была бы только
 въ углу своемъ спрашна; мнимые ихъ фило-
 софы не вскружили бы столько головъ; они
 бы вредны были только для своего прави-
 тельства и народа, а не для всей Европы;
 Французы не шагали бы изъ царства въ цар-
 ство, потому что не въ разногласіи умовъ
 успѣхи, но въ единогласіи ихъ вездѣ нашли
 бы себѣ оплотъ и опору. Когда Франція
 колеблется; когда въ ней развращенные умы
 лживыми мнѣніями своими попрысають осно-
 ванія законовъ, добродѣтели, вѣры, нравовъ, —
 и всѣ окрестныя земли вмѣстѣ съ нею ко-
 леблются, словно какъ бы онѣ составляли
 одинъ съ нею народъ и одно царство! Опъ
 чего сіе, какъ не опъ общаго языка ихъ
 разліянія, подчинившаго умы наши ихъ
 умамъ? Но оставимъ другія Европейскія
 земли, и возвратимся къ своему опечесству.
 Благодаря свяшой Вѣрѣ, обучающей насъ

воздавать *Божіе Богови и Кесарево Кесареви*, благодаря наслѣдственнымъ намъ отъ предковъ нашихъ благимъ нравамъ, Россія еще не шакова; не шакова, однако же надлежитъ отъ прилипчивыхъ болѣзней себя предохранять, особливо же отъ такихъ болѣзней, копорыхъ ядовитосць нечувствительнѣе вкрадывается и распроспраняется.

До сихъ поръ говорили мы, что Французской языкъ предпочтительнѣе предъ всѣми считаемъ мы необходимо нужнымъ, не для почерпанія изъ него познаній, но для того чтобы на немъ разговаривать. Теперь рассмотримъ ближе, какія изъ того рождаются слѣдствія. Обучись иностранному языку, такъ чтобы разумѣть оный и читать на немъ книги, не много времени потребно тому, кто Грамматику языка своего хорошо знаетъ. Напрошивъ того обучись иностранному языку, такъ чтобы говорить имъ какъ своимъ природнымъ, иначе невозможно какъ надобно или долгое время жить въ той землѣ, или отъ самаго младенчества безпрестанно заниматься онымъ. Сіе опведетъ васъ, и воспрепятствуетъ вамъ знать собственный языкъ вашъ, разумѣется не тотъ, копорому научились вы на улицѣ, но тотъ, какимъ въ священныхъ храмахъ проповѣдуется слово Божіе, и какой находимъ мы въ книгахъ отъ Нестора до Ломоносова, отъ Игоровой пѣсни до Хераскова и Державина.

вина. Сіе опведетъ васъ опъ многихъ касающихся до Россіи свѣдѣній. Вы можете быть много лишняго узнаете о Французскихъ почшовыхъ домахъ и о Парижскихъ пеапрахъ, гуляньяхъ и переулкахъ; но многого весьма нужнаго не будете знать о своемъ опечествѣ. Вы всѣмъ эшимъ пожертвуете для чистаго произношенія Французскаго языка. Посмотрите: маленькой сынъ вашъ, чшобъ лучше и скорѣ сему научись, иначе не говоритъ, какъ со всѣми и вездѣ по Француски: съ училемъ, съ вами, съ мапушкою, съ брапцомъ, съ сесприцею, съ мадамою, съ госпъми, дома, на улицѣ, въ карепѣ, за споломъ, во время игранія, ученія и ложась спать. Не знаю на какомъ языкѣ молился Богу, можете быть ни на какомъ. Начавъ опъ чепырехъ или пяши лѣпъ быть на рукахъ у Французовъ, онъ приучаетъ языкъ свой къ чиспому выговору ихъ рѣчей, слухъ свой къ искуспву составленія ихъ выраженій, и умъ свой ко звуку и смыслу ихъ словъ. Не думаете ли вы, что привычка, а особливо опъ самыхъ юныхъ лѣпъ начавшаяся, не имѣетъ никакой власпи надъ нашимъ сердцемъ, разумомъ, вкусомъ и душою? Вспомните Сумарокова стихи:

Привычка еспества сильнѣе иногда.

На десятомъ году онъ уже весьма хорошо чипаетъ Расиновы и Корнеліевы стихи,

знаетъ наизусть множество мѣстъ изъ *Ricelle d'Orleans* и другихъ подобныхъ тому сочиненій; но еще ни одного Рускаго писателя не читалъ, Псалтыри, Неспора, Чешьи-минеи и въ глаза не видалъ. На пятнадцатомъ году онъ уже начинаетъ спорить съ училемъ своимъ, кто изъ нихъ назоветъ больше пріятныхъ словъ торговкамъ модныхъ вещей и актрисамъ. Между пятнадцатымъ и осьмнадцатымъ годомъ онъ уже глубокой философъ; разсуждаетъ о просвѣщеніи, которое по мнѣнію его не въ томъ состоишь, чѣмъ земледѣлецъ умѣлъ пахать, судья судить, купецъ торговать, сапожникъ шить сапоги; нѣтъ, но въ томъ, чѣмъ всѣ они умѣли чесаться, одѣваться, и читать по Француски прозу и стихи. О безсмертіи души онъ никогда не думаетъ, а вѣритъ безсмертію тѣла, потому что здоровъ и вѣстъ противъ десятирехъ. Часто судить о нравственныхъ вещахъ, и больше всего превозноситъ вольность, которая по его понятіямъ въ томъ состоишь, чѣмъ не считашъ ничего священнымъ, не повиновашся ни чему, кромѣ спрасей своихъ. На двадцатомъ или двадцать пятомъ году онъ по смерти вашей дѣлается наслѣдниковъ вашего имѣнія. О если бы вы лѣтъ чрезъ десятокъ могли вспахать изъ гроба и посмотришь на него! Вы бы увидѣли, что онъ добываемое изъ земли съ проліяніемъ пощадесятью

тысячами рукъ богатство распочаесть двумъ, премъ, или пяпи обманывающимъ его иносстранцамъ; вы бы увидѣли у него огромную библіотеку всякаго рода Французскихъ книгъ, украшенную богатыми поршпратами Гелвеціевъ и Дидерошовъ; а вашъ и супруги вашей поршпратъ, не прогнѣвайшесь, вынесенъ на чердакъ, и приносипсь полько, когда надобно посмѣяпсь, какъ вы одѣшы были спранно; вы бы узнали, что онъ не полько на могилѣ вашей никогда не былъ, ниже въ той церкви, гдѣ вы похоронены, или лучше сказапъ ни въ какой; вы бы увидѣли, что онъ надъ бабушкою своею, чупъ дышущео, хохочетъ, и говоритъ ей: Лукерья Федоровна, скажи что-нибудь про спарину; вы бы увидѣли, что онъ не способенъ быпъ ни воиномъ, ни судьео, ни другомъ, ни мужемъ, ни опцемъ, ни хозяиномъ, ни госпемъ; вы бы увидѣли. . . Но оспавимъ продолженіе, и спросимъ полько: послѣ всего этого упѣшило ли бы васъ то, что онъ хорошо, красно и свободно говоритъ по Француски? Оглянишесь хорошенъко, не найдешели подобныхъ сему въ кругу вашего знакомства? Но переспанемъ предспавляпъ себѣ вещи съ худой спороны; посмошримъ на нихъ съ лучшей. Положимъ, что сынъ вашъ прещаспливымъ образомъ избѣгнулъ опъ поврежденія нравспвенности; онъ оспался при добрыхъ правилахъ, почиаетъ въру, наблю-

даешъ законы, любишь свое опечесшво, способенъ бытъ полезнымъ сыномъ онаго, женился, имѣешь дѣшей, и живешь какъ должно благовоспитанному дворянину и доброму опцу семейсшва. Однако же надлежитъ бытъ неслыханному и превеликому чуду, чшобъ привычка, опъ самыхъ мягкихъ ногшей ушвердившаяся, и общій обычай безпреспанно ее поддерживающій, не поселили въ немъ нѣкотораго присшрасшя ко всему иноспранному и нѣкоторой ему самому непримѣшной холодноспи ко всему опечесшвенному. Напримѣрь, онъ не гнушается языкомъ своимъ: однакожь въ дващцаши шкапахъ его, набишыхъ книгами, нѣтъ ни одной Руской. Онъ любитъ свой народъ: однакожь изъ приглашенныхъ къ сполу его паши или шеспи художниковъ, съ которыми онъ весьма ласково обращается, нѣтъ ни одного Рускаго. Онъ охощникъ до шеатра, однакожь вы никогда не увидише его въ Рускомъ предспавленіи, но всегда во Францускомъ спектаклѣ. Жена его также никогда въ Руской шеатрѣ не ѣздитъ, и даже говоритъ: „можно ли шуда ѣздитъ, гдѣ ни одной порядочной женщины не бываетъ?“ и если въ эшомъ поспоришь съ нею, такъ она шопчасъ скажетъ: „ахъ! mon cher! да шы взгляни шолько на публику во Францускомъ спектаклѣ и въ Русскомъ, такъ шы шопчасъ увидишь розницу.“ Сшаршій сынъ ихъ слу-

жить въ арміи прошивъ Французовъ (*), защищаешь храбро свое опечесство: однакожь на опечесственномъ языкѣ писаешь или не хочешь или не умѣешь; онъ пишешь къ бабюшкѣ, къ мапушкѣ и къ сесприцамъ по Француски. Письмо это всѣмъ читають, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что ежелибъ оно написано было по Руски, такъ бы его и показываешь не спали. Сему не должно удивляться: привычка и господствующее мнѣніе такъ сильны, что онѣ дѣлають чудеса, и въ такую берутъ человека неволю, что онъ прошивъ убѣжденій разума своего, насильно, какъ бы магнитомъ, втягиывается въ вихрь общаго предразсудка.

Теперь возьмемъ происшедшее отсюда не малое число поврежденныхъ во нравахъ людей (разумѣется одинъ побольше, другой поменьше); сложимъ оное съ великимъ числомъ тѣхъ, кои силою привычки, образа жизни и примѣровъ сдѣлались паче иноспранцами, нежели Рускими (также одинъ побольше, другой поменьше); придадимъ къ тому число подражателей всему, что въ обычаѣ; ибо извѣстно, что мѣлкое подражаетъ всегда крупному, малое большому; помножимъ все это тѣмъ, что чужеземные наши воспитатели, наставники, пріятели, искусники, художники, безпреспанными своими изобрѣшеніями,

(*) Писано во время войны.

хишроспями, выдумками, все сіе въ насъ питающъ, поддерживающъ, подкрѣпляютъ, умножаютъ—и тогда мы увидимъ, что такіе успѣхи нелегко могутъ быть оспановлены. Между тѣмъ они ведутъ насъ не къ блаженству и славѣ, но совсѣмъ въ прошивную сторону. Мы можемъ о томъ, куда они насъ ведутъ, заключить изъ того, до чего они насъ довели. Посмотримъ на сіе, хотя до половины только ошворенными глазами. Мы уже ошчаспи видѣли, что Славенскій древній, коренный, важный, великолѣпный языкъ нашъ, на копоромъ преданы намъ нравы, дѣла и законы нашихъ предковъ, на копоромъ основана церковная служба, вѣра и проповѣданіе слова Божіяго, сей языкъ оспавленъ, презрѣнъ; никшо въ немъ не упражняешся, и даже самое духовенство, сильною рукою обычая влекомое, начинаетъ уклоняться отъ онаго. Чшожь изъ того выходишь? Теофановы, Георгіевы проповѣди, копорымъ надлежало бы оспашься безсмертными, гремѣшь въ позднѣйшемъ попомствѣ, и бышь училищами Рускаго краснорѣчія, подобно какъ у Грековъ и Римлянъ были Демосееновы и Цицероновы слова—сім, говорю, проповѣди не только не имѣли многихъ и богатыхъ изданій, какъ-то въ другихъ земляхъ съ меньшими ихъ писателями дѣлаешся; но и одно изданіе до тѣхъ поръ въ цѣлоспи лежало, покуда наконецъ принуждены были

распродать оное не книгами, но пудами, по цѣнѣ бумаги! Предо мною лежишь книга *Théâtre de Pierre Corneille*, изданная въ 1764 году. При концѣ ея напечатанъ списокъ особъ подписавшихся на сіе изданіе. Сколько бы вы думали въ одинъ разъ разобрано экземпляровъ? при тысячи! Теперь сдѣлайте сравненіе между ими и нами. Но поспойте, еще одно. Сколько людей въ Европѣ читають Волпера, Корнелія, Расина? Можеть быть милліоновъ десяць, ежели не дващцать. Сколько человѣкъ читають ихъ въ Россіи? Можеть быть милліонъ или около того. А сколько человѣкъ, не говорю въ Европѣ, но въ Россіи, читають Ломоносова, Кантемира, Сумарокова? Числа сего опредѣлить не лзя; оно опчасу уменьшаеся: однакожь на угадъ полагашь можно, что перваго читають еще человѣкъ тысяча другая, а послѣднихъ двухъ врядъ и сопню наберешь ли. Такъ симъ ли образомъ прославимся мы словесностию нашею? Великіе таланты писателей, равно какъ и великія доблести полководцевъ однимъ и тѣмъ же рычагомъ извлекаются изъ сокровенности—честполюбіемъ и славою. Возникнешъ ли тамъ полководецъ, гдѣ подвиговъ воинскихъ нѣтъ не уважаетъ? Возникнешъ ли тамъ писатель, гдѣ тщательныхъ и долготѣсныхъ трудовъ нѣтъ не читаетъ? Нѣтъ! тамъ никакой умъ не предается глубокому ученію, долгому умствова-

нію, дабы прежде приношенія плодовъ приу-
гошовишь въ себѣ способность приносишь
ихъ зрѣлые и полезныя; шамъ ни въ комъ
не родившя мысль предприняшь нѣчто пвер-
дое, важное, и совершашъ оное не съ поспѣш-
ностію и небреженіемъ, но съ перпѣливо-
стію и безпреспаннымъ о томъ размышле-
ніемъ; шамъ не найдемъ мы сихъ шрудоло-
бивыхъ людей, копорые прежде нежели ра-
боту свою, въ какомъ бы шо ни было родѣ,
окончашъ, тысячу другихъ о томъ писа-
телей прочипаюшь, лучшее изъ нихъ почер-
пнушь, и собспвенный искусь свой съ ихъ
разсужденіями согласашъ: склонность къ ша-
ковымъ шрудамъ не иначе раждаешя какъ
опъ увѣренности въ возмездіи, состоящемъ
въ знаніи цѣны онымъ. Безъ сего будущъ
шолько показывашья временныя охотники
писашь, копорыхъ мѣлкія сочиненія не шре-
бують ни упражненій въ наукахъ, ни знаній
въ языкѣ, и о копорыхъ можно спихомъ
Сумарокова сказашь, что они

Когда раждаюшя, тогда и умираюшь.

При шаковыхъ обспоятельстввахъ коренный
языкъ нашъ опчасу болѣе будетъ погребашъ-
ся въ забвеніи, словесность поршпшя и
упадашь. Но безъ языка и словесности мо-
гушь ли распротраняшья науки? можешь
ли бышь просвѣщеніе? могушь ли процвѣ-
пашъ даже художества и руководѣлія? Нѣтъ!

безъ нихъ науки невнятные, законы мрачны, художества нелѣпы, руководствія грубы, и однимъ словомъ: все безъ вида, безъ образа, безъ души. Языкъ и словесность нужны не для однихъ наукъ, законовъ и художествъ; всякое ремесло, руководство и промыслъ ихъ же свѣтомъ освѣщающагося, опъ нихъ заимствуютъ свое совершенство. Свой языкъ упадаетъ, потому что предпочитается ему чужой; съ паденіемъ языка своего упадаетъ охота трудиться на немъ; безъ трудовъ и хорошихъ произведеній, а наипаче еще при общемъ отвращеніи опъ чтенія оныхъ, не воспламеняется воображеніе, молчишь изобрѣшеніе, не распушь ни въ какихъ родахъ искусства. Между тѣмъ чужіе народы пользуются симъ расположеніемъ, и не перестаютъ различными средствами отвращать наше вниманіе опъ самихъ себя и обращать оное на ихъ хитрости. Взглянемъ на прошедшее, и посмотримъ; не можемъ ли мы изъ самаго опыта извлечь какихъ нибудь доказательствъ. Спо дѣвъ тому назадъ, какъ мы начали учиться у иностранцевъ: что жъ, велики ли наши успѣхи? чему мы научились? Какіе плоды опъ нихъ собрали? Можемъ бытъ сказать: разширенія земель, побѣды, завоеванія! — Но этому не они насъ обучили. Безъ природной, свойственной намъ храбрости и любви къ отечеству нѣкогда было перенять, какимъ образомъ одержать

Полшавскую побѣду. Нѣтъ! это не ихъ наспавленія плоды. Въ этомъ они скорѣе научись, нежели бы научись насъ хотѣли, если бы могли. Я думаю, дорого бы дали они, чтобъ у солдатъ нашихъ была не православная душа, не Руское сердце, не мѣдная грудь. Ишакъ обратимъ глаза свои на другое, и посмотришь, много ли они, шакъ скажешь, въ прелесныхъ искусствахъ и хипроспяхъ своихъ насъ просвѣтили. Спо лѣтъ не одинъ годъ. Пора бы уже въ шакое долгое время и самимъ намъ сдѣлашся искусными. Но между шѣмъ воспитывающъ и всему обучающъ насъ иностранцы; дома наши, храмы, зданія, спрояшъ они же; убирающъ и украшающъ ихъ внутри они же; одѣвающъ и обувающъ насъ, женъ нашихъ, сыновей и дочерей они же. Безъ нихъ не умѣли бы мы ни занавѣсокъ развѣсипъ, ни спульевъ разспавипъ, ни чепчика, ни кафшана, ни сапоговъ на себя надѣшъ. Карешы, коляски, комоды, кресла, и всѣ домашнѣе для насъ приборы дѣлающъ они же, руками Рускихъ. Дѣшей нашихъ спояшъ прямо, кланяшся, панцовашъ, верхомъ ѣздишъ, смотрѣшъ въ лорнешъ, и проч., и проч., обучающъ они же. Оркеспрами и теапрами увеселяющъ насъ они же. По крайней мѣрѣ кушанье на кухняхъ нашихъ гошовапъ намъ Рускѣе повара? Нѣтъ, и шо дѣлающъ они же! Мы бы могли исчисленія сѣи продолжашъ до безконечности;

но довольно уже и сихъ не многихъ спашей. Вопросимъ шеперь, почему все сіе дѣлають иноземцы, и бѣльшею частію Французы? Развѣ природа одарила ихъ превосходнѣйшимъ умомъ и способностями? Развѣ она имъ мапъ, а намъ мачиха? — Кпо эшо подумаетъ! чья голова удобна ко вмѣщенію въ себѣ шакой ложной мысли? Тотъ развѣ, кпо не знаетъ Рускаго народа. Но опъ чего же иностранцы въ выдумкахъ, въ изобрѣшеніяхъ, въ знаніяхъ разнообразить свои работы, въ угожденіяхъ вкусу людей, въ прочной и красивой опдѣлкѣ вещей, и во многомъ другомъ, кажется, очевидно предъ нами преимуществуютъ? Сему надлежитъ искашь другой причины, инаго источника, а не природной пупоспи народа оспраго и на все способнаго. Весьма бы не худо было поприлѣжнѣ изслѣдовашъ, не шѣ ли же самыя причины, кошорыя вредятъ языку нашему и словесности, препятствуютъ возрасташъ и успѣхамъ нашимъ въ искусстввахъ, удовлетворяющихъ какъ нуждамъ, шакъ и роскоши? Выше сего разсуждали мы, что гдѣ чужой языкъ употребляется предпочпительнѣ своего, гдѣ чужія книги читаются больше нежели свои, тамъ при безмолвіи словесности все нѣкоторымъ образомъ вянешъ и не процвѣшаетъ. Присовокупимъ къ сему, что когда мы на одинъ изъ двухъ садовъ устремимъ свое вниманіе, шогда и умъ, и слухъ, и зрѣніе, и

вкусъ прилѣпляешь къ шому саду; отъ чего другой будетъ претерпѣвать по двумъ причинамъ: первое по предубѣжденію нашему пропивъ него, а второе и по шому, что дѣйствительно небреженіе о немъ, какъ померкшее надъ нимъ солнце, не будетъ извлекать изъ него тѣхъ произрастѣній, коими другіе сады украшаются. Обратитесь къ нему, согрѣйте его лучами вашего вниманія; не претруйте, чтобы онъ вдругъ и во мгновение ока представилъ взорамъ вашимъ рощи Африканскихъ и Американскихъ деревьевъ; потерпите, не претравайте насаждать, подчищать, разводить, умножать хорошее, истреблять худое: вы увидите, что онъ со временемъ раскинется и будетъ великолѣпенъ. Народъ поже, что садъ. Не отвращай взора отъ его произведеній; полюби сперва несовершенство ихъ, предпочти свое чужому, посели въ него честолюбіе, возроди ревность, возбуди въ немъ уваженіе къ самому себѣ: тогда природное дарованіе найдетъ себѣ пищу, начнетъ расти, возвышаться, отчасу дѣлаться искуснѣе, и наконецъ достигнетъ до совершенства. Но покуда не возникнетъ въ насъ изоспристельница ума, просвѣстельница вкуса, источникъ всѣхъ изобрѣтеній, народная гордость, собственныя свои достоинства любящая; до тѣхъ поръ способности наши не проявятся на свѣтъ; мы будемъ только смотрѣть, какъ дѣлаютъ ино-

*

спранцы; свой умъ оспанется бездѣй-
 ственъ, духъ непредпріимчивъ, око непро-
 зорливо, руки неискусны. — Выписываютъ
 ли Французы учителей нашихъ для воспи-
 панія дѣтей своихъ? Говорятъ ли въ Пари-
 жѣ языкомъ нашимъ? Много ли у нихъ на-
 шихъ поваровъ, лавокъ, вывѣсокъ, масте-
 ровъ, руководѣльниковъ? Нѣтъ, они сего не
 потерпятъ. Они, распространя языкъ свой,
 себя только считаятъ въ правѣ народною
 величаться гордостію; себя только назы-
 ваютъ великимъ народомъ, великою держа-
 вою. Мы съ неудовольствіемъ читаемъ въ
 книгахъ ихъ, что они часто жалуютъ насъ
 именами *des barbares, des esclaves*; они врутъ,
 но мы подаемъ имъ къ тому поводъ. Можеть
 ли поэтъ имѣть ко мнѣ должное уваженіе,
 кпо меня учить, одѣваетъ, убираетъ, или
 лучше сказать, обираетъ, и безъ чьего ру-
 ководства не могу сдѣлать я шагу? Со-
 всѣмъ иное понятіе возымѣли бы они объ
 насъ, когда бы мы, свергнувъ съ себя не-
 приличное намъ иго чуждаго языка и воспи-
 панія, оглянулись на собственное свое до-
 стоинство, и сказали имъ: „Какъ? мы, *вар-
 вары*, вѣкъ свой славимся нравами и ору-
 жіемъ; а вы, *не варвары*, ужасами революціи
 своей опияли славу у самого ада! Какъ?
 мы, *эсклавы*, повинуюемся Богомъ избранной
 надъ нами верховной власши и законамъ;
 а вы, *не эсклавы*, послѣ адской вольности,

воздвигшей убійственныя руки ваши на спариковъ и младенцевъ, наконецъ ползаете, когда палкою принудили васъ повиноваться! Какъ? мы, непросвѣщенные, почищаемъ вѣру, единственный источникъ добродѣтелей, единственную узду спраспей, разрушающихъ миръ и пищу, единственную связь благоустроенныхъ обществъ; а вы, просвѣщенные, попрали ее, и самое бышье Бога, не по чудесамъ созданнаго имъ міра, но по опредѣленіямъ Робеспіеровымъ признавали! Какъ? мы, имѣя коренный, древній, богатый языкъ, спанемъ предпочиташъ ему ваше скудное изъ разныхъ языковъ соспавленное нарѣчіе!“ — Такъ бы народная гордость наша долженствовала опвѣчать ихъ народной гордости, а не такимъ образомъ объ нихъ думашъ :

„Премудрые Французы! гдѣ намъ за вами гоняшъся! у васъ и мужики говоряшъ по Француски. Вы умѣете и чепчики дѣлать, и на головы накалывать, и цвѣшкы къ цвѣшамъ прибирашъ, и все, все знаете: куда намъ за вами гоняшъся! Ради самаго Парижа, не опспунайшесь опъ насъ! Будьте всегда нашими учителями, одѣвашелями, обувашелями, наряшателями, помѣшниками, даже и шогда, когда соопечественники ваши идущъ насъ жечь и губишъ!“ — Если мнѣніе наше о нихъ всегда будетъ такое, шакъ опложимъ попеченіе о возникеніи на-

шемъ со стороны наукъ, художествъ и рукодѣлій. Спанемъ припасашъ золото и плапиль имъ за все то, чего сами сдѣлашъ не умѣемъ. Мы не наживемъ славы, но за то проживемъ деньги.

Вошъ вамъ, господинъ Говоровъ, чистосердечныя мои мысли о связяхъ нашихъ съ иностранцами! покажите ихъ господину Ассессору вашему. Если онъ не вездѣ будетъ согласенъ съ ними; пакъ пусть меня поправишъ. Я могу сдѣлашъ ошибки, или сморѣшъ на вещи не съ той стороны, съ которой бы ихъ разсматривашъ надлежало; но я надѣюсь, что господинъ Ассессоръ и въ самыхъ ошибкахъ моихъ найдетъ одно чистосердечное усердіе къ моему опечесству, а не желаніе уничижашъ иностранцевъ. Въ заключеніе сего хотѣлъ бы я господину Ассессору отвѣчашъ нѣчто на его мнѣ возраженія; но опасаясь, чтобъ сіе не завело меня далеко, отзовусь только на нѣкоторыя изъ нихъ. Въ письмѣ (спран. 302) сказано: „Вопреки мнѣнію господина Сочинителя о сло-гѣ, онъ (господинъ Ассессоръ) утверждаетъ, что Славенскій языкъ по^чтно образованъ по свойству Греческаго, и что переводчики не мысли, но слова переводили. Кто не видитъ, что сложныя слова: *единороднаго, единосущнаго, воплотившагося, вогеловѣхшася, неискусобрагнаго*, соспавлены въ то время, когда надлежало перевести *μονογενῆ, ὁμοούσιον*,

ταρχωθέντα, ἐνανδρωπήσαντα, ἀπερρώμε и множество другихъ? Такимъ образомъ богапились всѣ языки.“ — Господинъ Ассессоръ думаетъ говоришь мнѣ вопреки тамъ, гдѣ я съ нимъ совершенно согласенъ. Подъ словами моими, на кошорыя онъ ссылаешся: „Языки не бочки; слова одного изъ нихъ не удобно переливать въ другой, шакъ какъ воду изъ одной бочки въ другую: при переливѣ ихъ пошребно умспвовашъ и размышляшъ. Сколько ни сравнивайше церковныя наши книги съ Греческими, вы не найдешъ въ нихъ сего перелива словъ изъ Греческаго въ нашъ языкъ.“ (Прибавл. сшран. 83). Подъ сими, говорю, словами моими опнюдъ не разумѣлъ я то, что мы при переводѣ книгъ опъ Грековъ ничего не заимспвовали; но что заимспвовали умѣючи: то естъ, шѣ только слова брали съ Греческаго, кошорыя по свойству ихъ и по свойству нашего языка равно вразумительны. Сія мысль моя весьма видна изъ предъидущей рѣчи, кошорую я сказалъ: „При переливѣ ихѣ пошребно цлствозать и размышлять.“ Какая нужда мнѣ, что *неискусобразная* переведено съ Греческаго *ἀπερρώμε*, когда я безъ Греческаго знаю, что *неискусобразная* естъ неискусившая брака? Я не называю это переводомъ словъ, пошому что шущъ съ переводомъ слова вмѣспѣ и мысль переводитсѣ; а по моему переводъ словъ шамъ, гдѣ слово взято съ чу-

жаго языка, но въ Рускомъ оно или не по значипть, или совсѣмъ ничего не значипть. Я бы вамъ показала здѣсь многіе шому примѣры; но крашкосць сего письма не позволяешть мнѣ распроспраняшья. Еще господинъ Ассессоръ говоришть: „Должны ли мы слова и словосочиненія, находящіяся въ Славенскихъ нашихъ книгахъ, *всѣ безбизбятія* употребляшть въ нынѣшнемъ високомъ сло-гѣ? нѣшть, и проч.“ Господинъ Ассессоръ сполько справедливъ, что конечно не скажешть про меня, будпо я совѣую употребляшть ихъ *всѣ безбизбятія*. Я скажу пошъ же самый *нѣтѣ*, но шолько тѣ, которыя разумъ вашъ одобришть. Однако я прибавлю къ шому, что малое наше упражненіе въ Славенскомъ языкѣ опъ многихъ важныхъ словъ и выраженій такъ насъ опъучило, напрошивъ частое чпеніе слабыхъ сочиненій и переводовъ ко многимъ проспонароднымъ словамъ и выраженіямъ такъ насъ пріучило, что мы, не давъ себѣ шруда хорошенько войши въ смыслъ и разумъ слова, доспойное приняшія нерѣдко опвергаемъ, а доспойное опверженія приедемъ. Не по бы мы были, когда бы не иначе о приличіи словъ шолковали, какъ съ глубокимъ изслѣдованіемъ всей обширности ихъ знаменованія; но въ шаковыхъ изслѣдованіяхъ мы еще весьма бѣдны. Господинъ Ассессоръ говоришть еще, что онъ развиваются способности, распускаются даро-

санія , грубой и тонкой ексцѣ , употреблять не переспанешъ ; въ этомъ и я ему послѣдую : однако не напишу развивается характеръ , цтонгенной ексцѣ , и гдѣ придется кспашпи поставлю вътротлѣнный , наитствѣтѣ , прозлбаетѣ . Всякой имѣетъ своего червячка . Что касается до прочихъ возраженій , я не исчисляю ихъ , ибо письмо сіе и пакъ уже велико ; но скажу только , что если бы случилось намъ съ господиномъ Ассессоромъ бытъ вмѣстѣ и почаще бесѣдовать , то можетъ бытъ оспалось бы весьма немного шакого , въ чемъ бы мы не согласились .

РАЗБИТИЕ

РУСКАГО ВОЕННАГО КОРАБЛЯ У БЕРЕГОВЪ
ШВЕЦІИ, ВЪ 1771 ГОДУ.

Въ началѣ 1771 года посланы мы (*) были сухимъ путемъ, подъ начальствомъ Кадетскаго Капишана, въ городъ Архангельскъ съ шѣмъ, чѣмъ опшуда моремъ возвратишься на построенныхъ тамъ корабляхъ. Насъ было слишкомъ 30 человекъ.

Мы жили въ прилежащей къ городу слободѣ, называемой Соломбола, въ обнесенныхъ тыномъ казармахъ. По вскрытіи Двины и по спускѣ на воду трехъ шестидесяти-шести-пушечныхъ кораблей, расписали насъ по онѣмъ. Я написанъ былъ на корабль N. Прежде, нежели приступлю къ описанію нашего путешествія, нужно читателю узнать свойства и нравы бывшихъ на семъ кораблѣ Офицеровъ. Начальствовавшій надъ онѣмъ Капишанъ 1-го ранга, N. былъ человекъ до-

(*) Кадеты Морскаго Кадетскаго Корпуса. Изд.

вольно добрый, но властлюбивый, пылкий и не совсемъ презвый. Второй по немъ, нашъ Кадепскій Капишанъ, также человекъ весьма добрый, услужливый, усердный къ службѣ и довольно неглупый, но часто заблуждающійся отъ излишнихъ умствованій, и при томъ предъ спаршими себя до крайности почтительный и робкій. Два Лейпенапта, изъ коихъ одинъ М. . . видный собою, искусный въ дѣлѣ своемъ и дружный съ Кадепскимъ Капишаномъ; W. . . , человекъ простой во всемъ пространствѣ слова; два Мичмана, одинъ Конспапель, (Архиллерійскій Офицеръ) и насъ восемь человекъ гардемаринъ; да при солдатской командѣ Капишанъ D., человекъ дородный, толстый, грубый и свирѣпый. О нравахъ двухъ первыхъ начальниковъ моихъ можно посудить изъ слѣдующаго со мною приключенія: мы перейдя черезъ находящійся при устьѣ Двины баръ (мелководіе, которое съ пустыми безъ груза кораблями переходятъ въ полную воду), стояли на якоряхъ и грузились, въ разстояніи около 30 верстъ отъ гавани и крѣпости, называемой Лопоминка, и сполько же еще отъ города Архангельска. Въ одинъ день одному изъ Мичмановъ даютъ подѣ начальство ботъ (судно) и посылаютъ его въ Лопоминку, чѣмъ шамъ налилъ нѣсколько бочекъ свѣжей воды и привезъ на корябль. Погода была прекрасная. Я былъ празденъ, нѣкопо-

рые изъ моихъ поварищей опспросились и поѣхали въ городъ Архангельскъ; мнѣ также захопѣлось погулять. Я просилъ, оппустишь меня съ посылаемымъ въ Лопоминку Мичманомъ: меня оппустили. Мичману вздумалось, пока бошъ будешь наливаясь водою, съѣздишь на шлюбкѣ въ городъ Архангельскъ. Я, не желая одинъ безъ него оспаться въ Лопоминкѣ, поѣхалъ съ нимъ. Пробывъ тамъ нѣсколько времени, мы возвратились назадъ; но боша уже не нашли: онъ, налившись водою, къ великому удивленію и досадѣ Мичмана, ушелъ къ кораблю. Мы поѣхали за нимъ. По несчастію, бошъ пришелъ за часъ или за два передъ нами. Капитанъ нашъ въ это самое время былъ у другаго Капитана въ гостяхъ и, обременя себя излишне напипками, возвращался на свой корабль. Увидя пришедшій бошъ, подѣхалъ къ нему и спросилъ, гдѣ Мичманъ? Сказали, что онъ уѣхалъ въ городъ. Поднялась превога! „Какъ смѣлъ онъ опспавить порученное ему судно и опъ него оплучиться!“ Разгнѣванный Капитанъ, услыша обо мнѣ, что я съ нимъ уѣхалъ, приказываетъ, какъ скоро мы возвратимся, Мичмана запереть на хлѣбъ и на воду въ каюшу, а меня опспавить на цѣлую ночь подъ лопы! Наказаніе тяжкое, особливо въ мои лѣта: продержашъ всю ночь на плечахъ двѣ свинцовыя гири, болѣ пуда вѣсомъ! Когда мы возвратились съ Мичманомъ

на корабль — Капишанъ спалъ. Намъ объявляють приговоръ: его запирають, а меня хопяшь спавишь подъ лопы, Я бросаюсь къ Кадешскому, собственно нашему, Капишану, и прошу его, меня защишишь, говоря, что я ни чѣмъ [не виновать, потому что не по должности посланъ былъ на боть, не самовольно опъ него оплучился, а оппущенный, куда мнѣ хопѣлось, погуляшь, возвратился назадъ съ шѣмъ, съ кѣмъ поѣхалъ. Кадешскій Капишанъ, признавая мою невинность, сожалѣеть обо мнѣ, однако приказываетъ класъ на меня лопы. Я въ опчаянїи! обливаюсь горькими слезами, умоляю, убѣждаю его и даже угрожаю, говоря, что я никогда не былъ наказанъ, что ему поведеніе мое извѣстно, что онъ наспосящій нашъ начальникъ, что сіе шяжкое, неприличное для юноши и ни чѣмъ не заслуженное мною наказаніе можетъ вогнать меня въ чахопку, и что Директоръ нашъ, узнавъ о семъ, конечно за меня вступишся.—Спрогій исполнишь воли начальника опвѣчаетъ мнѣ безъ гнѣва и съ сожалѣніемъ: „Такъ, мой другъ, ты правъ, я все эпо знаю; но какъ я могу оставишь безъ исполненія приказаніе Капишанское“ Туть вооружаюсь я всѣмъ моимъ краснорѣчіемъ и доказываю ему, что онъ не выдесть изъ повиновенія, что я прошу только опсрочишь наказаніе мое до ушра, покуда Капишанъ проснетъ, и что если не опмѣ-

нишь онъ своего приказанія , то и тогда успѣеть оное быть исполнено. Насилу , убѣжденный напоследокъ моими слезами и предспавленіями, онъ на то согласился. Поупру я прихожу къ Капишану , объясняю ему мою невинность, и прошу его, меня простишь. Онъ ошвѣчаетъ мнѣ: „За что простишь? шы ни мало невиновашъ. Я вчера не разобралъ хорошенько , и напрасно смѣшалъ тебя съ Мичманомъ. Поди и будь покоенъ.“ Вошь! (подумалъ я тогда) и со мною пожъ случилось, что съ Македонскою бабою, копорая презвому Филиппу подавала челобитную на пьянаго Филиппа.

По нагруженіи кораблей, мы ошправились въ походъ и плыли по Бѣлому морю съ перемѣнными и пихими вѣпрами. Въ одинъ день, во время гуспаго шумана , при бросаніи лопа (*) оказалось, что вдругъ съ глубины 25 взошли мы на глубину 7 сажень. Успрашась сего обстоятельства , спали мы потчасъ на якорь. Но какъ шуманъ не прочищался и вѣпръ дѣлался свѣжѣе , то опасаясь долѣе шупъ спояшь, и обмѣря на посланныхъ шлюпкахъ вокругъ себя глубину, подняли мы якорь и пошли въ ту спорону, гдѣ шановилось глубже. Теченіе моря было

(*) Свинцовая съ длинною веревкою гиря , употребляемая для измѣренія глубины воды подъ кораблемъ.

съ нами, и въпрѣ дулъ намъ попушный. Мы шли нѣсколько часовъ и спали опять на якорь. Послѣ полудня шуманъ прочистился, и мы увидѣли верспахъ въ шрехъ или чешы-рехъ предъ собою крупной каменной берегъ. Сей грозный сосѣдъ принуждалъ насъ, поскорѣ опъ него удалихся. Но какъ довольно свѣжій, прямо на берегъ дующій въпрѣ и сильное шуда же печеніе моря наводили намъ спрахъ, чшобъ при медленности подниманія обыкновеннымъ образомъ якоря не прижало насъ къ берегу, шо разсуждали, чшобъ вспу-пишъ подъ паруса вдругъ, ш. е. распустишъ и наполнишъ ихъ, не поднимая якоря, и когда корабль возмешъ движеніе, шо отрубишъ канашъ. Однакожъ Капитанъ былъ на шо не согласенъ: ему не хотѣлось лишиться якоря. Онъ спросилъ, нѣшъ ли на корабль кого-нибудь изъ города-Архангельскихъ рекрушъ? Сыскали одного мапраса. Спрашивають его: хаживалъ ли онъ по Бѣлому морю? (Городо-Архангельскіе жишели почти всѣ рыболовы.) Онъ опвѣчалъ: хаживалъ.—Какой же эшо берегъ? — Тотъ, кошорый идешъ опъ Орлова носа.—А гдѣ Орловъ носъ?—Оспался назади, мы его прошли. (Сіе сказаніе мапраса не согласно было съ нашимъ исчисленіемъ; ибо мы по каршѣ считали себя далеко еще не дошедшими до мыса, называемаго Орловъ насъ.—Можно ли намъ сняхся съ якоря? — Можно, опвѣчалъ онъ: берегъ приглубъ, пе-

ченіе хопя и бросишь насъ къ нему , но встрѣчное опъ него печеніе понесешь насъ вдоль онаго. — Капитанъ велѣлъ сниматься съ якоря. Лейтенантъ М. . . предсказывалъ , что въ подобныхъ случаяхъ не должно полагаться на слова мажорса , и лучше потерять одинъ якорь , чѣмъ подвергать корабль опасности. Однакожъ Капитанъ заупрямился и велѣлъ немедленно сниматься. Опытъ показалъ , что мажорсъ говорилъ правду: лишь только якорь опдѣлился опъ дна моря , корабль какъ стрѣла полетѣлъ на каменный утесъ: мы до смерти перепугались; но чѣмъ ближе къ берегу , тѣмъ быспроша его спазновилась меньше: опражающее опъ берега печеніе спиралось напекающимъ на оное , и не допускало насъ къ нему приближаться: мы успѣли вывернуть якорь , убрать его , наполнивъ парусы и направили пушь свой въ море.

По выходѣ въ Океанъ и по долгомъ плаваніи , при противныхъ вѣтрахъ зашли мы , для запасенія себя прѣсною водою , въ проливъ между Лапландскимъ берегомъ и оспровомъ Кильдюиномъ. Оспровъ сей необитаемъ. Мы нашли на немъ нѣсколько рыбачьихъ хижинъ. Лѣтомъ прѣзжаютъ на него рыболовы , и осенью уѣзжаютъ назадъ. Они сказывали мнѣ , что ходятъ для промысла въ Океанъ и удаляются верстъ по сту опъ берега Видя худыя суда ихъ , я спросилъ , какъ

могушъ они на такихъ судахъ такъ далеко ходишъ? ну ежели заспанешъ буря? — Такъ чтожъ? опвѣчали сіи философы съ холодностію, кого заспанешъ, потъ упонешъ. Я видѣлъ шупъ еще семидесяти-лѣшняго спарика, спорожа оленей, кошорый во всю свою жизнь, какъ себя запомнишъ, изъ Кильдюина никуда не оплучался. Лѣпомъ мѣсяца при проводишъ онъ съ прѣзжающими рыбаками, а въ оспальное время года живешъ одинъ. Я разговаривая съ нимъ, спросилъ у него: какъ же зимою, когда проливъ замерзаешъ, не боишся пы забѣгающихъ сюда волковъ и медвѣдей? — Чего бояшся, опвѣчалъ онъ, съ увѣренностію, они меня ужъ знающъ и не пронущъ.

Проспоявъ дни при въ Кильдюинѣ, пошли мы опяшъ въ Океанъ и продолжали пущъ свой. Сдѣлались пропивные и крѣпкіе вѣтры. Мы долго съ ними боролись и ничего не видали, кромѣ кувыркающихся киповъ, кошорые хребты свои, наподобіе черныхъ холмовъ, изъ воды выпавляли, и, фыркаая, пускали изъ ноздрей высокіе водомешы. Мы забрались далеко къ сѣверу, такъ что солнце въ самую полночь не заходило уже подъ горизонтъ. Смошря въ сіи часы на сіе величественное свѣпило, кошорое казалось бытъ гораздо больше и краснѣе нежели въ полуденной высотѣ, и любуясь озаряющими по-

верхность моря лучами его, я съ восхищеніемъ вспоминалъ стихи Ломоносова:

„Достигло дневное до полночи свѣшило,
 „Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло,
 „Какъ пламенна гора, казалось межъ валовъ,
 „И проспирало блескъ багровый изъ-за-льдовъ.
 „Среди пречудныхъ, при ясномъ солнцѣ, ночи
 „Верхи злашихъ зыбей пловцамъ сверкающъ
 въ очи.

Мнѣ мечталось, что я смопрю на него глазами Ломоносова и плыву съ Петромъ Великимъ.

Послѣ долгаго времени, вѣпры спали спановишья попушнѣ, ночи длиннѣ и темнѣ. Мы перешли великое разстояніе, миновали опасную пучину, называемую Мальшпромъ. Я въ свободные часы занимался разсмаприваніемъ разныхъ явленій: иногда днемъ по цѣлому часу смопрѣлъ въ воду, копорая была шакъ прозрачна, что, опустя въ нее бѣлой камушекъ, можно было видѣшь его нѣсколько секундъ, покуда не погрузишся онъ сажень на 20 или болѣе. Иногда любовался плавающими въ ней цвѣшами, копорые, наподобіе песпрыхъ распуспившихся колпаковъ, изъ подъ кормы показывались. Прекрасный видъ ихъ, коль скоро ихъ поймашь и вынешь изъ воды, шопчась ишчезаль и превращался въ нѣкую ссѣдшуюся непріятную слизь. Всего же болѣе нравилось мнѣ, по ночамъ сидѣшь на носу корабля:

вода имѣла нѣкое лучезарное свойство, пакъ что обмоченная въ нее вещь казалась въ шемногѣ бытъ огненною. Валы, ударя въ носъ и отражаясь отъ него, раздроблялись на безчисленное множество брызговъ, свѣ-
 пющихся подобно разноцвѣтнымъ искрамъ. Казалось, корабль шествуя, сражается еже-
 минушно съ нападающими на него исполи-
 нами, и въ гнѣвъ, попирая ихъ, сыплеть отъ себя огонь и пламя. Въ одинъ день до-
 спали мы лошомъ дно морское: глубина бы-
 ла 70 сажень. Мы наѣхали въ это время на
 необъяснмое количество сельдей. Корабль
 нашъ нѣсколько часовъ, почти при совер-
 шенной тишинѣ въпра, плылъ тихо, какъ
 бы посреди ихъ; ибо отъ самаго верха воды
 до такой глубины, до какой взоръ при чи-
 стогѣ и прозрачности ея проникалъ могъ,
 вся она наполнена была слоями сихъ рыбъ,
 и вокругъ корабля, сколько зрѣніемъ при ясной
 погодѣ можно было обнять, повсюду гладкая
 поверхность воды рябѣла отъ прикосновенія
 ихъ къ оной.

Наконецъ, по долгомъ странствованіи и
 по претерпѣніи многихъ буръ, пришли мы
 уже въ половинѣ Октября въ Копенгагенъ,
 гдѣ пробывъ нѣсколько дней, спѣшили оп-
 правиться въ пушъ. Мы снялись съ якоря
 около полудня, и съ крѣпкимъ попутнымъ
 вѣтромъ въ весьма темную ночь спали при-
 ближаясь къ острову Борнгольму. Въ 8 ча-

*

совъ вечера, по означеніи на картѣ пункша (ш. е. мѣста, въ копоромъ мы себя считали), и по опредѣленіи ошъ него курса (ш. е. пущи, копорымъ кораблю плышь надлежало), Капитанъ, давъ о шомъ приказаніе свое вахшенному (на спражъ споящему) Лейтенанту, легъ спать. Наспалъ десятой часъ: время, въ копорое по соображенію скорости хода, должны мы были проходить между Шведскимъ берегомъ и оспровомъ Борнгольмомъ. Въпръ усилился. Ходъ корабля былъ чрезвычайно быспрый — по 20 верстъ въ часъ. Ночь прешемная. Поспавленные нарочно для сморѣнія на бакъ (ш. е. на носу корабля) люди, на вопросъ часто повшоряемый: не видашь ли земли? отвѣшсшвовали всегда — ничего невидать! Въ сихъ обстояшельствахъ Шпурманъ (исчислишель пущи корабельнаго) беретъ карту, сморитъ на нее, мѣряетъ и пожимаетъ плечами. Вахшенный Лейтенантъ подходитъ къ нему и спрашиваетъ чшо ты посмаприваешь на карту и пожимаешься? Онъ отвѣчаетъ: оспровъ эшотъ меня крѣпко безпокоитъ; курсъ нашъ по картѣ, конечно, хорошъ, ведетъ мимо его; но кшо можетъ положишь на шочность исчисления? При шомъ же мрачность погоды не позволила намъ яснымъ разсморѣніемъ береговъ хорошенько повѣритъ онаго; и шакъ если положишь, чшо подлинное мѣсто наше въ 8 часовъ было мористѣ (далѣе ошъ Швед-

скихъ береговъ), нежели какъ означенный нами на картѣ пунктъ показывается, то мы, идучи симъ курсомъ, попадемъ на оспровъ, а берега его шакъ крупы и приглубы, что при такой темнотѣ и скорости хода, не успѣемъ мы его увидѣть, какъ уже объ него ударимся, и можемъ быть разобьемся въ щепы. — Сомнѣніе сіе устращило Лейпенапта. Онъ говоритъ: чтожь намъ дѣлать? не разбудить ли Капитана? Штурманъ отвѣчаетъ: Капитанъ не поможетъ, попому что, полагая погрѣшность счисляемаго пункта въ одну сторону, путь сей опасенъ, а полагая ее въ другую, переменна онаго опасна; и такъ Капитанъ, не больше нашего о вѣрности пункта извѣстный, будетъ точно въ такой же нерѣшимости, какъ и мы. Разговоръ сей умножалъ опчасу болѣе страхъ ихъ, у котораго, какъ говорится пословица, глаза велики. Лейпенаптъ нѣсколько разъ спрашивалъ: не сказать ли Капитану? Штурманъ отвѣчалъ всегда, что опъ того не произойдетъ никакой пользы. Мое бы мнѣніе, продолжалъ онъ, не сказывая ему, спустишься не много къ Шведскимъ берегамъ, и черезъ полчаса взявъ онятъ поплъ путь, которымъ шеперь идемъ. Такимъ образомъ еслибъ и была предполагаемая мною погрѣшность въ счисленіи, то бы мы, не давъ ни кому того примѣнить, поправили оную и миновали оспровъ. Лейпенаптъ, по нѣкто-

ромъ колебаніи, согласился на его предложеніе. Они перемѣняютъ пупъ, спускаются на два или на три румба (*) къ Шведскому берегу, дабы уклониться отъ ужасающаго воображеніе ихъ острова. Не прошло десяти минутъ, какъ люди, стоящіе на носу корабля, стали кричать: кажется, какъ будто земля чернѣется! — Гдѣ? — Въ правой рукѣ, передъ носомъ. — Вотъ, вскричалъ обрадованный Штурманъ, это Борнгольмъ! хорошо, что мы отъ него отворопили, а то бы попали прямо на него. Въ это самое время Капитанъ выходитъ изъ своей каюты; ему говорятъ: Борнгольмъ видѣнъ. Онъ спрашиваетъ: гдѣ? въ какой сторонѣ? Ему указываютъ. Онъ смотритъ и говоритъ: у меня глаза худы, я ничего не вижу. — Черезъ двѣ или три минуты, съ носу корабля вдругъ нѣсколько голосовъ закричали: кругомъ видна земля! Сія слова всѣхъ какъ громомъ поражаютъ. Кадетской Капитанъ и Лейтенантъ М. . . . выбѣгаютъ снизу на верхъ. Послѣдній изъ нихъ, смотря на компасъ и видя, что корабль лежитъ не на томъ пупѣ, какой положено было держать, закричалъ: лѣво руля! — Но едва онъ успѣлъ сіе

(*) Корабль правитъ по кругу, именуемому компасомъ, котораго окружность, для показанія странъ свѣща, раздѣляется на 32 точки, называемыя румбами.

произнеспи, какъ вдругъ почувствовали мы такой ударъ, что едва могли устоять на ногахъ. Корабль пошчасъ повернуло. Онъ спалъ бокомъ прошивъ въпра. Паруса заплоскали. Въпръ, не надувая ихъ болѣе, началъ сильно рвать и бить ихъ объ мачшу. Подъ кораблемъ было только при сажени воды: онъ стоялъ уже дномъ своимъ на днѣ моря. Волны, подобныя горамъ, то поднимали его къ верху, то опускали стремительно внизъ. Тяжелая громада сія, имѣющая около двухъ сотъ тысячъ пудовъ въсу, съ такою силою ударялась о землю, что, казалось, всѣ члены ея мгновенно распоргнулись и разсыплются; высота и тяжесть мачшъ съ висящими на нихъ реями и снастями; при каждомъ ударѣ, наклоняла ее часъ опчасу ниже на бокъ, такъ что напоследокъ верхнія пушки спали досававъ до воды, и на палубѣ не можно было стоять, не схватясь за что-нибудь руками. Сначала людямъ велѣли идти на мачшы, дабы убрать и закрепить паруса; они въ числѣ около ста чловѣкъ, не сморя на трудность и угрожающую имъ великую опасность, ползли смѣло, и въ двѣ или три минуты были уже тамъ; но когда, при повтореніи нѣсколькихъ ударовъ, Капитанъ увидѣлъ что мачшы, сами по себѣ высокія и тяжелыя, но еще болѣе тяжестію людей вверху обремененныя, поводящъ корабль на бокъ, то велѣлъ пошчасъ

рубить ихъ. Время не позволяло обождашь столько, чшобъ дашь людямъ сойши на низъ. Должно было ими пожертвовашъ. Для того удовольствовались только тѣмъ, что закричали имъ: мачты рубяшь! Минута погибели наступала, (ибо съ первымъ или со вторымъ наклономъ корабля ожидали, что онъ повалился); надлежало ее предупредить; но какъ можно было въ нѣсколько секундъ срубить три дерева, каждое охваща въ два полщиною? Въ невозможности сего велѣли, какъ можно скорѣе съ надвѣренной стороны перерубить шкмо по нѣсколько шалреповъ у вантъ каждой мачты (*).

Въ сіе время одинъ изъ матросовъ, самый пьяный и, за худое поведеніе, всегда почти въ оковахъ содержимый, оказываешь удивительное усердіе и распорочность, Онъ подбѣгаетъ съ попоромъ къ Капитану и говоритъ ему: наложи руку, шюкни одинъ только разъ, оспальное я все сдѣлаю. Капитанъ беретъ попоръ и ударивъ имъ по ве-

(*) Имена тонкихъ веревокъ (шалрепы) при концахъ, толстыхъ (ванты), которыми вершины мачтъ присоединяются къ бокамъ корабля, дабы при наклонахъ онаго на шюшь или другой бокъ, мачта поддерживаема была оными, и припомъ, чшобъ можно было по нимъ, какъ по лѣстницамъ, лазить на верхъ ея.

ревкѣ, отдаешь ему оный обратно. Онъ цѣпокъ и скоръ, какъ дикая коза, въ одно мгновеніе перелезаетъ, обрубая веревки, отъ одной мачты къ другой. Корабль, между тѣмъ ударясь еще разъ объ землю, клонится съ великою быспрошою на бокъ. Мачты, освобожденныя уже отъ поддерживанія веревками, не переносятъ болѣе спремительности наклона и всѣ при въ одинъ мигъ съ ужаснымъ прескомъ ломаются и падаютъ въ море. Изъ бывшихъ на нихъ людей ни одинъ не погибъ: всѣ они съ удивительнымъ проворствомъ успѣли по висячимъ веревкамъ спуститься на низъ. Машросъ, оказавшій шоль великую распоропность при срубкѣ оныхъ, оказываетъ еще примѣрное великодушіе. Онъ, перерубя послѣднія веревки у кормовой мачты, и въ то самое время какъ уже наступаетъ мгновеніе ей сломишья, видишь впереди себя споящаго спиною къ нему Офицера, и усматриваетъ, что когда мачта сломишья, то концемъ висящаго на ней косвенно рѣя (бревна) его убьетъ. Онъ, не имѣя ни времени ему закричать, ни надежды, чтобы онъ въ шумѣ услышалъ его, бросается съ верхняго помоста, на кошоромъ онъ споялъ, въ низъ къ сему Офицеру, полкаетъ его обѣими руками въ спину, но самъ не успѣваетъ уже отскочить: бревно ударяетъ его и кидаетъ безчувственна къ боршу.

Облегченный опъ мачтъ корабль переспало съ боку на бокъ валять; но продолжало приподымать его валами и спучать о землю. Темнопа ночи не позволила намъ осмопрѣть, гдѣ мы и на какую мель сѣли. Въ опасеніи, чпобъ корабль, двигаясь по дну моря, не насунулся на шакой величины камень, копорый могъ его проломить, положили мы якорь. Вскорѣ руль выбило, многія наружныя доски или пояса, называемые обшивкою, оподрало, и въ корабль показалась печь, пакъ чпо накопляющуюся въ него воду едва всѣми помпами опливать могли. Состояніе наше послѣ срубленія мачтъ сдѣлалось бездѣйственнее, но шѣмъ болѣе ужасное. Сильные удары попрысали всѣ члены корабля. Каждый часъ угрожалъ гибелью. Люди, приготавливаясь къ смерти, надѣвали на себя бѣлыя рубашки. Священникъ въ облаченіи чипалъ предъ образомъ молишвы; всѣ въ отчаянномъ спрахѣ, иные падши ницъ, иные стоя на колѣняхъ, иные съ воздѣшными къ небу руками, молились, и, какъ обреченныя жершвы, оплакивали послѣднія свои минуты. Между шѣмъ шумъ моря, скрипъ членовъ корабля, унылый свистъ вѣпра вокругъ обломковъ мачтъ, и пушечные, для призванія помощи, ежеминутно производимые выстрѣлы, напоминали безпрестанно, чпо мы гибнемъ и нѣтъ спасенія. Посреди сей всеобщей горести и плача,

всѣхъ бодрѣе, всѣхъ веселѣе былъ между нами Конспапель, Лифляндской дворянинъ N. . . . человекъ молодой, спашный собою и хорошій мнѣ пріятель. Онъ съ распущенными волосами бѣгалъ по кораблю и поминутно кричалъ: пали! Часо подходилъ ко мнѣ, шутилъ, смѣялся и, утѣшая меня, говорилъ: не бойся! я сдѣлаю, что насъ услышатъ и подадутъ намъ помощь. — Наконецъ, послѣ ужасныхъ часовъ безконечной ночи, разсвѣтаетъ день. Мы видимъ себя въ двухъ или менѣе версахъ подлѣ Шведскаго берега. Мнимый островъ Борнгольмъ былъ мысъ берега. Погрѣшность въ счисленіи дѣйствительно оказалась, но только съ тою еще ошибкою, что Штурманъ полагалъ насъ стоящее мѣсто корабля далѣе отъ береговъ, нежели счисляемой на картѣ пунктъ, а оно напрошивъ того было ближе, и потому для избѣжанія опасности надлежало бы не отъ Борнгольма къ нимъ, но отъ нихъ къ Борнгольму придержиаться, то есть сдѣлать прошивное тому, что мы по несчастію сдѣлали.

Наспало упрѣ: мы узнали мѣсто пребыванія своего; но положеніе наше ни мало не сдѣлалось чрезъ то лучше. Въспрѣ дулъ шопъ же и споль же крѣпкій. Сила ударовъ не уменьшалась. Корабль нашъ приходилъ въ худшее состояніе, и сокрушеніе онаго спановилось чрезъ нѣсколько часовъ неми-

нуемымъ. Внутри онаго царствовали смятеніе и страхъ. Капитанъ заперся въ каютѣ и не выходилъ изъ нее. Лейтенантъ W., былъ почти въ изскупленіи ума! онъ лежалъ въ постелѣ своей и безпрестанно повсорялъ: я виноватъ! я мапрося! я погибъ! Оспавались дѣйствующими лицами кадетской Капитанъ и Лейтенантъ M. . . . кошорые оба, а особливо первый изъ нихъ сохранилъ въ себѣ опличное присущствіе духа и не преспавалъ обо всемъ пещися. Онъ приспавилъ къ виннымъ бочкамъ часовыхъ съ ружьями, дабы люди изъ опчаяніа не покусились предашьа пьянству, и далъ приказаніе, перваго, кшо спанетъ упошребляшь къ тому насильство, заколошь на мѣстѣ. Онъ созвалъ къ себѣ Офицеровъ, урядниковъ и нѣсколько челоувѣкъ изъ старшихъ мапросовъ для совѣща (консильума), на копоромъ положено было слѣдующее: „Какъ нѣтъ ни, „какой надежды къ спасенію корабля, (ибо „онъ при шоль сильныхъ ударахъ черезъ „нѣсколько часовъ долженъ сокрушиться), „по оспаестьа шолько помышлять о спасеніи людей: для сего приступитъ немедленно „но къ выпусканію канаша, дабы сила вѣшра „могла безпрепятственнo двигашъ корабль „ближе къ берегу. Но какъ, вѣрояшно, глубина спанетъ по мѣрѣ шого уменьшаься „и корабль ошановиься, въ шакомъ случаѣ „спарашьа всѣми средствами облегчаь

„его, а именно спалкивать и выбрасывать
 „пушки и всё большія шягоспи въ воду, ру-
 „бить помосты, пояса, доски, связывая ихъ
 „веревками вмѣстѣ, дабы въ то время, когда
 „корабль погибать начнеть, люди на сихъ
 „плохахъ могли спасаться.“ Совѣтъ сей всё,
 бывшіе на немъ, ушвердили и подписали.
 Кадетскій Капитанъ, какъ въпорый на ко-
 раблѣ начальникъ, понесъ оный къ Капитану
 на ушверженіе. Мы всё, стоя передъ дверя-
 ми Капитанской каюты, ожидали съ непер-
 пѣніемъ выхода его изъ оной. Но вдругъ
 услышали гнѣвный крикъ: „вонъ опселѣ,
 вонъ! не смѣй ко мнѣ ходишь: я хочу уме-
 реть здѣсь, и пусть всё со мною умирають!“
 Кадетскій Капитанъ выходитъ смущенъ,
 блѣденъ, и повторяетъ слышанный уже на-
 ми Капитанскій отвѣтъ: — Спонъ и вопль
 распространяющся между всѣми, а особливо
 между нами — юношами. Мы всё, гардема-
 рины, одинъ за другимъ бѣжимъ къ нему
 въ каюту и передъ нимъ рыдаемъ. Онъ вмѣ-
 сто того, чѣмъ сжалился надъ слезами
 нашими, выпалкиваетъ и прогоняетъ насъ
 съ угрозами. Новый плачь и горе! Солнце
 приближалось уже къ полудню, и воображе-
 ніе, что корабль въ наступающую ночь раз-
 валился, увеличивало наше неперпѣніе.
 Всё ропщущъ, приспаяющъ къ кадетскому
 Капитану, чѣмъ онъ принялъ начальство
 надъ кораблемъ. Онъ отказывается, не хо-

чепъ, уговариваетъ всѣхъ, чѣмъ опспали
 опъ сего пребованія. Однако оно усиливаетъ
 ся и всѣми единодушно повпоряется. Ка-
 дешскій Капишанъ, видя непреклонную всѣхъ
 волю, напослѣдокъ соглашается. Онъ со всѣ-
 ми Офицерами, гардемаринами, урядниками
 и многими мапросами (всего человѣкъ сорокъ)
 входитъ въ каюшу къ Капишану, бросается
 предъ нимъ на колѣни, проситъ, чѣмъ онъ
 согласился на положенное въ совѣщъ всѣхъ
 общее желаніе и единственное къ спасенію
 средство, не перпящее оплагашельства вре-
 мени. Всѣ другіе дѣлаютъ шоже, окружаютъ
 Капишана, ползаютъ предъ нимъ на колѣ-
 няхъ, цѣлуютъ полы плащя его, рыдаютъ,
 молятъ. Онъ, непреклонный ни чѣмъ, упор-
 ствуетъ и гнѣвается: весь опвѣтъ его со-
 стоялъ въ словахъ: „пруссы! вы не хошите
 умереть со мною. Вонъ опсель!“ Тогда ка-
 дешскій Капишанъ вспааетъ и говоритъ ему
 почтительнымъ, но швердымъ голосомъ:
 „бапюшка N. . . N. . . . необходимо надобно
 согласишься: всѣ чины и служители кора-
 бельные сего желаютъ и въ случаѣ сопроти-
 вленія вашего пребываютъ, чѣмъ я, смѣня и
 засада васъ подъ спражу, принялъ надъ ними
 начальство.“ При сихъ словахъ повелитель-
 ный голосъ Капишана умолкаетъ, онъ заду-
 мывается, слезы появляются у него въ очахъ,
 онъ упадаетъ на грудь кадешкаго Капишана
 и съ кропосію говоритъ ему: „начинай

съ Богомъ! я соглашаюсь. Впрочемъ, если надобно, принимай начальство надъ кораблемъ.“ Нѣтъ, вскричалъ тогда Кадепскій Капишанъ, я иду исполнять не свою, не общую, но вашу единственную волю.

Сказавъ сіе, выходящъ изъ каюты. Топчасъ приспущаютъ къ исполненію того, что положено въ совѣтѣ. Сперва хопятъ сполкнутъ за бортъ нѣсколько пушекъ; но Лейтенантъ М. . . возражаетъ противу сего, представляя опасность, что корабль объ самыя сіи пушки, когда онѣ упадутъ подлѣ него на дно моря, проломленъ бытъ можетъ. И пакъ опсущаютъ опъ сего намѣренія и и велятъ шолько выпускатъ канатъ. — Корабль, получа свободу, сходитъ съ мѣста своего и движимый силою вѣтра и волнъ, идетъ, спучитъ о землю, и раздираниемъ ея раздраетъ дно свое на части: мы всѣ въ трепетѣ, въ страхѣ, ожидаемъ разрушенія его; но едва перешелъ онъ сорокъ или пятьдесятъ сажень, какъ мѣряющій на кормѣ глубину Подштурманъ закричалъ: „воды подъ кораблемъ при съ половиною сажени.“ Слова сіи произвели неопи-санную радость. Полсажени прибавилось — повшорили всѣ. Вскорѣ попомъ закричалъ онъ опять: „четыре сажени! и въ слѣдъ за тѣмъ опять — четыре съ половиною сажени! — Каждое восклицаніе сіе было какъ бы нѣкій благодатный гласъ, опсрочивающій

нашу погибель. Всѣ закричали потчасъ: положишь якорь! положить якорь!

Дѣйствительно якорь въ ту же минуточку былъ брошенъ, и корабль, спавъ на вольной водѣ, переспалъ ударяясь о землю. Воспоргъ нашъ въ первыя минуточки былъ чрезвычайный: мы обнимались, цѣловались, плакали отъ радости, поздравляли другъ друга; но вскорѣ оный весьма уменьшился: размышленіе, что мы безъ мачты, безъ руля, что корабль нашъ печется, что, вѣроятно, глубина сія есть небольшая окруженная мѣлю яма, изъ копорой намъ не лзя будетъ выдти; что можетъ быть якорь насъ не удержитъ, или что вѣпръ, сдѣлавшись съ другой стороны, поворошитъ корабль и кинетъ опять на ту мѣлю, съ копорой онъ сошелъ. Всѣ сіи воображенія снова погрузили насъ въ уныніе, и наступавшая ночь казалась намъ столь же страшною, какъ и прошедшая.

Между тѣмъ однакожь съ великимъ трудомъ спустили мы шлюпку, съ тѣмъ, чтобы отправить ее на берегъ для пребыванія помощи. На ней посылался Конспапель и пріемъ два человека солдатъ съ унтеръ-офицеромъ. Я въ это время былъ на низу корабля въ моей каютѣ. Конспапель прибѣгаетъ ко мнѣ и съ восхищеніемъ говоритъ: „Знаешь ли что? меня посылаютъ на берегъ. Поѣдемъ со мною. Здѣсь опасно оставаться, а тамъ мы будемъ спокойны. Хо-

чешь ли, я скажу Капишану, что ты мнѣ надобенъ?" Я съ радостію согласился, и мы пошли вмѣстѣ; но лишь только приходимъ мы къ дверямъ Капишанской каюшы, какъ вдругъ, не знаю отъ чего, родившійся во мнѣ страхъ перемѣняетъ во мнѣ мысли. Я оспанавливаю Констапеля и усиленно прошу его: ради Бога! не говори обо мнѣ Капишану, я не хочу ѣхать. — Онъ удивляется; спрашиваетъ меня, что тебѣ сдѣлалось? проситъ, убѣждаетъ, говоритъ: эй! ты будешь жалѣть о томъ, да ужъ поздно. Черезъ пять минутъ мы будемъ на берегу. — Но всѣ слова его были щещны; я стоялъ упорно въ моемъ намѣреніи, и просилъ его убѣдительно, не упоминавъ имени моего предъ Капишаномъ. Онъ вошелъ въ каюшу и, получа приказаніе, вышелъ опшуда, чтобъ сѣсть въ шлюпку, которая стояла уже у борту, совсѣмъ гошовой. Мы примѣпили въ немъ великую перемѣну: онъ былъ смупенъ, обыкновенная веселость его исчезла, слезы капились по лицу. При сходѣ съ корабля на шлюпку сказалъ онъ намъ: „прощайте, брашцы! я первый ѣду на смерть! — и шлюпка опвалила, распустила паруса, понеслась ппицею по морю, ныряетъ между валами; мы провожаемъ ее глазами и наконецъ съ ужасомъ видимъ, что она, подходя къ берегу, опрокидывается... Тутъ бросился я въ свою каюшу, зашворился въ ней и, упавъ на колѣни, изъ глубины души моей благода-

Ч а с т ь XII.

рилъ Бога за внушенную въ мысли мои перемѣну, избавившую меня отъ предстоявшей мнѣ гибели. Потомъ легъ въ постелю. Печальное воображеніе о пріятелѣ моемъ, несчастномъ Конспапелѣ, долго меня превозжило, пока напослѣдокъ усалость и проведенныя въ страхъ и безпокойствѣ ночь и утро — погрузили меня въ крѣпкій сонъ. ..

Но сонъ мой недолго продолжался; вдругъ будятъ меня съ поропливосіію и говорятъ: „Капишанъ спрашиваетъ, скорѣе, скорѣе!“ Я испугавшись и съ просонку вскочилъ и бѣгу, какъ былъ, въ шулупъ. Вижу, что уже смерклось; нахожу на бортѣ (*) много людей, смотрѣвшихъ на лодку съ двумя человѣками, держащуюся въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ корабля. Капишанъ приказываетъ мнѣ, спросить у нихъ, откуда они и кто ихъ прислалъ? (Надобно знать, что на всемъ кораблѣ не было никого, выключая Конспапеля и меня, кто бы на какомъ-либо другомъ языкѣ, кромѣ Рускаго, умѣлъ говорить). Я спрашиваю; они худымъ Нѣмецкимъ языкомъ отвѣчаютъ, что послалъ ихъ нѣкто господинъ

(*) Бортъ называется вершина корабельнаго бока, покрываемая досками или довольно широкимъ помостомъ, по которому ходить можно. Такъ и весь бокъ подъ симъ именемъ разумѣется.

Салдернъ изъ города Испеда, для провѣданія о нашемъ кораблѣ. Капитанъ велѣлъ ихъ звать на корабль; однакожь они на то не согласились, опшываясь, что, по причинѣ ночи и крѣпчающаго вѣтра, не могутъ долѣе оспаваться; въ самомъ же дѣлѣ казалось, что они, считая насъ въ крайности, опасались, чтобы мы не завладѣли ихъ лодкою. Насилу, по великой просьбѣ и убѣжденіямъ, чтобы взяли отъ насъ съ собою человека, приспали они, и то не къ борту, а къ висячей съ кормы веревочной лѣстницѣ, и при томъ шребуя, чтобы посылаемый пужъ минушу сошелъ, или они опваляшъ и уѣдушъ. Капитанъ, оборотясь ко мнѣ, приказываешъ, чтобы я шощасъ по сей лѣстницѣ спустился къ нимъ на лодку и ѣхалъ съ ними. Сіе неожиданное приказаніе и скоростъ времени, съ какою надлежало оное исполнить, такъ меня поразили, что я, какъ бы обезумленный, не зналъ что со мною дѣлаешся, и не прежде опомнился, какъ уже въ нѣкоторомъ разспояніи отъ корабля. Обезображенный видъ онаго и горящіе на немъ огни привели мнѣ на память, что я уже не на немъ больше, не съ поварищами вмѣстѣ, но одинъ, на малой лодкѣ посреди бурнаго моря. Ужасъ объялъ меня. Мыплыли не прямо на берегъ, куда послана была наша погибшая шлюбка; опасностъ отъ

*

буруна (*) не позволяла намъ шуда ѣхать, а держали въ небольшой городокъ, называемый Испедъ. Онъ лежалъ верспахъ въ югъ отъ корабля. Мы должны были плыть прошивъ вѣтра, прошивъ валовъ, копорые въ темнотѣ, какъ бы нѣкія мрачныя горы, бѣжали поглотить щепку, на коей мы сидѣли; но не могли, по успунчивой имъ легкости ея, всею своею глыбою на нее обрушиваться, казалось, довольствовались только тѣмъ, что пѣнящимися вершинами своими съ яростию на нее брызгали. Однакожъ и однѣ сіи брызги были не безопасны: вода накоплялась отъ нихъ въ лодкѣ, шакъ что изъ двухъ бывшихъ на ней чловѣкъ одинъ только гребъ веслами, а другой безпрестанно выливалъ воду. Въ страхѣ, чтобъ насъ не залило, сѣлъ я въ самой носъ лодки, дабы спиною своею сколько нибудь удерживать лепящіяся волнъ брызги. Состояніе мое было со всѣхъ споронъ жалкое: я былъ въ одномъ пулупѣ (какъ вспалъ съ постели); не знаю, кто сунулъ мнѣ въ руки мапросскую шляпу; ибо и той у меня въ ту мину, какъ вдругъ меня послали, не было, и время не позволяло взять. Я не имѣлъ съ собою ни полушки денегъ, ниже куска хлѣба; не зналъ,

(*) Симъ именемъ называется волненіе, производимое сильнымъ вѣтромъ, дующимъ съ моря.

съ кѣмъ, куда и за чѣмъ ѣду; ибо не сказано мнѣ было ни одного слова, кромѣ сего: „спупай, спупай скорѣе!“ — Плаваніе наше продолжалось слишкомъ восемь часовъ. Во все сіе время холодный осенній вѣтръ дулъ въ меня, обмоченнаго съ ногъ до головы шакъ, что не оспалось на мнѣ ни одной сухой нипки. Мы пріѣхали въ городъ часу въ прешемъ по полуночи. Я вышелъ изъ лодки, какъ сонной, почши безъ памяши. Мапросы мои привели меня въ какой-то домъ; подали огня, разбудили хозяина. Онъ вышелъ ко мнѣ и спалъ со мною говоришь; но я не могъ опивѣчать ни слова: языкъ мой не ворочался, я былъ какъ деревянный. Хозяинъ велѣлъ подать мнѣ рюмку вина, я выпилъ, онъ начинаешъ опяшъ говоришь со мною; но видя, что я ничего не опивѣчаю, оспавляешъ меня одного и уходишь. Я не знаю самъ, что дѣлаю, иду вонъ изъ горницы, схожу съ низкаго крыльца, и, ошойдя сажень дващцашъ, оспанавливаюсь. Память возвращаешся ко мнѣ, и я думаю: куда я иду? Осмаприваюсь кругомъ, и въ шемногѣ ничего не вижу. Хочу идши назадъ, но не могу вспомнишь, съ копорой спороны я пришелъ на это мѣсто. Въ семъ недоумѣніи прихожу въ опчаяніе; ноги мои подкашиваются подо мною, я невольно сажусь на землю и теряю совершенно всякое поняшіе и память. По долгомъ нѣкоемъ забышіи, съ опмѣнною

легкошю и свободою чувствъ открываю глаза: вижу свѣтъ, и вижу, что я въ какой-то избушкѣ лежу раздѣтый на соломенной постелѣ, между двумя какими-то незнакомыми мнѣ человѣками, копорые подлѣ меня крѣпко спящъ. Прошираю глаза, не вѣрю самъ себѣ; думаю, что это мнѣ во снѣ видѣтся. Но между тѣмъ чувствую въ себѣ новыя силы, новую бодрость, свѣжестъ и веселіе. Напослѣдокъ хозяева мои просыпаются, и я узнаю опѣ нихъ, что они тѣ самыя мапросы, копорые привезли меня на лодкѣ (ибо я до сего времени въ лицо ихъ не видалъ за шемношою). Они, возвращаясь домой изъ того дома, куда меня приводили, нечаянно напшкнулись на меня, сидящаго согнувшись на улицѣ, и видя, что я въ безпамятствѣ, подняли меня, опшвели, или лучше сказашъ, опшнесли въ свою хижину, раздѣли, разули и положили между собою въ постелю, гдѣ я, успокоенный, обсохшій и согрѣтый, сладко уснулъ. Не имѣя чѣмъ возблагодаришъ сихъ добрыхъ людей, я шолько обнималъ ихъ и цѣловалъ. Тупъ я обулся, надѣлъ на себя едва просохшій и весь оскорузлый мой шулупъ, и просилъ ихъ опшвеспи меня къ шому господину Салдерну, у копорого мы были прошедшюю ночь. Я объяснилъ ему причину, по копорой за нѣсколько часовъ передъ симъ не могъ ему на вопросы его опшвѣчашъ; просилъ, чтошбъ онъ подалъ кораблю нашему по-

мощь. Онъ сказалъ мнѣ: „я здѣсь человѣкъ заѣзжій, случайно остановившійся и не имѣющій никакой власти надъ городомъ; братъ мой родной находилъ въ вашей службѣ, и пошому принимая въ васъ участіе и услышавъ о бѣдствіи Рускаго корабля, нанялъ я лодку и послалъ о томъ провѣдать; здѣсь начальствуетъ бургомистръ; сходите къ нему и требуйте отъ него помощи; — но советую вамъ, не говорить, что вы въ крайней опасности, для того, что эти люди, въ ожиданіи добычи, обыкновенно при разбитіи судовъ получаемой, не спанутъ вамъ охотно помогать.“ Съ симъ сдѣланнымъ мнѣ наставленіемъ пошелъ я къ бургомистру; но не зналъ самъ хорошенько, какихъ пособій мнѣ отъ него требовать. Отъѣздъ мой съ корабля былъ съ такою поспѣшностію, что Капитанъ не успѣлъ ничего мнѣ приказать. Идучи дорогою, размышлялъ я о семъ. Первое представлялось мнѣ самонужнѣйшимъ, испробовать лоцмановъ, которые бы взяли съ собою (буде можно) корабль въ безопасное мѣсто. Второе, у насъ было много больныхъ, а именно: болѣе ста человѣкъ, и пошому казалось мнѣ нужнымъ послать на корабль нѣсколько лодокъ, которые бы свѣхъ ихъ свезли на берегъ. Съ сими мыслями пришелъ я къ бургомистру. Онъ принялъ меня ласково, охотно выслушалъ мою просьбу, и

попчасъ отправилъ на корабль двухъ лоцмановъ и десять или болѣе лодокъ.

По счастію, вѣпръ сдѣлался пише, и всѣ больные въ пошъ же день свезены были на берегъ къ пому мѣсту, куда послана была наша шлюбка. Бургомистръ пригласилъ меня у него опобѣдашь, чему я былъ очень радъ, пошому что крѣпко проголодался, и, не имѣя денегъ, не имѣлъ надежды что нибудь поѣсть. За споломъ онъ много разговаривалъ со мною (разумѣлся по Нѣмецки), и, казалось, меня полюбилъ. Послѣ обѣда былъ я въ великомъ запрудненіи, гдѣ ночевать: опыскалъ одну маленькую гостинницу (спрактиръ); но хозяинъ не хотѣлъ меня пусшитъ, опговариваясь, что онъ не принимаетъ болѣе никакихъ поспояльцевъ; въ самомъ же дѣлѣ (какъ онъ послѣ самъ мнѣ признался) опасаясь имени Рускаго, которое со временъ Петра Великаго не преспавало у нихъ бытъ спрашнымъ. Наконецъ однакожь далъ мнѣ комнапу и поспелю. Я ночевалъ спокойно, и, поуспру проснувшись, узналъ, что ночью вѣпръ скрѣпчалъ шакъ, что лодки не могли болѣе ходитъ по морю и всякое сообщеніе между берегомъ и кораблемъ пресѣлось. Зная, что на помъ мѣстѣ (ибо въ бышность мою на кораблѣ я оное видѣлъ), куда свезены больные, нѣтъ никакого спроенія, кромѣ одной малой избушки, и воображая, что они должны лежать на опкрыпомъ

воздухъ, пришелъ я объ нихъ въ сожалѣніе. Я захопѣлъ ихъ увидѣшь. Какъ ни прудно казалось мнѣ, идиши шуда и назадъ пѣшкомъ (ибо мѣсто сіе находилось верспахъ въ осми опъ города), однакожъ я пошелъ. Дующій съ моря бурный вѣпръ, сырая погода, и непрошопшанная по песчанымъ буграмъ дорога, весьма меня упомляли; а печальный видъ стоящаго вдали корабля нашего, и воображеніе, что иду шуда, гдѣ шлюбка наша погибла, наводили мнѣ уныніе. По приходѣ же моемъ предспавилось мнѣ плачевное зрѣлище: больные, слишкомъ спо человекъ, лежали на берегу, ни чѣмъ опъ вѣпра незакрышы, безъ пищи, безъ одежды, безъ всякаго призрѣнія. По свозѣ ихъ съ корабля, вѣпръ вдругъ сдѣлался крѣпокъ, шакъ что ничего для нихъ свезши не могли, даже и самъ лѣкаръ съѣхашъ не успѣлъ. Они, увидя меня, всѣ заспонали и спали жаловашъ, что умираюшъ опъ голоду и холоду. Жалко было смопрѣшъ на нихъ; но чѣмъ помочъ? По несчастію, съ ними присланъ былъ солдашской Капишанъ, человекъ (какъ уже сказано) безразсудный, жестокосердый, и шѣмъ больше дерзкій, что корабельный Капишанъ по нѣкошорымъ обспояшельствамъ опасался его и не смѣлъ раздражашъ. Сей жестокій человекъ, вмѣсто того, чтобъ одного или двухъ изъ находящихся при немъ здоровыхъ людей послашъ для закупки хлѣба въ городъ, упошреблялъ

ихъ, и шакъ уже измученныхъ и голодныхъ на шакую рабошу, гдѣ они подвергались не шолько совершенному изнуренію силъ, но и опасности упонуть, а именно: къ берегу прибило наши сломленныя мачшы; онъ, подѣ видомъ соблюденія казеннаго интереса, въ самомъ же дѣлѣ для собспвенной своей корыспи, посылалъ людей сихъ по поясъ въ воду, обрѣзывать опѣ мачшы снаспи (веревки). — Вшорое зрѣлище было еще плачевнѣе: неподалеку опѣ спрадающихъ больныхъ лежали выкинушыя со шлюбки шѣла, изъ коихъ иныя споль обезображены были, что на лицахъ ихъ не видно было ни глазъ, ни носа: шакъ волнами разбило ихъ о шлюбку! Между ими лежалъ и пріятель мой, Конспапель. Я, проливъ о немъ слезы, возблагодарилъ еще Бога за Его чудесное спасеніе меня опѣ одинакой съ ними учаспи. Мы вырыли въ песку яму и, оплакавъ ихъ, похоронили. Ихъ всѣхъ минушь черезъ десяшь выкинуло изъ воды; но, опѣ смерспи, изъ шринашцаши человѣкъ избавились шолько два гребца. Одинъ изъ нихъ рассказалъ мнѣ, какъ онъ спасся: „когда шлюбку опрокинуло (говорилъ онъ), я умѣя хорошо плавать, хотѣлъ боролсь съ волнами; но вдругъ почувспвовалъ, что нѣкто шянешъ меня на дно; эшо былъ сидѣвшій подлѣ меня унтеръ-офицеръ, кошорой шакъ крѣпко за меня уцѣпился, что я никакъ оппорвашься опѣ него не могъ, покуда

онъ самъ поперялъ чувство и меня въ шакое же состояніе привелъ. Я, уже не помня, что со мною происходило, оцувствовался на берегу подлѣ камня; волна, выбросившая меня набѣжала опять, покрыла меня снова, и, спекая съ берега, силилась увлечь съ собою; я схватился за камень, и когда увидѣлъ себя опять на сушѣ, то спѣшилъ скорѣе вползши на берегъ, и хощя волна еще разъ догнала меня, однако была уже шакъ слаба, что не могла спашить меня съ мѣста, и я опъ нее ушелъ.“—

Выслушавъ повѣствованіе сего машроса, и видя, что уже день клонился къ вечеру, я спѣшилъ возвратиться въ городъ, обнадежа больныхъ, что приложу объ нихъ всевозможное попеченіе. На возвратномъ пути упѣшало меня немного то, что съ корабля присланы ко мнѣ были мундиръ мой, шляпа и нѣсколько денегъ. Я пришелъ уже ночью, пошому что опъ усшалоси часшо принужденъ былъ опдыхать на дорогѣ, однако шужъ минушу пошелъ къ бургомистру, и, рассказавъ ему о несчастномъ положеніи нашихъ больныхъ, просилъ, чтообъ онъ скорымъ пособіемъ поспарался избавить ихъ изъ шакого состоянія, въ кошоромъ, если оно долго продолжился, многіе изъ нихъ лишались жизни. Онъ опвѣчалъ мнѣ, что для сего надобно непременно письменное шребованіе опъ шого, кшо надъ ними начальникъ, и что

какъ скоро онъ получитъ оное, то немедленно по немъ исполнитъ; но что безъ сего требованія, которое надлежитъ ему объявить въ Магиспрайтъ, онъ ничего сдѣлать не можетъ. Я отъ него пошелъ къ Салдерну: сей, услыша обо всемъ мною сказанномъ, велѣлъ тотчасъ отвезти на лошади къ больнымъ нашимъ нѣсколько хлѣбовъ, боченокъ пива и нѣкоторое число денегъ, сказавъ, что онъ желалъ бы сдѣлать для нихъ что нибудь болѣе, но никакой другой помощи подать не въ состояніи. Мы съ нимъ простились, потому что онъ чрезъ нѣсколько часовъ собирался уѣхать.

На другой день, лишь только разсвѣло, я опять пошелъ туда пѣшкомъ. Солдатской Капишанъ принялъ меня сурово, и сказалъ мнѣ съ гнѣвомъ и угрозами: „знаешь ли ты, что я здѣсь начальникъ? Какъ ты смѣлъ вчера уйти отсюда безъ спроса? Ежели ты еще разъ осмѣлишься это сдѣлать, то я тебѣ руки и ноги переломаю.“ — Толь грубыя слова весьма меня огорчили; я не опасался угрозъ его, но боялся слѣдствій нашей ссоры; ибо въ случаѣ какой либо дальнѣйшей отъ него дерзости, я бы принужденъ былъ обратиться къ людямъ съ просьбою защитить меня; а люди такъ были прошивъ него озлоблены, и столько изъявляли мнѣ благодарности за попеченіе мое объ нихъ, что при малѣйшемъ отъ меня ободреніи легко

могло бы родиться изъ сего какое либо несчастное происшествіе. Сія опасность преодолѣла во мнѣ движеніе гнѣва, и я ошвѣчалъ ему съ кропосстію, что я конечно признаю его начальникомъ надъ собою и готовъ ему повиноваться; но что я посланъ въ городъ, и тамъ для исправленія порученнаго мнѣ дѣла бытъ долженъ; что если онъ задержишь меня здѣсь, то воспрепятствуетъ мнѣ исполнить повелѣнное, и тогда, въ случаѣ какихъ либо съ моей стороны упущеній, останешся это на его ошвѣстѣ. Сіи слова смягчили нѣсколько суровость его, и онъ сказалъ мнѣ: по крайней мѣрѣ ты долженъ спрашиваться у меня, когда опселѣ пойдешь. Я не спалъ ему въ томъ прошивурѣчишь, а только сказалъ: вошъ и сегодня я былъ у Бургомистра и ꙗстребовалъ пособій для нашихъ больныхъ: онъ поручилъ мнѣ сказать вамъ, чтобы вы прислали къ нему съ подписаніемъ вашего имени прѣбываніе, какія вещи и что именно для нихъ и для васъ надобно, тогда онъ все исполнишь и приготоновишь. — Онъ ошвѣчалъ мнѣ на это: „я не имѣю *ордера*, и прѣбываешь самъ собою ничего не могу.“ — Но подумайше, возразилъ я, люди и шакъ уже другую ночь лежатъ безъ пищи, безъ одежды и безъ прикрытія; крѣпкій вѣспрь, не позволяющій имѣть сообщеніе съ кораблемъ, можешь продолжишься еще два или три дня, или болѣе; какъ же могутъ больные вынести

сіе? Они всѣ помрутъ. „Я не знаю эшого (опвѣчалъ онъ), скоро ли спихнешь вѣпръ и помрутъ ли они, или нѣтъ; знаю только, что я, безъ писменнаго Капитанскаго *ордера*, никакой опъ себя бумаги не дамъ.“ — Вы можете подвергнутъ себя великой бѣдѣ и опвѣшу (сказалъ я). — Тупъ нахмура брови, опвѣчалъ онъ мнѣ съ сердцемъ: „шъ, молодкосось, еще не родился, а я ужъ былъ въ службѣ; шакъ я у себя учишся не спану.“ — Видя, что я ничѣмъ сего безразсуднаго человека убѣдить не могу, испросилъ я у него позволеніе ийти въ городъ, и пошелъ. Нѣкоторые изъ здоровыхъ мапросовъ провожали меня сажень съ пятьдесятъ; они со слезами просили меня, ихъ не оставишь; я ободрялъ ихъ, сколько могъ, и поручилъ имъ ушѣшашъ и обнадежишь больныхъ, чтообъ они не унывали и не опчаявались въ помощи. Между лѣмъ, на вопросъ мой, получили ль они присланныя къ нимъ вчера ночью опъ Салдерна хлѣбы, пиво и деньги? опвѣчали они, что къ Капитану привезли нѣчто на лошади, но что они совсѣмъ ничего не видали, и уже двои супки не имѣли куска хлѣба во рпу. Сіе меня крайне удивило и опечалило: какъ, думалъ я, не уже ли человекъ эшопъ до такой спешени злонравенъ, что опнимешъ у нихъ сіе малое въ крайности пособіе?

Я спѣшилъ въ городъ, и, не смопръ на чрезвычайную усшалость, пришелъ прямо

къ Бургомистру. Первое мое движеніе было, бросишься къ нему на шею и просишь о сохраненіи жизни многимъ несчастнымъ. Онъ удивился и спросилъ меня: какимъ образомъ? Тогда я принужденъ былъ чистосердечно ему открыться и пересказать все, бывшее со мною. Если вы не согласишесь (примолвилъ я) безъ всякаго сношенія съ приспавленнымъ надъ ними начальникомъ подашь имъ руку помощи, по половина изъ нихъ, а можешь быть и всѣ они помрутъ. — Бургомистръ долго сомнѣвался, ошговаривался, колебался, однако наконецъ смягченный неопступною моею прозьбою, а особливо увѣреніями, что такое его благодареніе сдѣлаешь имя его извѣстнымъ въ Россіи, далъ мнѣ слово, и спросилъ, какую помощь имъ подашь? Я отвѣчалъ: 1-е, опвеспи домъ, который бы нешѣсенъ, чистъ и шепель былъ; 2-е, купишь хлѣба, зелени, свѣжаго мяса, и прикажешь изготовить для нихъ пищу; 3-е, приспавишь одного или двухъ лѣкарей, которые бы за ними ходили и лѣкарство имъ прописывали; 4-е, напоследокъ, послашь сполько подводъ, чшобы всѣхъ больныхъ однимъ разомъ забрать и привезши. — Все это исполнено было въ шчносши. Бургомистръ пошелъ самъ со мною; домъ опвели, вычиспили, прошопили, посплали соломенные постели, и спали кушанья спряпашъ. Привели двашцашъ подводъ, пришли два лѣ-

каря, и я вмѣстѣ съ ними отправился шуда на шелѣгѣ. Солдатской Капитанъ, услыша обо всемъ сдѣланномъ мною, перемѣнилъ суровой видъ свой на ласковой, и, ни мало не прекословя, велѣлъ больныхъ класть и сажать на подводы. Всѣ они, какъ хворые, такъ и здоровые, чрезвычайно были обрадованы. Мы приѣхали въ городъ, когда уже смерклось: освѣщенный домъ, теплые покои, свѣжая пища, послѣ поль долгаго мрака, холода, изнуренія и опчаянія, всѣхъ ихъ такъ оживили, что у самыхъ слабыхъ и почти безъ движенія лежавшихъ написана была на лицѣ радость. Я такъ ушомился, что какъ скоро пришелъ домой, то кинулся въ постелью и шужъ минути заснулъ крѣпкимъ сномъ.

На другой день вѣпръ спалъ пише. Я нанялъ лодку и поѣхалъ на корабль, чшобъ донести Капитану о всемъ происходившемъ, и нашелъ шамъ всѣхъ въ радости: корабль перешаулся; лоцмана вывели его далѣе въ море, на глубину пашнапцаши сажень. Онъ былъ внѣ опасности въ разсужденіи мелей; но оспавалось еще великое сомнѣніе въ его спасеніи: гавань въ Испедѣ была такъ мѣлка, что онъ не могъ въ нее войши, а къ походу былъ безнадеженъ; однакожь нечего было дѣлать, надлежало помышлять о походѣ; положили ийти въ ближайшій Шведскій городъ *Карлсгамбъ*, имѣющій хорошую гавань и отстоящій отъ Испеда верстъ шесшьдесять

или семдесятъ; но какъ корабль чрезвычай-
но пекъ и опасно было, чѣмъ на морѣ при
умноженіи печи онъ не утонулъ, то рассу-
дили нанявъ находившіяся на шотъ разъ
въ Исшедской гавани два купецкія судна,
съ шѣмъ, чѣмъ оныя провожали корабль, и
если случится, что онъ будетъ тонуть,
то старались бы спасти съ него людей. Въ
семъ намѣреніи Капишанъ послалъ меня
опять на берегъ, съ приказаніемъ привезти
ему отвѣтъ, пожелають ли корабельщики
(шкипера) шѣхъ двухъ судовъ наняться, и
чего будутъ просить. Я съѣздивъ на берегъ,
переговорилъ съ ними, и, возвращаясь назадъ,
донесъ, что они соглашаются, но меньше
трехъ тысячъ рублей не берутъ. Капишанъ
послалъ меня опять и велѣлъ давать двѣ
тысячи. Корабельщики отвѣчали мнѣ, что
они получили письма, по которымъ нужно
имъ идти въ свой путь, и что попому не
могутъ они теперь и той цѣны взять, ка-
кую просили; а если хотять нанять ихъ,
то заплашили бы четыре тысячи рублей, и
то съ шѣмъ, чѣмъ чрезъ сутки дать имъ
рѣшительный отвѣтъ. Съ симъ извѣстіемъ
поѣхалъ я опять на корабль. Надобность
принудила Капишана дать просимую имъ
цѣну, но какъ на кораблѣ столько наличныхъ
денегъ не было, то надлежало занять ихъ и
съ корабельщиками сдѣлать письменной до-
говоръ. Капишанъ велѣлъ мнѣ отправиться

на берегъ и все сіе, какъ можно скорѣ привеспъ къ окончанію. Я прїѣхаль къ прїятелю моему бургомистру (ибо онъ меня очень полюбилъ и я у него всякой день обѣдалъ). Занятіе денегъ прѣбывало нѣкопорого времени, попому что одинъ бургомистръ безъ собранія Магистрата сдѣлать сего не могъ. Написавъ договоръ я не умѣлъ, не только на Нѣмецкомъ, ниже на Рускомъ языкѣ; и такъ эшо весьма меня затрудняло. Бургомистръ вступилъ въ мои хлопоты, сочинилъ договоръ, копорой я перевелъ попому на Руской языкъ. Въ немъ сказано было, что половинное число денегъ (т. е. двѣ тысячи руб.) вручитъ корабельщикамъ на мѣспѣ, а другую половину, *заявъ о томъ бургомистру*, заплашитъ по прибытіи въ Карлсгамнъ; они же съ своей стороны обязывающія пошчасъ, какъ скоро на корабль сдѣланъ будетъ условный знакъ, забравъ на суда свои нашихъ больныхъ, придти къ кораблю, и во время путешествія его идти съ нимъ вмѣспѣ до Карлсгамна, не оплучаясь опъ него и держась всегда ближе, дабы въ случаѣ несчастія можно было съ корабля свезти на нихъ людей, о спасеніи копорыхъ должны они прилагать всевозможное спараніе. Корабельщики согласны были на сіи условія, и такъ оспалось только имъ и Капишану подписать ихъ. Я поѣхаль съ ними на корабль: Капишанъ и они подписали договоръ, напи-

санный на Нѣмецкомъ языкѣ съ Рускимъ переводомъ. Капишанъ послалъ меня еще разъ на берегъ, съ шѣмъ, чѣшобъ заняшъ въ Магиспрашѣ половинное число денегъ (двѣ тысячи рублей) и опдашъ имъ при бургомиспрѣ, заявя ему, чѣо оспальныя двѣ тысячи заплачены будутъ по прибышїи въ Карлсгамнъ. Все это сдѣлано было, и я проспясь съ бургомиспромъ и поблагодаря его за всѣ ко мнѣ ласки, повхалъ на корабль, не имѣя никакой болѣе надобности возвращашься на берегъ.

Корабль между шѣмъ пригошовлялся къ походу. На обломки мачшъ посшавлены были запасныя спеньги (шпонкія мачшы) съ подняшыми на нихъ реями и парусами; вмѣспо насшоящаго руля придѣланъ былъ искусшвенный, какимъ оный по нуждѣ иногда замѣняешся. Оспавалось докончишъ еще нѣкоторыя работы и ожидашъ благополучнаго вѣшра. Всего больше ушпрашало насъ позднее время (ибо шогда былъ уже Ноябрь мѣсяць). Первый мой съѣздъ съ корабля, шрудная ходьба пѣшкомъ нерѣдко ночью и въ сырую погоду по песчаному берегу, часшые и далекіе въ глубокую осень по ошкрышому морю переѣзды съ корабля на берегъ, и безпреспанныя забошы и хлопшы, оказали на послѣдокъ дѣйшвія свои: я занемогъ, и въ послѣднее возвращеніе мое на корабль чувшвовалъ уже шаккой жаръ, чѣо по прїѣздѣ принужденъ былъ шопчасъ лечъ въ постелю. На другой день спало мнѣ

*

еще хуже. Корабль былъ уже совсѣмъ гошовъ; вдругъ слышу я превеликую радость; кричащъ: „вѣпръ перемѣнился! вѣпръ сдѣлался благополучной!“ Подняли потчасъ знакъ, чѣмъ наняшыя суда шли къ кораблю. Ожидаютъ ихъ съ неперпѣніемъ (ибо вся надежда спасенія состояла въ попушномъ вѣпрѣ, и потому крайне опасались, чѣмъ его не упустишь). Проходитъ часъ, и другой, и третій; суда неидутъ. Палятъ изъ пушекъ; дають имъ знать, чѣмъ онѣ шли немедленно. Нѣтъ! не появляются. Наступаетъ вечеръ; не знаемъ что думаешь. Радость наша превращается въ непонятное и грустное удивленіе. Ночь проходитъ въ безпокойствѣ. Поутру, съ разсвѣтомъ дня, поднимаютъ опять знакъ и возобновляютъ пальбу изъ пушекъ; нѣтъ! суда неидутъ. Капитанъ велѣлъ спустить шлюпку и сказать мнѣ, чѣмъ я ѣхалъ на берегъ, узнать о причинѣ сей медленности судовъ. Я отвѣчаю ему, что я не въ состояніи, лежу въ постелѣ, и не могу встать на ноги. Онъ велѣлъ мнѣ повторить, что необходимость требуетъ того, и прислалъ людей поднять меня съ постели и отнести на рукахъ. Люди подняли меня, принесли къ борту, подвязали веревками и опустили на шлюпку. По прибытіи въ городъ, два человека принесли меня къ бургомистру; онъ удивился моему пріѣзду и весьма обо мнѣ сожалѣлъ; посадили меня

въ кресла, обклали подушками, и я пересказалъ ему, за чѣмъ присланъ. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ корабельщиковъ; и по объясненіи вышло слѣдующее недоразумѣніе: въ договорѣ, въ условіи о деньгахъ поставлено было слово *deponiren*, копорое, я не разумѣя хорошенько, перевелъ: *заявить бургомистру*, а надлежало перевести *положить за руки*. Я понималъ такъ, что остальные двѣ тысячи рублей заплашишь имъ въ Карлсгамнѣ, заявивъ только, или сказавъ о томъ бургомистру, что оныя еще не заплачены; а корабельщики понимали и пребывали, чтобъ сіи двѣ тысячи оставить въ залогъ у бургомистра, и какъ оныя не были оставлены, то суда и не шли, ожидая напередъ выполненія договора. Сіе обстоятельство чрезвычайно меня разтревожило. Поправить оное требовалось по крайней мѣрѣ еще двоимъ суткамъ, ибо надлежало привезти отъ Капитана прошеніе о займѣ сихъ двухъ тысячъ; должно было обратиться Магистрату и сдѣлать свое опредѣленіе, между тѣмъ какъ корабль всякой часъ благополучнаго вѣтра упускалъ со страхомъ, и состояніе мое было такое, что мнѣ опчасу спановилось хуже. Я просилъ бургомистра уговорить корабельщиковъ, что это все равно, здѣсь ли оставить за руками деньги, или тамъ заплашишь; что ошибка въ переводѣ вышла отъ моего недоразумѣнія слова *deponiren*, но что сія ошибка не дѣлаетъ

для нихъ никакой разности; напрошивъ, они еще скорѣе получають свои деньги. Бургомиспръ всячески ихъ уговаривалъ; но они, сидя съ важностію и куря табакъ, не хотѣли согласишься. Споръ нашъ долго продолжался и приводилъ меня въ крайнее безпокойство. Напоследокъ, по истощеніи всѣхъ моихъ прозбъ и убѣжденій, вышедъ изъ перпня, сказалъ я бургомиспру: это спыдно для Шведовъ, не вѣришь Рускому военному кораблю въ двухъ тысячахъ рубляхъ! Если господа корабельщики сомнѣваются въ полученіи оныхъ, то я отдаю имъ себя въ залогъ; я оспаюсь здѣсь, покуда они получають свои деньги; и если бы Капитанъ не заплапилъ имъ, и Правительство наше не удовлетворило ихъ (чему никакъ спасться не возможно), то опецъ мой Руской дворянинъ и доспашочной человекъ меня выкупить. — Сии слова, произнесенныя мною съ жаромъ и досадою, поколебали суровую холодность корабельщиковъ. Они взглянули другъ на друга, вспали, походили по горницѣ, пробормотали нѣчто между собою, и попомъ подошли сказать, что они соглашаются. Между тѣмъ насталь вечеръ; я взялъ съ нихъ слово, что они при переомъ разсвѣпаніи дня заберутъ больныхъ и, ни мало не мѣшая, выдутъ изъ гавани. Оконча такимъ образомъ мое посольство, велѣлъ я опнести себя на шлюпку, въ намѣреніи, не взирая на шемно-

ту ночи, ѣхашь на корабль (ибо огонь на немъ былъ видѣнъ); но вѣтръ шакъ скрѣпчалъ, что бывшіе въ гавани лодочники не совѣтовали мнѣ пускашья. И шакъ я принужденъ былъ ночевашь у нихъ въ бушкѣ. Какъ скоро стало разсвѣшашь, я шотчасъ поѣхалъ, и лишь только успѣли меня поднятъ на корабль, какъ и суда въ слѣдъ за мною вышли изъ гавани. Корабль, по приближеніи ихъ, снялся съ якоря и ошправился въ путь.

Плаваніе наше продолжалось нѣсколько дней, пошому что попутный вѣтръ не долго намъ служилъ и не скоро сдѣлался опять благополученъ. Въ сіе время болѣзнь моя до того усилилась, что я въ выздоровленіи моемъ былъ опчаянъ. Воображеніе, что мы не успѣемъ дойти до берега, и что меня зашьютъ въ дерюгу и бросають съ камнемъ въ воду (обыкновенное на морѣ погребеніе мертвыхъ) меня ужасало. Горячка моя была шакова роду, что спирающаяся въ груди мокрота меня задушала, и чѣмъ легче было днемъ, шѣмъ тяжелѣ спановилось къ вечеру, шакъ что всякую ночь провождалъ я въ безпамятствѣ, въ мечпаніяхъ и бреду. По несчастію, за два года предъ симъ былъ я боленъ, въ кадепской больницѣ, и подлѣ моей кровати лежалъ шоварищъ мой, кадепъ, шочно въ шакой горячкѣ, какую въ эшо время примѣчалъ я въ себѣ. Онъ на моихъ глазахъ

умеръ, и подлѣкаръ, бывшій шогда при насъ, почпи при самомъ началѣ его болѣзни предвѣсшилъ мнѣ смерть его, сказывая, что онъ боленъ такою горячкою, ошъ кошорой рѣдко выздоравливають. Сія мысль, какъ скоро я приходилъ въ память, не преспавала мнѣ мечпашься и приводитъ меня въ уныніе. Въ одно ушро, послѣ весьма тяжелой ночи, спало мнѣ опмѣнно легко, и это привело меня въ крайнюю робость: я почпи несомнѣнно увѣрился, что будущую ночь не переживу, и что если къ вечеру, покуда я въ памяти, не придумаю ничего къ моему спасенію, то уже до ушра не доживу. Въ сей шоскѣ, не употребляя сначала самага никакихъ лѣкаршвъ (ибо не надѣялся на искусствво лѣкаря), вдругъ пришло мнѣ въ голову позвашъ мнѣ его къ себѣ и попросить, чтобы онъ мнѣ бросилъ кровь. За мною ходилъ спарикъ мапрось. Онъ позвалъ его; но лѣкаръ, посмопрѣвъ на меня, ошвѣчалъ, что крови пускать нѣшъ надобности, да при шомъ и не можно, по причинѣ качки корабля. Сказавъ сіе, ушелъ, и оставилъ меня въ прежней грусти. Спарикъ мапрось, поправляя у меня изголовье, и шужа обо мнѣ, шепнулъ мнѣ съ усердіемъ на ухо: „бапюшко! позволь мнѣ положишъ нѣчто къ тебѣ подъ головы; авось тебѣ будетъ легче.“ Я спросилъ: что шакое? Онъ ошвѣчалъ: „Богородицынъ сонъ.“ Я промолчалъ; онъ сунулъ мнѣ подъ подушку ма-

ленькую рукописную шепрадку. Удары въ колоколь, для возвѣщенія полудня, напомнили мнѣ о приближеніи пѣхъ часовъ, въ которые обыкновенно спановилось мнѣ спяже-ле, и я начиналъ забываться и шеряшь па-мяшь. Сіе напоминаніе какъ бы швердило мнѣ: вошь уже не больше двухъ часовъ остаешься шебѣ размышляшь, и если шы шеперь ничего не придумаешь, шо жизнь швоя кончидься. Вдругъ посреди сего мучительна-го спраха и недоумѣнія предспавляется мнѣ спранная мысль: я чувспвовалъ превеликое опшвращеніе опъ чаю, а особливо, когда уже онъ нѣсколько проспынешь; самое сіе опшвра-щеніе раждаешь во мнѣ желаніе попросишь шого, что сполько мнѣ прошивно. Я говорю спарику мапросу моему: принеси мнѣ спаканъ шеплой воды. Онъ пошелъ; я ожидалъ его съ нѣкіимъ необычайнымъ нешперпѣніемъ и спрахомъ. Когда онъ, возвращясь, подо-шелъ ко мнѣ и сказалъ, что принесъ воду, шогда я содрогнулся опъ ужаса, и насилу слабымъ и дрожащимъ голосомъ могъ про-молвишь: приподними меня и поднеси мнѣ спаканъ ко рпу. Онъ сдѣлалъ эшо, и лишь шолько парной запахъ воды коснулся моему обонянію, какъ вдругъ вся внушренность моя поворошилась, и я не зналъ болѣе, что со мною дѣлается. Я не прежде очувспвовался, какъ чрезъ нѣсколько часовъ. Слабость моя была шакъ велика, что я ни однимъ членомъ

моимъ пошевелившись не могъ. Однакожь нѣкое внутреннее спокойствіе и пишина увѣряли меня въ великой происшедшей со мною перемѣнѣ. Старикъ мой рассказалъ мнѣ, что никакое сильное рвотное не могло бы произвешти того дѣйствія, какое произвело во мнѣ одно простое поднесеніе коршу спакана теплой воды. Силы мои спали опчасу прибавляться; я ночью уснулъ, и поутру могъ уже самъ ворочаться, а потомъ и вставать.

Тутъ скоро пришли мы въ Карлсгамнъ. Намъ отвели домъ, въ кошоромъ внизу жилъ самъ хозяинъ, купецъ Мальмъ, а вверху, въ одной половинѣ, кадепской Капишанъ съ Лейшенаншомъ М. . . , а въ другой всѣ мы, гардемарины, въ двухъ смежныхъ комнапахъ. Когда я съѣхалъ съ корабля и пришедъ въ теплой покой, сѣлъ подлѣ печки, кошорая топилась, то мнѣ казалось, что нѣтъ никого благополучнѣе меня на свѣтѣ: пакъ теплоша, здравіе и покой драгоцѣнны тому, кто давно ими не наслаждался!

Чрезъ нѣсколько дней я совсѣмъ оправился и могъ ходишь со двора. Кадепской Капишанъ нашъ познакомился съ Коменданшомъ и съ нѣкошорыми закишочными купцами; но какъ онъ не могъ съ ними разговаривать, то всегда, приглашаемый къ обѣденнымъ сшоламъ, бралъ меня съ собою для перевода, и чрезъ то я еще болѣе сдѣлался

съ ними знакомъ, нежели онъ самъ. Домъ нашъ былъ рядомъ съ домомъ довольно зажиточной купеческой вдовы, по имени Берлингъери, женщины пожилой и почтенной, весьма счастливой семействомъ своимъ; потому что имѣла прехъ ошмѣнно добрыхъ сыновей и двухъ прекрасныхъ дочерей, изъ копорыхъ спаршая, Христина, была осмнашцаши, а младшая Ульрика шесшнашцаши лѣтъ. Передъ домомъ ихъ выспроена была свѣшная съ сплошными опускающимися окнами и крылечкомъ комнаша, въ копорую онъ часпо выходили. Комнаша сія была пропивъ шого самага окна, передъ копорымъ я обыкновенно сидѣлъ, когда что нибудь чишалъ, или писалъ. Сіе положеніе нашихъ домовъ дѣлало, что мы всякой день по нѣскольку разъ видались, и наконецъ спали другъ другу сперва чинно, а пошомъ и ласково кланяшся, шакъ что, не бывъ никогда вмѣспѣ, сдѣлались довольно знакомы и знали имена другъ друга. Однажды послалъ я въ бывшую при домѣ ихъ лавочку за шабакомъ: посланный, возвращаясь ко мнѣ, сказалъ, что спаршая дочь спрашивала у него знаками, чья эша шабакерка? и когда онъ указалъ ей на мое окно и назвалъ меня по имени, шо она спрятала шабакерку и ему не опдала. Принявъ эшо за знакъ, что онъ жаляютъ меня видѣшь въ своемъ домѣ, пошелъ я къ нимъ; онъ меня приняли очень ласково. Христина,

смѣялись, отдавала мнѣ табакерку. Но, къ великому огорченію моему, не могъ я изъ разговоровъ ихъ ни слова понимать: никто изъ нихъ кромѣ природнаго языка своего не зналъ. Онѣ смотрѣли на меня съ любопытствомъ, старались вопросы свои объяснять знаками, но мало въ томъ успѣвали. Подали кофе (это было скоро послѣ обѣда), мы сѣли, за сполникъ; весь разговоръ нашъ состоялъ въ томъ, что онѣ учили меня называть разные лежащія глазамъ нашимъ вещи, какъ по: кофейникъ, чашку, споль, голову, руки, носъ, волосы и проч. Иногда, по нѣкоторому сходству съ Нѣмецкимъ языкомъ, угадывалъ я ихъ, и тогда, обрадовавшись, дѣлали онѣ мнѣ тысячу вопросовъ, думая, что я всякой разъ ихъ угадаю; а иногда, полкуя долго и не могли понять, начинали мы смѣяться, такъ что время проходило не скучно; и хотя не могъ я никакого привѣтствія имъ сдѣлать, однакожъ онѣ, по веселости лица моего, могли примѣтивъ, что мнѣ у нихъ бытъ пріятно. При прощаніи стали онѣ опять нѣчто мнѣ говорить, и я насилу располковалъ могъ, что онѣ на завтрашній день приглашаютъ меня къ себѣ обѣдать. Какъ скоро я пришелъ домой, то первое мое стараніе было достать словарь и разговоры на Нѣмецкомъ и Шведскомъ языкѣ. Я въ томъ же самой вечеръ зашвердилъ изъ нихъ нѣсколько словъ и реченій. Хозяинъ нашъ, Мальмъ,

съ копорымъ я подружился, прослушивалъ меня и поправлялъ мое произношеніе. На-завтра пошелъ я къ нимъ обѣдать, и пош-часъ проговорилъ имъ, какъ попугай, все то, что зналъ; мапери сказалъ : *все ли вы въ доб-ролы здоробы?* сыновьямъ : *я желаю вали въ вся-каго благополучія*; дочерямъ : *мы очень пріят-но васъ видѣть*. Они опмѣнно были пѣмъ до-вольны, и всѣ приспустили со мною разгова-ривать, почно какъ бы ужъ я совершенно выучился; но какъ далѣ знаніе мое не про-спиралось, то довольствовались только ча-спыми повпореніями пѣхъ словъ, копорыя опъ меня слышали. Хриспина сказанное мною ей рѣченіе хотѣла знать по-Руски, зашвер-дила его, и мы другъ другу говорили : я ей по Шведски, а она мы по-Руски : *мы очень пріятно васъ видѣть*. Я просидѣлъ у нихъ до самага вечера и долженъ былъ оспашься ужинашь. На другой день я шелъ мимо ихъ, онѣ опять меня зазвали ; на прешій день поже; и напоследокъ я почти не выходилъ опъ нихъ изъ дому. Тупъ обѣдалъ и ужи-налъ. Мѣсто мое за споломъ всегда было подлѣ Хриспины: мы скоро сдѣлались съ нею въ шакой дружбѣ, какая могла назваться первою склонносцію одного пола къ другому, и пошому только не была любовь, что не искала уединенія и не спаралась пряпашься подъ покровомъ шайншва; но пѣмъ не мень-ше имѣла въ себѣ пріятности и счастья.

Мать очень меня полюбила; средній братъ, Никласъ, былъ ко мнѣ до чрезвычайности привязанъ; другіе два брата и сестра всегда съ удовольствіемъ меня видѣли. Первые дни провождали мы, шакъ сказать, въ угадываніи другъ друга, пошому что, безпрестанно разговаривая, не могли скоро понимать, ни я ихъ, ни онѣ меня. Часто раждались изъ этого смѣхъ и шушки. Однако же день ото дня начиналъ я разумѣть болѣе, и къ концу двухъ недѣль могъ объясняться порядочно, а чрезъ мѣсяцъ не только свободно разговаривалъ, но и книги спалъ чищать. Однажды выписалъ я спишки, которые нашелъ приличными къ объявленію моихъ чувствованій, и прочиталъ ихъ Христинѣ. Она улыбнулась и сказала мнѣ: какой ты поняшливый! Я же отвѣчалъ ей: какая ты масперница дѣлаешь людей поняшливыми!—Спаруха мать часто спрашивала о Вѣрѣ нашей, о церковныхъ обрядахъ, о заповѣдяхъ, и очень радовалась, находя насъ послѣдующими тѣмъ же Христіанскимъ правиламъ и добродѣтелямъ, какъ и они. Ей пріятно было видѣть во мнѣ почтеніе къ Закону, тѣмъ больше, что она сего не ожидала. Я примѣшилъ, что въ Шведахъ издавна вкорененъ былъ страхъ ошъ Рускихъ; они боялись насъ, и сія боязнь внушала имъ спранныя объ насъ мнѣнія. Христинина рассказывала мнѣ, что когда мы пришли въ Карлсгамнъ, то въ первые дни жен-

щины не смѣли ввечеру ходишь по улицамъ, и часшо одна другую пугали именемъ Рускаго. „Мы очень боялись (продолжала она), услыша, что вы будеше жить подлѣ насъ. Но въ пошъ самый день, какъ вы, съѣхавъ съ корабля, шли мимо нашего крыльца, и мы всѣ выбѣжали смопрѣшь на васъ, спрахъ эпошъ уменьшился: шы первый разсѣялъ его своимъ веселымъ и ласковымъ взглядомъ. Я шогда еще шебя замѣшила: шы мнѣ показался боленъ, однако имѣлъ веселое лице, и взглянувъ на меня улыбнулся. Не воображая васъ иначе, какъ угрюмыми, мрачными и суровыми, я сказала сеспрѣ: посмотри, вонъ одинъ Руской смѣшся! Помомъ, видая шебя часшо въ окнѣ, всегда учпиво и ласково кланяющагося, захошѣлось намъ увидѣшь шебя въ нашемъ домѣ; но не зная, какъ эшо сдѣлашь, упопрѣбила я шо средсшво, по кошорому шы къ намъ пришелъ. Теперь въ городѣ объ васъ не слышно, кромѣ похвалы, и всякой жelaешъ бытъ съ вами знакомъ.“ — Дѣйствительнo мы видѣли опъ всѣхъ жителей опличную къ намъ привязанность и превеликое уваженіе. Часшо дѣлали для насъ обѣды, вечеринки; иногда бывали кашанья на саняхъ за городъ. Я всегда ѣзжалъ съ Хрипиною и Ульрикою, а кучеромъ у насъ былъ Никласъ. Корабельный Капишанъ велъ уединенную жизнь; напропивъ шого кадешкой жилъ довольно хорошо, и не рѣдко зывалъ

къ себѣ гостей. Онѣ любилъ общество, охотно игралъ въ карты, и былъ бы въ обращеніи пріятель, еслибъ, опѣ излишняго желанія кспати и не кспати величалъсь именемъ Рускаго и превозносишь свое опечесство, не впадалъ иногда въ спранныспи. Однажды позвалъ онѣ къ себѣ ужинать нѣкоторыхъ спариковъ, часшо угощавшихъ насъ обѣдами; въ эпошѣ вечерѣ въ одномъ домѣ былъ маленькой балъ, на копорой одинъ молодой купецъ, искавшій, какъ мнѣ казалось, руки Хриспининой, и пріятель мой Никласъ пришли меня звать; я пошелъ просить позволенія у кадепскаго Капишана, но онѣ спалъ меня уговаривалъ, чтобъ я оспался у него. Мнѣ очень эпошо не хотѣлось; да какъ и хотѣшь въ мои лѣша промѣнять балъ, гдѣ Хриспина и сполько хорошихъ дѣвушекъ, на скучную должность быть переводчикомъ у спариковъ? Я спалъ усиленно просить Капишана. Онѣ сказалъ мнѣ: я знаю, что лишаю тебя великаго удовольствія, и для того не хочу приневолишь; но прошу изъ дружбы, сдѣлай мнѣ величайшее одолженіе, останься у меня сегодня. Просьба сія была не иное что, какъ учпивое приказаніе. И шакъ я принужденъ былъ возвратишься къ моимъ пріятелямъ и печально объявишь имъ, что меня не пускають. Ихъ эпошо очень огорчило. Никласъ сказалъ мнѣ: сесправелѣла тебя звать непременно; и оба они

надъ ними, надъ собою, и надъ всѣми : называть это неподчиненностію и говорить, что онъ за дѣло ихъ прогвалъ, естъ, кажешся, поже, что въ совершенной ихъ покорности видѣшь неповиновеніе ; а въ гибельномъ для всѣхъ и прошиву-законномъ упорствѣ Капитана должное наблюденіе порядка службы.

Въ 5-мъ мѣстѣ , разсуждая о упорности Капитанской, дѣлаеть онъ слѣдующее замѣчаніе: (*)

„Прежде въ Европѣ морскіе Капитаны , почитали за безчестіе пережить поперю , своего корабля ; сіе нѣкопорымъ образомъ , извинительно , когда они сами причиною , оной. Но во всякомъ случаѣ , имѣя власшь , надъ собспвенною своею жизнію , не были , они въ правѣ лишать своего Государя нѣсколькихъ сотъ полезныхъ Ему подданныхъ. Впрочемъ Капитанъ корабля В.... , шцтилѣ шолько , какъ изъ послѣдствія , видно.“

Шцтилѣ? вопъ пречудесное заключеніе! Опчаяніе , сильное пораженіе ума при шакомъ бѣдствіи хопя естъ и не похвальное малодушіе , однако еспественно , и можно себѣ представишь оное; но вообразить , что человѣкъ , спояцій на краю пропасти и помышляющій вмѣстѣ съ другими погрузишь ся въ нее, забавляешся и шупишь надъ ихъ

(*) Стр. 240.

слезными прозьбами, хопя и знаешъ, что такими непозволительными и нееспешивными шушками можешъ себя одного подвергнуть спрогой отвѣшственности и осужденію—признаюсь, что такой человекъ, съ такимъ въ это время расположеніемъ духа къ шушкамъ и забавамъ, есть нѣкое необыкновенное явленіе въ природѣ! Г. Замѣчатель говоритъ, что это изъ *послѣдствія видно*. Не знаю, откуда ему видно то, чего никто другой конечно не увидишъ.

Въ 6-мъ мѣсѣ, гдѣ сказано, что на кораблѣ нашемъ не было никого, кто бы говорилъ иносстраннымъ языкомъ, Г. Замѣчатель распространяется о надобности знать языки, и между прочимъ доказываешъ слѣдующимъ примѣромъ.

„Когда одинъ Адмиралъ пѣнялъ (1799 г.) „Главнокомандующему Англинскаго флота, „что онъ не сообщилъ ему тайной цѣли нѣ- „копрыхъ военныхъ приговоровъ, о ко- „прыхъ знать Адмиралъ имѣлъ право; по „Англичанинъ извинялся тѣмъ, что онъ не „могъ иначе съ нимъ говорить, какъ посред- „ствомъ молодыхъ Офицеровъ, его перевод- „чиковъ, копорымъ онъ опасался вѣришъ „тайну столь великой важности. Но незна- „ніе во время сей тайны Адмиралу надѣлало „много хлопотъ!“ (*)

(*) Примѣчаніе на стр. 248.

Г. Замѣчатель повидимому любилъ обвинять. Руской Адмиралъ у него не правъ, что не зналъ по Англински, Англинской же правъ, что не зналъ по Руски. Языки конечно хорошо и нужно знать, но не должно поспешивать сего главнымъ достоинствомъ, которое состоитъ въ томъ, чтобы быть хорошимъ морскимъ Офицеромъ; ибо безъ сего хотя бы двѣнадцать языковъ кто зналъ — годился только въ переводчики.

Въ 7-мъ мѣстѣ на слова: *отбѣдѣ мой съ корабля былъ съ такою поспѣшностію, что Капитанъ не успѣлъ ничего мнѣ приказать*, сдѣлано на стр. 255 слѣдующее замѣчаніе:

„Всѣ подобные сему неслыханные безпорядки должно относить къ старымъ временамъ; но нынѣ едва ли случиться можетъ, чтобы начальникъ, отправляя куда нибудь своего подчиненнаго, позабылъ сказать ему, зачѣмъ онъ его посылаетъ.“

Позабылъ? у меня сказано не успѣлъ, кто по Руски знаетъ, тотъ не приметъ сихъ словъ за одно и то же. Непростительно, что Г. замѣчатель судитъ о вещахъ, которыхъ не видалъ и потому не знаетъ; но еще непросительно, что перепечатываетъ чужую статью, писанную мною о самомъ себѣ и, не прочитавъ, что въ ней сказано, говоритъ свое, не соответствующее сказанному. Еслибы онъ немножко повыше прочиталъ, то увидѣлъ бы ясно несообразность своего

замѣчанія. Тамъ съ подробностію сказано, какъ лодка пришла съ берега; какъ меня соннаго разбудили и шужь минушу кликнули на верхъ; какъ лодка, по усиленной прозвѣ приспавшая къ шпормъ-шрапамъ (висячимъ кормовымъ лѣсницамъ) пребывала, чѣмъ шопчасъ спустился человѣкъ, или она опвалила. Все сіе ошъ времени, когда меня разбудили, до времени, когда я уже былъ въ лодкѣ, продолжалось не долѣе 5 минушъ, и шупъ же у меня сказано: *состояніе мое было со всѣхъ сторонъ жалкое; я былъ въ одноиъ тцццѣ (какъ всталъ съ постели); не знаю кто сцццлъ мнѣ въ руки матроскую шляпу; ибо и той ц меня въ тц минуцу, какъ вдрцгъ меня позвали, не было и время не позволяло взять, и проч.* Эшо я самъ о себѣ рассказываю; а господинъ моей спашьи переписашель, не бывшій шупъ, не прочишавшій меня, сидя спокойно въ своей комнашѣ, издѣваешся, для чего я былъ не одѣтъ, для чего Капитанъ не сдѣлалъ мнѣ своихъ приказаній и насшавленій, называешъ эшо *неслыханными безпорядками*, ошносящимися къ *старымъ временамъ* и увѣряешъ, чѣмъ въ нынѣшнія времена сего случишся не можетъ.

Въ 8-мъ мѣсшѣ, гдѣ упомянуто о грубыхъ мнѣ угрозахъ солдатскаго Капитана, состоящихъ въ словахъ: *я тебѣ руки и ноги переломаю*, сдѣлано замѣчаніе (на страницѣ 262).

*

„Подобное сему обращеніе нынѣ совер-
шенно вывелось въ нашемъ флотѣ; я ду-
маю: весьма рѣдко случается, чтобы Офи-
церъ, говоря маэпру, упошребилъ такіа
угрозы.“

Не лзя тому вывестись, чего никогда
не бывало. На что грубость одного человѣка
распространять на всѣхъ, и увѣрять, что
это было обыкновенное во флотѣ обраще-
ніе? Благовоспитанные люди и тогда, какъ
нынѣ, были учтивы, а грубые и нынѣ грубы
и впредь будутъ таковы. Солдашскій Капи-
танъ (*) сей былъ низкаго происхожденія,
человѣкъ необразованный и непросвѣщенный.
Онъ одинъ, какъ изъ поступковъ его мною
описанныхъ можно видѣть, мало дѣлалъ че-
сти Офицерскому званію. Спранное дѣло,
что Г. Замѣчатель о немъ одномъ не гово-
ритъ ни слова, его одного имени не выспа-
вилъ и чрезъ то какъ бы исключилъ его изъ
числа шѣхъ, копорыхъ пошомковъ заспа-
вляеть онъ краснѣвъ опъ спыда.

Наконецъ по окончаніи моей спашьи (не
выпусая изъ ней даже и того, что совсѣмъ
не принадлежишь къ описанію кораблекру-
шеній), Г. *списатель* ея прибавляеть опъ
себя:

„Какой хорошій Офицеръ пожелаетъ

(*) То есть Капитанъ при особой солдашской
командѣ на кораблѣ.

„служишь на корабль такимъ образомъ управ-
ляемомъ, какъ корабль В. . . . управлял-
ся? (*)

Офицеры хорошіе или худые не по произволу своему выбираютъ корабли, но служатъ на тѣхъ, на которые опредѣлены будутъ. Г. Замѣчатель говоритъ далѣе :

„Оставляя уже безъ вниманія ежеминутную опасность, коей подвергались корабль и экипажъ онаго отъ безпорядочныхъ поступковъ Капишана, даже самая честь каждаго изъ Офицеровъ съ благородными чувствами отъ нихъ спрадала. . .“ (**)

Отчаяніе Капишанское, нѣсколько времени продолжавшееся, произошло конечно отъ малодушія; но можно ли сіе приключеніе съ нимъ называть *безпорядочными его поступками*? Онъ проспо на это разъ потерялъ умъ и никакихъ распоряженій ни порядочныхъ, ни безпорядочныхъ не дѣлалъ. Впрочемъ Кадетскій Капишанъ и 1-й Лейтенантъ не упустили ничего къ спасенію корабля отъ гибели, и даже самаго Капишана отъ худыхъ съ нимъ послѣдствій, какъ выше объяснено; чтожь принадлежишь до спраданія чести Офицеровъ, то никто въ описаніи моемъ сего не найдетъ. Г. Замѣчатель продолжаетъ :

(*) Спр. 316.

(**) На тойже страницѣ.

„Если бы собственный рапортъ Капитана
 „и письменное признаніе Офицеровъ, тайнымъ
 „образомъ курсъ перемѣнившихъ, не под-
 „тверждали помѣщенного здѣсь описанія бѣдъ,
 „спвѣй, съ вышепомянутымъ кораблемъ слу-
 „чившихся въ важнѣйшихъ ихъ происше-
 „ствіяхъ; то можно было бы даже усумниться
 „ся въ справедливости онаго. Кто бы повѣ-
 „рилъ, что Капитанъ военнаго корабля, иду-
 „щаго въ темную осеннюю ночь въ крѣпкой
 „вѣтръ, по 8 миль въ часъ, и приближающаго-
 „ся къ берегамъ, пошелъ въ свою каюту по-
 „койно спать и тогда, когда вѣрность кора-
 „бельнаго счисленія подвержена была боль-
 „шому сомнѣнію? . . .“ (*)

Проходъ между островомъ Борнгольмомъ
 и Шведскимъ берегомъ не такъ чрезвычай-
 но тѣсенъ и опасенъ. На этотъ разъ Капи-
 танъ конечно лучше бы сдѣлалъ, когда бѣ
 оспался на шканцахъ; но эта вина его не
 велика, что онъ пошелъ въ каюту *не покой-*
но спать (какъ Г. Замѣчатель вездѣ въ выра-
 женіяхъ своихъ увеличиваетъ вещи), но мо-
 жетъ быть *прилежъ немного*. Онъ не могъ
 ожидать, что курсъ безъ него перемѣнятъ,
 и бывший надъ нимъ въ Коллегіи судъ не по-
 ставилъ ему того въ вину. Слѣдовательно и
 восклицаніе: *кто бы повѣрилъ*, есть одна толь-
 ко пустая гипербола. Г. Замѣчатель продол-
 жаетъ спрашивать, кто бы повѣрилъ :

(*) Смр. 316 и 317.

„Что вахтенный Лейтенантъ и Штурманъ рѣшились сами собою перемѣнить курсъ? . .“ (*)

Чемужь пущь не вѣришь, когда почто это было? Г. Замѣчатель приводитъ здѣсь выписку изъ Морскаго Устава: (*Лейтенантъ не можетъ перемѣнить курса, ниже корабль поворотить на другой бордъ безъ доклада Капитанскаго подѣлишеніемъ тина*), да это всякъ безъ его выписки знаетъ. За то они были судимы и разжалованы. Они наказаны конечно справедливо, но впрочемъ почеловѣчески судя можно объ нихъ пожалѣть: они думая корабль отвести опъ бѣды попали въ бѣду. Худо сдѣлали, что рѣшились на это сами собою, за то пострадали; но мнѣ кажется, Г. Замѣчателью всего меньше надлежало бы винить за ошибку и неосторожность! Онъ продолжаетъ вопросъ: кто бы повѣрилъ.

„Что когда корабль спалъ на мѣль, по Капитанъ, вышло того, чѣмъ упопре-
„билъ всѣ средства къ спасенію его и эки-
„пажа, заперся въ каюту и хотѣлъ, чѣмъ
„всѣ вмѣстѣ съ нимъ погибли?“ (**)

Сто разъ говорено, что Капитанъ поперялъ голову, впалъ въ опчаяніе; къ чемужь здѣсь сіи бесполезные вопросы? Подобныя замѣчанія похожи на то, какъ бы пѣнять больному, для чего онъ не здоровъ. Г. Замѣ-

(*) Стр. 317.

(**) Стр. 317 и 318.

чашель продолжаетъ вопрошати, кто бы повѣрилъ:

„Что всѣ Офицеры, гардемарины и нѣсколько матросовъ, всего 40 человекъ, вошли вдругъ съ представленіемъ къ Капитану въ каюту, и шѣмъ сдѣлали пошупокъ, подобный бунту, а въ послѣдствіи, ползая предъ нимъ на колѣнахъ и цѣлуя полы его плащя, унизили себя до степени Азіатскаго рабства? . . .“

Здѣсь, какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ, примѣчаешь удивительная въ Г. Замѣчатель охота показывать вещи въ превращенномъ видѣ; но онъ дѣлаетъ сіе весьма неискуснымъ образомъ. Какъ? люди, вообще весь корабль, положившіе смѣлишь Капитана, (ибо чтожь Г. Замѣчатель приказалъ бы сдѣлать, ежелибъ Капитанъ не пришелъ въ себя?) люди изъ строгой подчиненности, изъ великодушія, изъ любви къ своему Начальнику ползающіе предъ нимъ на колѣнахъ и цалующіе полы плащя его, сдѣлали пошупокъ подобный бунту? И что еще спрашивать: онъ называетъ сіе вмѣстѣ и *бунтомъ* и *Азіатскимъ рабствомъ*, то есть, дѣйствіями одно другому противными! Г. Замѣчатель продолжаетъ:

„И что наконецъ, когда Капитанъ по угрозамъ экипажа принявшій команду—(при всякомъ словѣ должно останавливаться и обличать несправедливость онаго. *По угрозамъ экипажа?* давно ли ползаніе на колѣнахъ

и цалованіе плащя называется угрозами?)—
 „рѣшилъ послать на чужестранный берегъ
 „съ прозьбою о помощи; шо отправилъ для
 „сего гардемарина въ *тцлцнѣ*, не сказавъ ему,
 „къ кому и за чѣмъ его посылаетъ; а шошъ
 „поѣхалъ, и самъ не вѣдая чего ради? . . .“ (*)

Мы уже видѣли неосновательность сего замѣчанія. Г. Замѣчатель продолжаетъ:

„Самый призывъ мапсровъ на совѣтъ
 „унижаетъ не только Офицеровъ, но и са-
 „мую службу. Такого рода *мірскія сходки* мо-
 „гутъ только бытъ на купеческихъ су-
 „дахъ.“ (**)

Мы видѣли также и сихъ сужденій не-
 основательность. Впрочемъ сравненіе сихъ
 призывовъ на консиліумъ съ *мірскими сход-
 ками* есть ошибочное сравненіе. Унтеръ-офи-
 церы, или старые мапсросы, не равняются
 здѣсь съ Офицерами, не рѣшаютъ ничего, не
 повелѣваютъ вмѣстѣ съ ними; но разпредѣ-
 ляются опъ нихъ, пріемлютъ приказанія
 для соблюденія порядка и почнаго исполне-
 нія, и есшлы бы между шѣмъ кто изъ нихъ
 напомнилъ или предложилъ что либо нуж-
 ное, шо для чегожъ того не принялъ? эшо
 было бы изъ гордосши и щеславія прене-
 брегать пользою службы. Г. Замѣчатель въ
 выносѣ прибавляетъ къ шому слѣдующее.

(*) Стр. 318.

(**) Стр. 318 и 319.

„Изъ рапорта Капитанскаго видно, что „рядовые были призываны въ совѣтъ во всѣхъ „случаяхъ, какъ то: они рѣшили, что нужно „срубить мачты, отдаваясь далѣе на мѣль „по канату и проч.“ (*)

Не можетъ быть, чтобы это написано было въ Капитанскомъ рапортѣ: мачты срублены по приказанію Капитана. Никто еще тогда призыванъ не былъ, и нѣкогда было призывать; ибо мачты срублены не больше, какъ минушъ черезъ 10, отъ прикосновенія корабля къ мѣли, и при томъ всѣ лучшіе люди были тогда на мачтахъ, съ которыхъ едва до паденія ихъ успѣли спуститься по веревкамъ. Чужою принадлежностью до отдаванія далѣе на мѣль по канату; то конечно рѣшено сіе не *рядовыми*, но Офицерами по консиліуму, то есть по общему согласію, прописанному въ моей спашь; но къ исполненію сего не прежде приступлено, какъ по соглашенію на то Капитана. Я не могу понять, какое желаніе побуждало Г. Замѣчателя взять мою спашью, перепечатать ее и выводить изъ ней заключенія совсѣмъ прошивныя смыслу того, что въ ней написано. Далѣе, послѣ нѣкоторыхъ подобныхъ же примѣчаній, продолжаетъ онъ и оканчиваетъ:

„Обхожденіе нѣкоторыхъ изъ Офицеровъ „съ чужестранцами также мало чести имъ

(*) Примѣч. на стр. 317.

„приносишь. Кадепскій Капишанъ, по званію „своему, долженъ быть образованнѣйшій изъ „нихъ; но брань за каршу, опзывъ его на „щепъ Графа Вахшмейстера и произшедшая „изъ того ссора—(какая?)—показываешь уже, „что онъ былъ весьма худой наставникъ мо- „лодыхъ людей.“ (*)

Г. Замѣчатель разсуждаетъ и здѣсь споль же несправедливо, какъ и во всѣхъ вышеозначенныхъ мною мѣстахъ, обращая вниманіе на самые мелочные и упуская изъ виду опличные и доспохвальныя поступки. Выспавленные мною маловажныя пропивъ спрогаго учивисшва погрѣшности Кадепскаго Капишана опнюдь не дѣлають его *необразованнымъ и весьма худымъ наставникомъ молодыхъ людей*. Образованность состоить не въ томъ, но въ похвальной и чеспной нравспвенности. Сія необдуманность его произошла опъ излишняго желанія (какъ у меня и сказано) превозносить свое опечесство и опъ незнанія Нѣмецкаго языка, на кошоромъ онъ принужденъ былъ объясняпся. Но развѣ не видали мы его швердымъ, благоразумнымъ, дѣятельнымъ при спасеніи корабля? развѣ не видали со всякимъ смиреніемъ, не внемля гласу любочеспія, оприцавшимся опъ приняшія вручаемой ему команды, почпишельнымъ и великодушнымъ про-

(*) Стр. 319 и 320.

тивъ начальника своего, корабельнаго Капитана, крошкимъ и милоспивымъ въ обращеніи со мною, своимъ подчиненнымъ? развѣ всѣ сіи добродѣтели уничтожающа шѣмъ, что онъ въ разговорѣ съ Салдерномъ, не знавши языка, объяснился не такъ хорошо, какъ бы надлежало? Г. Замѣчатель сполько же ошибается въ семъ заключеніи, сколько и во всѣхъ прочихъ замѣчаніяхъ своихъ. Онъ принудилъ меня написать сіи мои прошивъ оныхъ возраженія. Честъ моя того требова-ла. Онъ взявъ мою спашью, составленную изъ безъизвѣспныхъ лицъ, выспавилъ скрыпый въ ней имена и въ замѣчаніяхъ своихъ приписываетъ имъ порочные и даже безчеспные поступки въ прошивность описанія моего объ нихъ; можетъ быть иные изъ сихъ сослуживцевъ моихъ еще живы, другіе оспавили послѣ себя дѣшей или родспвенниковъ. Прочитавъ замѣчанія Г. *Списателя* моей спашьи они подумаютъ, что я дѣйспвишельно изобразилъ опцовъ или предковъ ихъ доспойными всякаго предосужденія. Пусть же они прочтутъ и сіи возраженія мои, спчатъ ихъ съ описаніями въ спашѣ моей и тогда увидятъ, кому надлежитъ спыдаться: имъ ли за дѣла опцовъ своихъ и предковъ, мнѣ ли, ни мало ихъ не оскорбившему, или тому, кто несправедливыми замѣчаніями и превращеными толкованіями моего описанія представляетъ ихъ шакowymi?

Вашъ М. Г. м., покорный слуга: *Сотини-
тель статьи подѣ заглавіемъ: Отрывокъ изъ
жизни Н., напечатанной въ Опецесшвенныхъ
вашихъ Запискахъ.*

Конецъ двѣнадцатой части.

66 425 A A 30

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 02879 6665

